

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

№ 3 • 2015 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Интроспекция: дискуссии, размышления

- Яновский М. И. Самонаблюдение как метод психологии. 3
- Семенов И. Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности 22
- Приёмко К. Д., Клегг Дж. В. Теоретическая структура самонаблюдения в контексте интервью 40
- Отрывки из книги С.В. Кравкова «Самонаблюдение». 57

Обзорно-аналитические исследования

- Веракса А. Н. Развитие регуляторных функций дошкольников в образовательном процессе 65
- Соленов И. В., Гордеева О. В. Мистико-религиозные состояния сознания в исихазме: влияние на их характеристики целей и техник религиозной практики. 74

Эмпирические исследования

- Матюшкина А. А. Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления. 93

Психология — практике

- Шойгу Ю. С., Филиппова М. В. Этические аспекты экстренной психологической помощи представителям разных культур. . . 108

Юбилей

- К 70-летию Юрия Михайловича Жукова. 117

CONTENTS

Introspection: discussions, reflections

Yanovsky M. I. Self-observation as a method of psychology	3
Semenov I. N. The reflexivity of self-observation and personology of introspection: To ontology and methodology of reflexive psychology of personality.	22
Pryomka K. D., Clegg J. W. A theoretical framework for self-observation in an interview context.	40
Excerpts from the book S.V. Kravkov "Self-observation".	57

Review, analytical studies

Veraksa A. N. The development of the executive functions of preschool children in the educational process.	65
Solenov I. V., Gordeeva O. V. Mystical religious states of consciousness in Hesychasm: Effect of goals and techniques of the religious practice on the states characteristics	74

Empirical studies

Matyushkina A. A. Levels of problem solving as a reflection of the depth of thinking.	93
---	----

Psychology to practice

Shoigu Ju. S., Filippova M. V. Ethical aspects of emergency psychological aid to representatives of different cultures	108
--	-----

Anniversaries

To the 70th anniversary of Yury Mikhailovich Zhukov.	117
--	-----

ИНТРОСПЕКЦИЯ: ДИСКУССИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

М. И. Яновский

САМОНАБЛЮДЕНИЕ КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИИ

В статье выдвигается идея о том, что причиной отсутствия единства психологической науки является отказ от естественного метода психологии — самонаблюдения. Утверждается, что самоочевидность внутреннего опыта у Р. Декарта есть следствие совпадения в самонаблюдении гносеологии и онтологии, акта знания и акта бытия. Выявлен органичный, неискажающий характер интроспекции при понимании психики как управляемой механизмом апперцепции (что реализует понимание психики как определенным образом организованной внутренней работы, т.е. психический детерминизм). Механизм апперцепции означает наличие в психике исходной неоднородности, множественности, квазиполисубъектности. В связи с этим проблема эффективного самонаблюдения рассматривается как проблема эффективной коммуникации разномерных, разнокоординатных сфер психического аппарата человека, адекватных внутренним трансляций опыта и адекватных внутренним переводов.

Ключевые слова: самонаблюдение, интроспекция, апперцепция, субъектность, полисубъектность.

Самонаблюдение — наблюдение психического как реальности

Перманентный кризис в психологии (Выготский, 1982; Мазиллов, 2006; Розин, 1994; Bühler, 1927) вызывает необходимость обратиться к истокам психологической науки и еще раз попытаться идентифицировать «камень», упомянутый Л.С. Выготским в эпиграфе к своей известной работе: «Камень, который презрели строители, стал во главу угла...» (Выготский, 1982, с. 291).

Исторически самонаблюдение (интроспекция) — первый метод научной психологии. Трудно себе представить, что могло бы быть иначе, учитывая, что именно в самонаблюдении психическое предстает *эмпирикой в прямом смысле*, а не конструктом, как это характерно для философских воззрений, житейской психологии или тех представлений о психике, которых, как правило, придерживаются

Яновский Михаил Иванович — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии Донецкого национального университета (ДонНУ). *E-mail:* yanovs@rambler.ru

представители естественных наук. Отказавшись от самонаблюдения — своего «предельно специфического метода» (Никандров, 2003, с. 182), — психология потеряла свой естественный критерий достоверности, что стало приводить к неожиданным флуктуациям и превращениям ее предмета (при, казалось бы, очевидной истине, что предмет психологии — психика), а также к размыванию границы между научным и ненаучным знанием в ней. Здесь, на наш взгляд, и следует искать причину того многообразия теорий, которым славится психология, и той трудности в интегрировании психологических знаний, которую, собственно, и называют «кризисом психологии».

Профессионального психолога отличает не только знание закономерностей и механизмов психики и технологий воздействия на нее, но и умение работать с психической реальностью как с непосредственной данностью, «чувствовать» ее (Шиленкова, 2003). А это значит, что профессионализм в психологии не обходится без опытности в самонаблюдении. Более того, все методы психологии имеют отношение к психологии постольку, поскольку опираются на интроспекцию или ее элементы в той или иной форме (Карицкий, 2005).

В вопросе о самонаблюдении накопились определенные стереотипы, которые подвергаются критике (Левченко, 2007; Розен, 1977; Яновский, 2001; Locke, 2009). Однако в значительной мере на оценку интроспекции как метода влияют две идеи: а) субъект не может раздвоиться: одновременно осуществлять какую-либо психическую функцию и наблюдать за ней; б) факт наблюдения принципиально искажает наблюдаемое психическое явление. Наша статья посвящена обсуждению этих двух идей.

Зафиксируем также, что в данной работе понятия «самонаблюдение» и «интроспекция» не разводятся. На наш взгляд, это тот случай, когда есть два термина, «исходно являющиеся синонимами, но при долгом использовании формирующие иллюзию, что за ними стоят разные понятия»; при этом «всегда находятся специалисты, старающиеся их различить» (Карицкий, 2010, с. 88).

Самонаблюдение как самоочевидное знание

Вероятно, историю метода самонаблюдения в европейской психологии следует начинать с Р. Декарта — «самого таинственного философа Нового времени» (Мамардашвили, 1993, с. 4). Именно он пришел к идеям, которые определили возможность для самонаблюдения быть принятым в качестве центрального метода в исследовании души. Согласно Декарту, существование души подтверждается для нас в акте самонаблюдения без всяких логических

умозаключений — как очевидность. Если в реальности различных предметов можно усомниться, то осознание акта мысли — единственное, что не может быть подвергнуто сомнению. Декарт при этом опирается на *самоочевидность* как критерий истины, а не на практику или внешний опыт. Такой критерий органически соответствует цели Декарта найти идеальный критерий истины, так как при его поиске мы должны отклонить внешний опыт и практику как подверженные влиянию случайности. Самонаблюдение находится в наиболее близком отношении к самоочевидности, является его ближайшей реализацией. Это позволяет Декарту разделить в своей концепции душу и тело как две разные реальности, требующие *разных методов познания* (непосредственного и опосредованного), и противопоставить их как две разные «субстанции» (что в свою очередь превратило слово «картезианство» в одно из любимых ругательств психологов XX и XXI веков).

Таким образом, самонаблюдение стало у Декарта специфическим методом познания души (в отличие от внешнего наблюдения, предназначенного для изучения тел). Отметим один момент, проявившийся уже у Декарта, но имеющий значение вообще для адекватного понимания природы интроспекции. Его «*cogito ergo sum*» лишь по недоразумению понимают как умозаключение (Мамардашвили, 1993). В действительности здесь зафиксирована точка пересечения гносеологии и онтологии и именно в этом сила достоверности данного выражения. У Декарта самонаблюдение имеет повышенную достоверность потому, что в нем субъект зависит от своей свободы воли: он может подумать «так» или «так», захотеть «того» или «того», и тем самым он становится как бы понятным, «прозрачным» для себя. В таком акте самопроявления субъект становится доступным познанию, которое он же и осуществляет. Знание и бытие совпадают. Но это значит, что Декарт считал силой самонаблюдения то, что в будущем стали считать его слабостью. А именно: в акте самонаблюдения субъект, являясь одновременно и объектом, не фиксируется и не может фиксироваться в виде точного слепка, «фотографии». Акт самонаблюдения — это акт жизни, бытия. В самонаблюдении всегда есть самоизменение (через которое происходит самопроявление души), поэтому никогда и невозможно достичь полной точности в описании и фиксации состояния внутреннего мира и какого-либо его явления в какой-либо момент. В XIX и XX вв. эта невозможность послужила одним из главных направлений критики интроспективной психологии Вундта и его последователей. То, что для Декарта было основанием максимально возможной достоверности знания, во времена Вундта и позже стало рассматриваться как источник недостоверности самонаблюдения.

Если усилия Декарта были направлены на выявление и рассмотрение необходимой специфичности методов познания души, то В. Вундт стремился распространить на эти методы общенаучные нормы (Мазилков, 2008), а также (вслед за Э. Махом) завоевать для них право на научный статус. В системе В. Вундта познавательная надежность самонаблюдения в значительной мере держится на понятии апперцепции. Апперцепция выступает той методологической посылкой, которая позволяет использовать данные самонаблюдения как центральный (а не второстепенный, дополнительный) материал исследования. Попытаемся разобраться в сущности этого понятия.

Самонаблюдение и апперцепция

В учебниках по психологии понятие апперцепции характеризуется узко: как одно из свойств восприятия, отличающих последнее от ощущения (даже С.Л. Рубинштейн с его субъектно-деятельностной трактовкой психических функций в общем не выходит за рамки этого понимания (Рубинштейн, 1998)). В то же время в концепциях многих классиков психологии XX в. аналоги апперцепции как некоего механизма осуществления *собственно психической детерминированности* отдельных психических явлений или психики в целом занимают немаловажное место (например: «гештальт» в гештальт-психологии, «жизненный стиль» и «жизненная программа» у А. Адлера, «компенсаторная функция» у К.Г. Юнга, «аккомодация» и «ассимиляция» у Ж. Пиаже, «установка» у Д.Н. Узнадзе).

Центральное положение понятия апперцепции в интроспективной психологии В. Вундта нельзя считать случайным, поскольку связка «интроспекция—апперцепция» заложена уже в исходном понимании апперцепции автором этого понятия — Г.В. Лейбницем. Лейбниц называет апперцепцией восприятие, сопровождаемое осознанием его, или само это осознание восприятия: «...следует делать различие между *восприятием-перцепцией*, которое есть внутреннее состояние монады, воспроизводящее внешние вещи, и *апперцепцией-сознанием*, или рефлексивным познанием этого внутреннего состояния...» (Лейбниц, 1983а, с. 406). Апперцепция, будучи «рефлексивным познанием», «осознанием нами прошлых восприятий» (Лейбниц, 1983б, с. 240), — это процесс, в котором отдельное восприятие пластически сопрягается с целостностью «души»-монады, не разрушая, а интегрируясь в ее единство. В отличие от популярных представлений о рефлексии как об инородном теле в перевозданном, естественном «теле» психики (в XX в. такое представление подкреплено авторитетом психоанализа) у Лейбни-

ца, как автора идеи интегрального исчисления, рефлексия — это форма органичного процесса интегрирования психики.

Так, в своей концепции Лейбниц исходит из того, что любой познающий субъект несет в себе скрытое знание обо всем, что есть и происходит в мире: «всякая монада есть живое зеркало, наделенное внутренним действием, воспроизводящим универсум со своей точки зрения» (Лейбниц, 1983а, с. 405); «всякое тело чувствует все, что совершается в универсуме» (там же, с. 424). Такое скрытое знание Лейбниц называет «малыми восприятиями». Но «малые восприятия» — это знание, получаемое пассивно, механически, без всяких усилий со стороны субъекта. Оно доступно субъекту, но не принадлежит ему полностью. В некотором смысле это еще не знание. Полноценное знание возникает лишь тогда, когда «малые восприятия» дополняются рефлексией, т.е. включением их в систему уже понятого и осмысленного субъектом прошлого опыта. Таким образом, «малые восприятия» — это смутное знание; восприятие, прошедшее через рефлексю (т.е. через апперцепцию), — знание отчетливое. Оно является дифференцированным и осознанным. Но отчетливость знания предполагает как раскрытость, ясность содержания знания, так и очерченность границ этого содержания, т.е. соотнесенность с каким-либо определенным объектом, фрагментом реального мира. Конкретизированность, определенность объекта знания в свою очередь предполагает конкретизированность, определенность субъекта знания (хотя бы в том смысле, что субъект должен различать *свои* субъективные преходящие состояния и объективные характеристики объекта). Поэтому мы имеем право утверждать, что знание, прошедшее через апперцепцию (апперцепированное знание), — это знание, обязательно содержащее в себе явно или имплицитно как знание об объекте, так и знание о субъекте. Поэтому Лейбниц характеризует апперцепцию как рефлексивное познание.

Таким образом, апперцепция, по Лейбницу, — это отчетливое познание, предполагающее различенность объекта и субъекта познания, определенность и конкретизированность их как элементов знания. Поэтому и рефлексия, т.е. знание субъекта о себе, самосознание — необходимый элемент любого отчетливого (а значит, полноценного) знания. Следовательно, и самонаблюдение нельзя считать таким актом исследования психических явлений, который их нарушает, поскольку оно не является чем-то таким, чего исходно в психике нет, т.е. внешним и чуждым ей. Так, и признание современной исследовательницей Н.И. Чуприковой (2010) интроспекции как источника информации о психике сопряжено с пониманием ею мозга как совокупности взаимосотносящихся и интегрирующихся

исходно разнородных систем, что равносильно, на наш взгляд, пониманию того, что процесс апперцепции организует психику.

Самонаблюдение производит то, что можно было бы называть продуктивным изменением, настройкой психических явлений. Суть этого изменения в том, что к данному отдельному психическому феномену подключается сознание личности в одном из возможных режимов (как многомерная категориальная система значений сознания, или система личностных смыслов, или чувственная ткань сознания и т.д.) (Зинченко, 1991; Леонтьев, 1977). Такое подключение не обязательно искажает, но в нормальном случае проясняет феномен за счет добавления ему мерности, т.е. его углубления, раскрытия таких качеств, которые сокрыты в нем как в вещи-в-себе.

Используя язык И. Канта, мы бы сказали, что суть работы апперцепции соответствует *аналитическим апостериорным суждениям*: получение *поясняющего опыта* (*пояснение* в противовес *расширению* — функция *аналитических суждений*; а опыт выражается *апостериорными суждениями*) (Кант, 1994, с. 37)¹.

Помогая различать субъективное и объективное, апперцепция делает для субъекта объективной реальностью (причисляет к онтологии) не только содержание объектов, но и их отношения (взаимную *соотнесенность*, представленность друг другу), т.е. их форму. Объективное знание в данном случае — это знание не только всех элементов познаваемого объекта, но и способа их упорядоченности, их соотнесенности между собой и с внешними объектами. На эту особенность апперцепции указывал В. Вундт: «Самая элементарная функция апперцепции есть отнесение двух психических содержаний друг к другу. <...> выполнение такого отношения состоит всегда в особой деятельности апперцепции, благодаря которой отношение само по себе становится особым содержанием сознания, существующим на ряду с относимыми друг к другу содержаниями, хотя, конечно, и тесно связанным с ними» (Вундт, 1912, с. 219).

Таким образом, апперцепированное знание — это знание содержания какого-либо объекта и соотнесенности частей содержания между собой, но также это знание содержания и субъекта знания. Следовательно, апперцепция содержит в качестве «оси» соизмерение масштаба, сопряжение, **связку** между реальным и определенным объектом знания и реальным и определенным

¹ Данный вид суждений (*аналитические апостериорные*) — единственный, который был проигнорирован Кантом, и потому понимание им апперцепции оказалось искажено и смещено в сторону того, что Ф. Brentano позже стал называть интенциями. Интенциональная природа кантовских априорных форм видна, например, в очевидном подпадении «категорического императива» под понятие «интенция». Неслучайно поэтому И. Кант отрицал и интроспекцию.

субъектом знания. Если представить процесс познания абстрактно — как передачу информации из одной части мира в другую, то можно сказать, что понятие апперцепции конкретизирует и отправителя информации, и ее получателя наряду с ее *содержанием* и способом передачи. То есть апперцепция — это такое понятие, которое фиксирует имплицитное наличие в познавательном процессе в более или менее проявленной форме трех компонентов: субъекта знания («кто знает»), объекта знания («что знает») и их связки, соотнесенности («как знает»). При этом соотнесение в апперцепции — *prima inter pares* трех компонентов. Апперцепция — онтологическая ориентировка субъекта, совершающего процесс познания чего-либо, по отношению к познаваемому объекту. При этом мы должны учитывать, что сопоставлять можно лишь то, что реально уже до акта сопоставления, т.е. имеет опору в себе, а значит, свою внутреннюю с собой соотнесенность. Поэтому наряду с соизмерением субъекта и объекта познания есть также внутреннее соизмерение (масштабирование) субъекта с самим собой, которое реализуется через рефлексию, самосознание или (если это происходит в развернутой систематизированной форме) через самонаблюдение, интроспекцию. Следовательно, можно говорить, что апперцепция органически связана с самонаблюдением. Эти два понятия взаимно необходимы.

В этом смысле принятие нами понятия апперцепции влечет за собой и необходимость признания самонаблюдения не чуждым науке методом познания, а, напротив, одним из важных научных познавательных средств.

Апперцепция и субъектность

Взаимосвязь самонаблюдения и апперцепции можно показать и с другой, более простой стороны. Апперцепция выводит психическую активность из погруженности в предметность, в само содержание отдельного восприятия, представления или иного психического явления и за счет установления его отношений с другими восприятиями и т.п. заставляет ее (психическую активность) охватывать это психическое явление сознанием как единое целое, как единицу внутреннего мира, что и становится началом самонаблюдения. То есть апперцепция — это рефлексия того, *что* означает воспринятая информация, но не во внешнем плане (например, для деятельности), а во внутреннем, в мире субъекта, в психике *как целом*. Ученик Вундта Н.Н. Ланге подчеркивал, что «апперцептивный процесс обусловлен всей индивидуальностью, в нем выражается вся психическая личность»; «здесь участвует и

влияет *вся совокупность* того, что было вообще пережито данным индивидуумом» (Ланге, 1996, с. 82). Образно говоря, апперцепция — это оценка психикой как единым целым одного частного психического элемента. Возможно, для обозначения этого процесса оценки было бы уместнее называть психику душой, поскольку понятие души содержит субъектность как свой аспект (душа — это и субъект определенного рода активности), а понятие психики само по себе бессубъектно. Но здесь мы ограничимся лишь фиксацией того, что понятие апперцепции актуализирует для нас субъектные свойства психических процессов: в апперцепции психика «срабатывает» как единый субъект, рефлексирующий свое отношение к новому восприятию. Происходит это посредством разотождествления субъекта с процессом восприятия, выхода из погруженности в него и перехода в рефлексивную, внешнюю по отношению к нему позицию. Но рефлексия совершается не из «ничего», а из психики как единства и целостности. Происходит процесс смены самоидентифицированности субъекта. Или, иначе говоря, субъектность переадресовывается от одной точки психического мира к другой, более синтетичной и более высокой в иерархическом устройстве психики. Из этого можно вывести ряд важных следствий. Начнем с того, что такая смена точек позволяет субъекту менять перспективу созерцания внутреннего мира, возникающую при самонаблюдении. Это позволяет совершать познавательный процесс без непосредственных событий-толчков. И настолько, насколько психика признается реальностью, а не фантомом («кажимостью», по выражению Л.С. Выготского (1982, с. 420)), этот познавательный процесс является эмпирическим, опытным познанием, т.е. *наблюдением* (точнее говоря, самонаблюдением). Это означает, что в апперцепции самонаблюдение становится объективным методом фиксации определенной реальности, в том числе реальных явлений. Эти явления становятся доступны наблюдению лишь при смене точек наблюдения во внутреннем мире. И, значит, зависимость встречи субъекта с фактом своего внутреннего мира от его активности во внутреннем плане — не доказательство фиктивности этого факта, а лишь особое условие, сравнимое с необходимостью активного перемещения ученого в пространстве для получения доступа к изучению какого-либо редкого природного явления. Специфика такого познавательного процесса в том, что он совершается при условии выключения субъекта из других форм активности (апперцепция — это внутриспсихическая работа). То есть апперцепция — это активность, возникающая, когда взаимодействие с внешним миром (в том числе перцепция) временно сведено к минимуму. Значит, апперцепция — это деятельность, дополняющая перцепцию

(или какой-либо другой психический процесс). И поскольку апперцепция есть лишь наименование реального психического процесса, являющегося особой фазой функционирования психического аппарата, снимается возможный аргумент против интроспекции как метода исследования, изолирующего психику от реальной жизнедеятельности в замкнутом внутреннем пространстве.

Трансформируясь в собственно самонаблюдение, апперцепция не теряет своих принципиальных особенностей и остается также фиксацией связей, соотношений между какими-либо психическими явлениями, что в развитой форме означает фиксацию особенностей существования и течения данного психического феномена в контексте психики как целого, в соотношении с психикой как целым (в противоположность соотношению с внешними объектами). При этом в чистом самонаблюдении фиксируется уже не столько то, как частное психическое явление ведет себя в целом психики, а то, как целое психики (=душа) ведет себя относительно частного явления (иначе говоря, меняются, инвертируются фигури-фонные отношения психики в целом и частного психического явления: в апперцепции поведение психики становится фигурой, а частные феномены — фоном; это может означать, что апперцепция переводит психику в волевую модальность функционирования (именно для воли характерна целостность проявления психики (Василюк, 1984, с. 138))).

Таким образом, постановка задачи на самоисследование требует смещения направления внимания и интереса в процессе рефлексии. Но это не есть источник принципиальных искажений. Почему?

Потому что для определения статуса отдельного психического явления невозможна абсолютная система отсчета. Независимо от того, на идеалистических или материалистических позициях мы находимся, мы должны признать, что феномены внутреннего мира *по определению* недоступны *непосредственному внешнему* наблюдению. Это значит, что в явлениях внутреннего мира возможен лишь один наблюдатель в прямом смысле — сам субъект, обладатель *этого* внутреннего мира. И если он изменил масштаб самосозерцания, точку обзора, перспективу видения внутреннего мира, то *принципиально* невозможно говорить, правильно ли или неправильно он сделал, более или менее объективное знание он тем самым стал получать (т.е. в силу встроенности субъекта в свой психический мир в познании последнего не может не действовать принцип относительности). Невозможно также раз и навсегда установить, что лишь частное психическое явление может быть объектом в самонаблюдении и психика как целое — субъектом. Внутренний наблюдатель может разотождествиться не только с

частным восприятием, но и с психикой как целым и, таким образом, саму ее сделать объектом наблюдения. Вопрос только в том, где, в какой точке субъективного пространства должно оказаться наше сознание, наше «Я», чтобы мы могли охватить всю психику как единый объект наблюдения?

Чтобы решить этот вопрос, нужно учесть, что целостность психики никогда не становится завершенной, поскольку исследующий и сознающий ее субъект живет и действует, а потому непрерывно меняет ее. Психика должна была бы стать полной и завершенной целостностью лишь при утрате этого субъектного центра, т.е. после смерти. Но тогда одновременно потерялась бы возможность прямого исследования психики изнутри, т.е. самонаблюдения. Кроме того, «выход» субъекта из психики означает выход из ее состава важнейшего элемента, без которого разговор о целостности психики теряет смысл. Поэтому целостность психики в принципе возможна лишь при участии в ней меняющего ее субъекта. Но, как мы выяснили, при его же участии целостность (в полном смысле) невозможна. Как разрешить это противоречие? Разрешить его можно, лишь предположив способность субъекта одновременно находиться и внутри, и вне психики. Термин «одновременно» здесь неточен, поскольку для фиксации одновременности нужен посторонний внешний наблюдатель (вспомним рассуждения А. Эйнштейна об условиях фиксации одновременности двух событий), а такового в данном случае в принципе быть не может. Поэтому одновременность в данном случае будет означать такое положение субъекта, при котором он может себя зафиксировать как находящегося внутри психики и как находящегося вне ее. Но находиться вне своей психики можно лишь там, где ее *еще* нет. Ибо там, где она *уже* есть, она «вырастает» из моего самоотождествления с каким-либо опытом, и поэтому в любой момент настоящего я нахожусь внутри психики, т.е. отождествляю себя с каким-либо психическим явлением или содержанием. Моей психики *еще* нет лишь в будущем. Поэтому и обозревать свою психику извне можно лишь из будущего. Или, иначе говоря, целостность психики всегда как бы предстоит. И чтобы в самонаблюдении охватить психику как целостное единство, нужен такой акт сознания, такое действие субъекта, которое было бы в одном аспекте в настоящем, а в другом аспекте в будущем. Такое действие — деятельное соучастие, достройка объекта в согласии с его внутренней природной необходимостью.

Особенность такой достройки объекта — обратимость субъект-объектных позиций. Невозможно раз и навсегда однозначно установить: достраиваемый объект — это объект помогающего

ему субъекта или он — субъект, наращивающий свою субъектность, восстанавливающий ее посредством внешнего помощника.

Апперцепция — это и есть деятельное соучастие всей психики в жизни одного частного психического явления. Поэтому обратимость субъект-объектных отношений наблюдается именно в апперцепции — между психикой в целом и частным психическим явлением. И эта обратимость есть результат того, что субъект-объектные отношения не только принимаются, но творятся, являются частным (а потому зависимым от более существенных факторов) аспектом творчества-«деятельного соучастия», размыкающего психику в будущее.

Одно из следствий этого — потенциальная субъектность любого психического явления или процесса. Любая эмоция или мысль может с определенной точки зрения считаться субъектом (точнее, квазисубъектом). При всей фантастичности этого утверждения отметим, что оно имеет определенное признание в современной психологии. Так, у канадского психолога Э. Берна имеется близкое в целом понятие «состояния Я» («эго-состояния») — одновременно сосуществующие, квазисамостоятельные феноменологические образования (Берн, 1992). В гештальттерапии применяется понятие «субличность» (Папуш, 1994; Польстер, 1999). У Лейбница, введшего понятие «апперцепция», использовалось также понятие «монада», обозначавшее не только все сознание человека в целом, но и множество отдельных активных «субъектов», составляющих человеческое тело и проявляющих себя в сознании человека как части этого сознания (Лейбниц, 1983а, с. 413—429). В XX в. идеи многомонадной структуры устройства человека, в том числе его психики, развивал русский философ Н.О. Лосский (1999). Близкую по сути идею понимания психики как пространства взаимных соотношений-координат физиологических рецептивных систем выдвинул И.Н. Карицкий (2006): психика как своего рода стереоэффект, возникающий от наложения разных параллельно действующих систем.

При таком понимании психических явлений вся психика в целом предстает как сообщество субъектов-элементов психики, сама субъектность которых зачастую носит потенциальный характер. Тогда апперцепция — это акт сотрудничества этих субъектов-элементов, соучастия в своем сообществе; в частном случае — соучастное включение ими в свое сообщество какого-либо нового восприятия-элемента. Соучастие в данном случае совпадает с взаимоориентировкой («взаимо-» — потому что здесь все элементы выступают в большей или меньшей степени субъектами и поэтому они *взаимоотносятся* друг к другу). В таком сообществе

отсутствует абсолютный центр и соответственно — абсолютная система координат. Каждый элемент при определенных условиях может выступить в качестве такого временного центра со своей системой координат.

Отметим еще одну важную сторону апперцепции. Поскольку в каждый акт апперцепции оказывается включенным не только новый психический элемент (восприятие, мысль и т.п.), но и опыт, ранее полученный человеком, то акт апперцепции есть также по своей сути и акт припоминания, или, если использовать старый термин Платона (1993), — анамнезис, который есть не что иное, как интеллектуальная рефлексия (Мамардашвили, 1999). Поэтому, по нашему мнению, понятие апперцепции — это в некотором смысле развитие старого философско-гносеологического понятия анамнезиса.

Таким образом, понятие апперцепции имплицитно содержит достаточно сложную систему представлений об устройстве психики. Эта система несет в себе богатый объяснительный потенциал, много возможностей для более глубокого понимания разнообразных явлений психики. Нам кажется, что эти возможности по большей части остались в психологии нераскрытыми, а их богатство было оценено как синоним вообще любого достаточно сложно устроенного психического процесса: «Слово “апперцепция” может служить названием для совокупности всех психических факторов, названных нами ассоциациями» (Джемс, 1995, с. 225). Тем не менее апперцепция продолжает и поныне оставаться рабочим понятием в психологии, но только в видоизмененных формах: «В последующем развитии психологии понятие апперцепции модифицировалось в ряд новых понятий — например гештальта, установки и др.» (Митюшин, 1983, с. 32). Апперцепция — это естественная, исходная встроенность самонаблюдения в психику.

Традиционные претензии к интроспекции основаны на натурализации психических явлений, скрытом ожидании от них того же, что свойственно материальным объектам. Например, строя в своем сознании образ какой-либо эмоции в виде определенного предмета с определенными пространственными и другими характеристиками, исследователь использует условную метафору, которая лишь фиксирует факт существования эмоции и некоторые ее качества, но ею самою не является. Забывая об условности этого приема мышления или просто не имея в арсенале воображения других возможных метафор для психических явлений (Трунов, 2010), исследователь начинает ожидать от эмоции того, чего он ожидал бы и от материального предмета, — внеположенности и завершенности. Исследователю предметы даются извне, в готовом виде. Того же он ждет от психологических методов и, не находя этого качества в интроспекции, отвергает ее.

Так, утверждения Л.С. Выготского о том, что интроспекция принимает форму за содержание и сводит содержание психического процесса к форме его представленности в сознании субъекта, т.е. к «кажимости» (Выготский, 1982), исходят из предпосылки, что существует некое психическое содержание, *внеположенное* субъекту подобно какой-либо *вещи*. Но это равнозначно утверждению, что подлинные психические процессы могут быть даны субъекту в готовом виде, т.е. фактически извне. До их появления перед субъектом они никак с ним не связаны. Противоречие этой позиции в том, что здесь исследователь позволяет себе утверждать факт существования психики самой по себе, вне субъекта, способного ее обнаружить в роли наблюдателя. И на самом деле здесь исследователь имплицитно воображает себя абсолютным зрителем, откуда-то знающим о существовании психики самой по себе, вне ее субъекта. При этом психика и ее субъект полагаются изначально несвязанными друг с другом, как две отдельные вещи².

В действительности субъект изначально внутренне связан с психикой. Он соучаствует в своих психических процессах, ибо они являются формой его активности. Как пишет П.Я. Гальперин, «мы должны подчеркнуть теснейшую функциональную зависимость между субъектом и психическим отражением ситуации» (Гальперин, 1976, с. 63). По его мнению, психика без субъекта невозможна: «“Психика” — особая форма деятельности субъекта, его деятельность в плане образа» (там же, с. 120).

Участвуя в психике, проявляя себя через психическую деятельность, субъект одновременно творит себя: «Деятельность, определяя объект, над которым она производится, определяет тем самым и субъект, который ее производит» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Поэтому не существует субъекта, внеположенного психике, и соответственно не существует психики, внеположенной субъекту, которую он может рассматривать как некоторую вещь — извне. Применение к самонаблюдению схемы внешнего наблюдения вводит в заблуждение. Но из наличия внутренней связи субъекта и психики мы должны сделать вывод, что любой психический процесс так или иначе представлен субъекту, т.е. осознается им в той или иной форме. Следовательно, не существует психических процессов вне возможного самонаблюдения, вне потенциальной или актуальной интроспекции.

² Методологически это следование ошибке И. Канта, который внес разрыв между тем, что называл «вещью-в-себе» и «вещью-для-нас». В действительности «вещь-в-себе» появляется не раньше, чем появляется «вещь-для-нас»: эти понятия коррелятивны и представляют собой два ракурса **одной вещи** (тайна появляется лишь тогда, когда появляется любопытство и знание). Первичной следовало бы называть «пра-вещь» (а не «вещь-в-себе»).

О проблеме условий эффективности самонаблюдения

Однако проблема достоверности интроспекции, по-видимому, все-таки существует, но, исходя из сказанного, мы должны понимать ее не так, как это делалось обычно. Дело не в том, что наблюдение субъекта за явлениями своего внутреннего мира меняет и искажает их. Такая критика может быть обращена вообще против *любого* научного метода (Гейзенберг, 1987). На наш взгляд, дело здесь в том, что субъект, будучи свидетелем любого психического явления, случающегося в его внутреннем мире, очень часто не в силах зафиксировать это явление в памяти и затем воспроизвести его. Явление может быть: 1) очень слабым по интенсивности; 2) очень коротким по длительности; 3) замаскированным другими явлениями, доминирующими в силу разных причин (например, за счет вписанности в чуждую данному явлению смысловую сетку, которая обезличивает его и тем самым позволяет ему затеряться среди потока других явлений). Однако такие препятствия связаны не с отсутствием доступа к осознанию, к наблюдению над явлениями, а с трудностями *трансляции* первичного содержания наблюдения в ту часть сознания и в такой момент на оси времени, где субъект *в состоянии адекватно осмыслить* данные явления. Иначе говоря, проблема не в том, что самонаблюдение воздействует на свой объект и тем искажает его, а в том, что трудно адекватно *перевести* информацию об объекте с языка его первичного осознания («первовидения», по выражению Е.Ю. Артемьевой (1980, с. 32)), на язык общего, интегрального сознания субъекта: «...мы оказываемся в часто встречающейся ситуации исследования, когда структура некоторой системы описывается на языке другой системы, имеющей, возможно, принципиально другое строение» (там же, с. 21). Поскольку сознание в одном из аспектов — это внутренний язык, сеть значений (Петренко, 2005), работа такого *перевода* в чем-то равносильна работе осознания вообще. Исследователь может отказаться от такого перевода и пытаться обнаружить в наблюдаемых фактах степень их вписанности в уже существующую систему знаний и представлений о психических процессах. Правда, иногда «уже-вписанность» вынуждена в силу неумения исследователя замечать то, что находится за пределами известного и именуемого (Мюнстерберг о проблемах, возникающих при фиксации психических феноменов; по: Мазилев, 2007, с. 64—65). Но такая позиция основывается фактически на отказе иметь дело напрямую с «сырой» реальностью, еще не рассортированной по привычным понятиям, что с легкостью приводит к подмене эмпирики спекуляциями. Неадекватна и противоположная позиция — отказ от всего, что не имеет отношения к первичному, непосредственному опыту (ее пытается реализовать феноменологический подход Э.

Гуссерля). На практике такая позиция может привести к соскальзыванию исследователя на житейски привычный, но часто расплывчатый и грубый, искажающий язык наименования и описания своего опыта.

Поэтому апперцепция, которая является работой субъекта по изменению ракурса видения какой-либо информации (т.е. фактически работой по изменению языка, на котором представлена какая-либо информация), позволяет сделать интроспекцию продуктивной.

Апперцепция имплицитно предполагает наличие множества возможных ракурсов рассмотрения и видения информации. Соответственно она предполагает наличие множества позиций — точек остановки когнитивной активности субъекта. Поскольку в каждой такой точке субъект проявляет себя иначе, становится другим, мы можем условно обозначить пространство возможных позиций как полисубъектное пространство. Таким образом, апперцепция содержит в себе предположение об условной полисубъектности субъекта. Но эта условность не мешает построить метод продуктивного самонаблюдения: последнее становится адекватно реализуемым, если психологу удастся построить корреспондирующую связь между своей исходной обыденной субъектной позицией и субъектной позицией, из которой может быть выловлено искомое психическое содержание. Субъект должен переадресовать себя в изучаемую зону внутреннего мира своей жизни и затем вернуться оттуда, не утратив и не исказив при возвращении аутентичную информацию³.

Искусство переадресации субъектности и удерживаемой субъектом информации, искусство перевода информации с одного субъектного языка на другой, искусство построения корреспондирующих отношений между различными субъектными позициями (суб-, или квазисубъектами; см. выше), режимами работы сознания — это и есть суть апперцепции. Идея корреспондирующих связей между суб-субъектами в рамках психики, принадлежащей какому-либо субъекту, не может считаться чем-то совершенно новым. Подобную идею можно обнаружить у Э. Берна как координацию трех субличностей — «Родителя», «Взрослого», «Ребенка» (Берн, 2002) и у Ж.

³ Такая задача возникает при работе с измененными состояниями сознания (ИСС) (Россохин, 2009). Практика интроспекции вплотную примыкает к практикам изучения и продуцирования ИСС (Гордеева, 2005; Хант, 2004). В этой связи требует прояснения вопрос о роли интроспективных техник в медитативных и молитвенных практиках в буддизме, раджа-йоге, православном «внимании к сердцу» и т.д. («Випассана» [эл. ресурс]; Журавский, 1995; Свами Вивекананда, 2004). Вероятно, вариации интроспекции так же древни, как желание человека познать самого себя. Однако это не должно становиться поводом для отказа от научной методологии в анализе проблемы интроспекции.

Пиаже как координацию различных способов видения информации, различных видов логических операций (Пиаже, 1992).

В свою очередь перемещение субъектом своего сознания от состояния погруженности в объект, поглощенности объектом, к состоянию рефлексии своих отражений объекта, своих действий с ним и порожденных им переживаний — простейшая форма апперцепции. Используя терминологию М.М. Бахтина, можно сказать, что апперцепция возникает на границе состояний *внутри-находимости* и *вне-находимости* субъекта в наблюдаемых психических феноменах и опирается на факт трансляции субъекта из одной позиции в другую (Бахтин, 1979). Это же является ключом и к эффективной интроспекции.

* * *

Итак, самонаблюдение как элемент рефлексии есть неотъемлемая характеристика любого психического процесса в силу неразрывной связи между психикой и субъектом. Поэтому самонаблюдение не привносит в течение психических процессов что-либо качественно новое, искажающее их естественный ход. Его возможная непродуктивность есть следствие наложения на весь субъективный опыт негибкого унифицированного языка — системы координат оценивания, осознания этого опыта. Понятие апперцепции снимает эту проблему, вводя представление о множественности языков субъективного опыта, координатных систем его осознания и устанавливая их *взаимные* координации, трансляции, а также возможность трансляции первичного «сырого» опыта в какую-либо из этих систем.

Автор выражает благодарность Игорю Николаевичу Карицкому за содействие в работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7—180.
- Берн Э. Транзакционный анализ и психотерапия. СПб.: Братство, 1992.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры, или вы сказали «здравствуйте». Что дальше? Психология человеческой судьбы. Екатеринбург: ЛИТУР, 2002.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- «Випассана». URL: <http://www.transpersonal.com.ua/02/vipassana.html>
- Вундт В. Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика. 1982. С. 291—436.
- Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987.
- Гордеева О.В. Аналитическая интроспекция и кратковременная сенсорная депривация как методы изменения состояния сознания // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 72—81.
- Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1995.
- Журавский И. Тайна Царствия Божия. Рига; СПб.: Сатис, 1995.
- Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15—36.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
- Карицкий И.Н. Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 111—135.
- Карицкий И.Н. Экспликация предмета психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 105—118.
- Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 1. С. 69—101.
- Ланге Н.Н. Психический мир. Избранные психологические труды. М.: «Институт практической психологии»; Воронеж: МОДЭК, 1996.
- Левченко Е.В. История интроспекции в России (конец XIX—начало XX в.) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 2. С. 54—67.
- Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1983а.
- Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983б.
- Леонтьев А.Н. Деятельность Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А. Поляков. М.: ТЕРРА-Книжный Клуб; Республика, 1999.
- Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23—34.
- Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (интроспекция) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61—85.
- Мазилев В.А. О становлении психологии как самостоятельной науки // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 2. С. 7—24.
- Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993.
- Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / Под ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Аграф, 1999.
- Митюшин А.А. Апперцепция // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 32.
- Никандров В.В. Экспериментальная психология: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003.
- Пануш М.П. Работа с субличностями в гештальт-терапии // Консультативная психология и психотерапия. 1994. № 3. С. 165—186.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.

Пиаже Ж. Теория Пиаже // История зарубежной психологии. 30-е — 60-е годы XX века. Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 232—292.

Платон. Федон // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Loseва, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 7—81.

Польстер И. Обитаемый человек: терапевтическое исследование личности. М.: Класс, 1999.

Розен Г.Я. Интроспекция (современное состояние проблемы) // Зарубежные исследования по психологии познания: Сб. аналитических обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1977. С. 215—234.

Розин В.М. Методологические соображения о путях преодоления кризиса в современной психологии // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1994. № 1. С. 37—43.

Россохин А.В. Психология рефлексии измененных состояний сознания: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2009.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101—108.

Свами Вивекананда. Раджа-йога. М.: АСТ, 2004.

Трунов Д.Г. Дискуссия о «гносеологических ограничениях» рефлексии // Вестн. Пермского ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 40—51.

Хант Г.Т. О природе сознания: с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М.: АСТ и др., 2004.

Чуприкова Н.И. Интроспекция и явления сознания в системе естественнонаучной психологии // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 3—20.

Шиленкова Н.А. Метод интроспекции в познании внутреннего мира психолога: Дисс. ... канд. психол. наук. Пермь, 2003.

Яновский М.И. Место метода самонаблюдения (интроспекции) в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 91—96.

Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Fischer, 1927.

Locke E.A. It's time we brought introspection out of the closet // Perspectives on Psychological Science. 2009. Vol. 4. N 1 (Jan). P. 24—35.

SELF-OBSERVATION AS A METHOD OF PSYCHOLOGY

M. I. Yanovsky¹

¹ Donetsk National University (DonNU)

Abstract. In the article an idea is pulled out that cause of absence of unity of psychological science is abandonment from the natural method of psychology - introspection. It becomes firmly established that self-evidence of internal experience at R. Descartes is investigation of coincidence in the introspection of gnoseology and ontology, act of knowledge and act of being. Organic, undistorting character of introspection is educed at understanding of psyche, as apperception (which will realize understanding of psyche as the definitely organized internal work, i.e. psychical determinism) guided by a mechanism. The mechanism of apperception means a presence in the psyche of initial heterogeneity, multiplicity, quasi-poly-subjectness. In this connection the problem of effective introspection is examined as a problem of effective communication of the variety-dimensional, variety-coordinate spheres of psychical apparatus of man, adequate internal transmissions of experience and adequate internal translations.

Key words: self-observation, introspection, apperception, subjectness, poly-subjectness.

Поступила в редакцию
07.02.15

И. Н. Семенов

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ САМОНАБЛЮДЕНИЯ И ПЕРСОНОЛОГИЯ ИНТРОСПЕКЦИИ: К ОНТОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В первой части статьи анализируются историко-научные, этимологические и методологические проблемы психолого-персоналогического изучения рефлексивности самовосприятия и самонаблюдения (интроспекции) человеком собственного Я как целостной индивидуальности и социальной личности. Рассматривается оппозиция внешней, социально-предметной детерминации психической деятельности человека и его внутренней, рефлексивно-смысловой жизни, источником которой является самодеятельное индивидуальное Я. С этих позиций эксплицируется логика развития психологии восприятия: от изучения перцепции объектности через интроспекцию субъектности к рефлексии саморазвивающегося Я. Предлагается рефлексивная онтология психологической реальности внутренней жизни, где инкорпорированы такие ее компоненты, как самоактуализация, самовосприятие, самопознание, самопонимание, самосознание, самоопределение, самореализация индивидуальности Я. В контексте рефлексивной психологии, акмеологии, персоналогии рассматривается рефлексивная сущность интроспекции в проблемно-конфликтных ситуациях саморазвития индивидуальности в сфере художественного и научного творчества.

Во второй части статьи предложенные теоретические положения реализуются на эмпирическом материале рефлексивно-психологического анализа интроспективного саморазвития жизнетворчества выдающегося писателя и мыслителя М.М. Зощенко. В течение сознательной жизни он рефлексировал ее перипетии и корректировал смысловое поле своего самосознания, что выражалось в интроспективном развитии стилей его художественного творчества и социального поведения. В заключение характеризуется роль рефлексивного диалога как интроспективного средства активизации самовосприятия и саморазвития индивидуальности.

Ключевые слова: психология, методология, онтология, персоналогия, акмеология, личность, поведение, деятельность, сознание, интроспекция, рефлексия, познание, восприятие, самовосприятие, самонаблюдение, смысл, понимание, саморазвитие, Я-концепция, индивидуальность, субъектность, жизнетворчество.

Семенов Игорь Никитович — академик РАН, директор Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, докт. психол. наук, профессор НИУ ВШЭ. E-mail: i_samenov@mail.ru

Введение: актуальность проблемы интроспекции в контексте рефлексивной психологии

Традиционно в экспериментальной психологии XX в. интроспекция рассматривается в основном гносеологически — как один из дополнительных методов познания психики. При этом самонаблюдение обычно трактуется как интроспективный аккомпанемент психических явлений, который включается либо непосредственно установкой или вниманием в ходе когнитивных, эмоциональных и личностных процессов, либо опосредованно — в виде самоотчета после их осуществления в том или ином опыте. Поскольку самоотчет есть не что иное, как явная форма рефлексии в виде осознания феноменологии свершившегося психического процесса, то лежащая в основе этого интроспекция феноменологически приобретает реальный онтологический статус. В историко-философском аспекте это соответствует исходной дифференциации внутреннего и внешнего планов психики. Эта дифференциация была введена еще в конце XVII в. Дж. Локком в виде различения интроспекции (рефлексии человеком своих душевных процессов) и перцепции (восприятия им окружающей среды). В связи с интенсивным развитием на рубеже XX—XXI вв. экзистенциально-гуманитарной психологии актуальным становится изучение именно «внутренней жизни» человека, ведущей онтологемой которой выступает рефлексивно-смысловой план человеческого Я как субъективный источник психического поведения и деятельности, опосредованный мотивацией, производной от социальных контекстов существования. Рассмотрим возникающие методологические проблемы психологического изучения соотношения интроспекции и рефлексии и их онтологического статуса в современной психологии внутренней жизни человека.

1. Предметная детерминация психической деятельности и проблема опосредованности ее развития интроспекцией

С начала XX в. в человекознании нарастал интерес к внутренней жизни (Косман, 1917) и рефлексивно-смысловой сфере психики (Семенов, 2014): от философии жизни (Г. Риккерт), феноменологии до понимающей психологии (В. Дильтей) и изучения самонаблюдения и рефлексии (А. Буземан, Д. Дьюи). Однако после Первой мировой войны, приведшей к бихевиористской революции в западной психологии и к революции реактологической — в советской, доминирующим стал интерес к внешней детерминации поведения и к его рефлекторным механизмам. К онтологеме внутренней жизни вновь обратились на рубеже XX и XXI вв. (Полани, 1985; Семенов, 1970; Чудновский, 1995; Шадриков, 2006; и др.).

В советское время ведущей онтологемой научного изучения психологической реальности был принцип тождества внутреннего плана деятельности ее внешнему строению. Этот важнейший для школы Л.С. Выготского (А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин) постулат наиболее рельефно и конструктивно проявился в теории П.Я. Гальперина о планомерном формировании умственных действий и понятий посредством организации их усвоения — от этапа манипулирования вещами через этапы оперирования ими в материализованной и в громкоречевой форме до их выполнения в плане внутренней речи. В процессе такого поэтапного формирования в заданных условиях и с заданными показателями психическое действие становится умственным (Гальперин, 1966), приобретая контролируемые качества сокращенного, обобщенного, автоматизированного и уходящего таким образом в «чистую мысль». Тем самым в теоретическом и технологическом аспектах П.Я. Гальперин дал свое конструктивное решение важной для И. Канта проблемы онтогенеза «чистого разума».

В эффективности подхода П.Я. Гальперина мы убедились на личном опыте разработки приемов решения творческих задач (Семенов, 2012а), а также при формировании элементов медицинского знания и способов решения проблемно-врачебных задач в инновационном процессе модернизации высшего профессионального образования (Семенов, 2013, с. 148—156). До нас многие последователи П.Я. Гальперина (в особенности его ученики В.В. Давыдов и Н.Ф. Талызина) реализовали в прикладном плане его общепсихологическую концепцию в серии психолого-педагогических исследований, в частности, при формировании таких умственных действий или компонентов теоретического мышления, как анализ, моделирование, планирование, рефлексия (Развитие..., 1995). В трудах А.З. Зака (1984) — ведущего в школе В.В. Давыдова специалиста по рефлексии — рефлексия рассматривалась лишь в интеллектуальном аспекте как компонент теоретического мышления, что соответствует рационалистической философской традиции немецкой классической философии и ее развитию в трудах крупного неомарксиста Э.В. Ильенкова.

Однако наши экспериментальные исследования показали, что рефлексия неоднородна и продуктивность творческого мышления определяется не только интеллектуальной рефлексией, но и ее взаимодействием с личностной рефлексией. В онтологическом плане эта дифференциация интеллектуальной и личностной рефлексии означала ограниченность ее рационалистической трактовки как однородного и сугубо интеллектуального процесса. Отсюда возникла проблема многообразия видов рефлексии, поиск решения

которой потребовал обращения к философским истокам психологической проблематики рефлексивности психики.

В связи с этим для историко-научного обоснования рефлексивной психологии мышления (Семенов, 1990) нам пришлось в ее анализе отойти на полтора века в глубь истории философии и перейти от рационализма И. Канта и панлогизма Г. Гегеля как онтологического базиса сугубо интеллектуалистической трактовки рефлексии ведущими специалистами по ее изучению (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, А.З. Зак, В.А. Лефевр, В.И. Слободчиков, Г.П. Щедровицкий) к эмпиризму Дж. Локка. Ратуя за гносеологию интроспекции как метода познания психики, Локк ввел в психологию философское понятие рефлексии, но при изучении не мышления, а восприятия.

Однако при этом все познавательные процессы (ощущение, восприятие, внимание, память, мышление, воображение) характеризовались в классической психологии через анализ их содержания, производного от отражаемого психикой внешнего мира. Как известно, к Дж. Локку восходит не только онтологизация самонаблюдения в виде рефлексии (как наблюдения душой за своими собственными состояниями), но и ее методологизация (в качестве важного метода самопознания). Однако именно учение Локка о первичных и вторичных качествах стало одним из главных источников трехвекового концептуального «овнешнивания» психологии (и соответственно редуцирования ее «овнутривания» до одного лишь отражения внешнего мира), доминировавшего в большинстве ее направлений: от ассоцианизма и бихевиоризма через гештальтизм и пиажизм вплоть до зарубежного когнитивизма (Ж. Пиаже, У. Найссер, К. Эстес и др.) и советских теорий деятельности (В.Я. Басов, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов). Лишь в начале XX в. основанная О. Кюльпе Вюрцбургская школа (см.: Семенов, 1973) попыталась «овнутрить» психологию и, отталкиваясь от изучения экспериментально открытого в ней феномена «безобразности» мышления, постулировала наличие в нем таких по сути рефлексивных регуляторов, как «смысловые отношения», «установки сознания» и т.п. При этом была осуществлена процедура «объективации» интроспекции посредством «категоризации» метода самонаблюдения как источника самопознания (говоря словами О. Кюльпе, «монархически устроенного Я»). Различные формы самонаблюдения подробно анализировались психологами в начале XX в. (Кравков, 1922). Подобная онтологическая связь самонаблюдения с Я в гносеологических актах его самопознания предвосхищает гуманитарно-экзистенциальную психологию. С нашей точки зрения (Семенов, 2009), ее предметом должно стать рефлексивное постижение эманации индивидуального Я в окружающий мир по-

средством познания человеком себя (своей субъектности) в мире и мира (т.е. объектности бытия) в себе, в своем сознании.

Если естественно-научно ориентированная когнитивная психология (Алексеев и др., 1979) интересовалась объектным миром и его представленностью в сознании посредством психического отражения окружающей действительности, то гуманитарно ориентированная психология должна стремиться постигнуть внутренний мир субъекта, в сознании которого презентировано как самосознание его Я, так и субъектно окрашенное, рефлексивно осмысленное, действенно реализованное деятельностное отношение Я к преобразуемому им бытию. Рассмотренная переакцентировка предмета психологии с его естественно-научной трактовки на гуманитарную ведет и к переоценке роли интроспекции в психологическом познании — из частного метода она становится методом общепсихологическим и базовым. При этом происходит методологическая трансформация интроспекции: из эмпирического самонаблюдения за потоком сознания она превращается в онтологическую реальность психологического существования личности в виде рефлексии экзистенциально значимых событий и переживаний. Тем самым обеспечивается их смысловая соотнесенность с «Я-концепцией» человека и продуктивная перестройка как его внутренне устремленного самопонимания и самосознания на основе экзистенциального бытия, так и внешне целеустремленного поведения и деятельности на основе адекватной ориентировки психического отражения окружающего мира.

Этимологически интроспекция означает «внутреннее восприятие» или, образно говоря, «внутреннее видение». В онтологическом плане важно выяснить жизненные функции интроспекции. Если она означает «заглядывание внутрь» («погружение в себя», «обращение к своему Я»), то возникает вопрос: зачем это необходимо человеку? Напрашивается экзистенциальный ответ: затем, чтобы обратиться к целостному образу собственного Я (как к своему самому доступному жизненному ресурсу) и извлечь внутреннюю смысловую опору в себе в различных внешних сложных жизненных обстоятельствах, таких, как неопределенность, противоречивость, стресс, конфликт, кризис, ответственный выбор, принятие решения, риск творчества и т.п. Результатом подобного обращения должно быть развитие своего Я-образа: от осознания актуализировавшейся в этих обстоятельствах Я-позиции через коррекцию Я-образа до его смысловой перестройки и изменения самоотношения к содержанию и персонажам.

Важно подчеркнуть рефлексивный характер этих актов интроспекции и саморазвития. Ибо рефлексия обычно трактуется как «взгляд назад» для реконструкции прошлого, осознание его

существенных моментов путем размышления для понимания происходящего. В современной философии и психологии постоянно подчеркивается связь рефлексии с целеполаганием и смыслообразованием личности. С нашей точки зрения, рефлексия есть не что иное, как смысловое обращение к свершившемуся и содеянному в контексте предстоящего (Семенов, 2009) для понимания человеком ситуации и себя в ней, для смыслового извлечения из этого уроков в целях перестройки поведения и деятельности, а также для проектирования своего будущего. В этом заключается продуктивность экзистенциальной рефлексии как смыслового бытия человека. Рефлексия обеспечивает «рефлексивный выход» (Г.П. Щедровицкий) человека из «поглощенности жизнедеятельностью» (Рубинштейн, 1986). Это обеспечение осуществляется в результате постоянной работы рефлексии как с индивидуальными смыслами человеческого Я, так и с ценностями культуры. Продуктивность рефлексии состоит в актуализации, порождении, перестройке и развитии смыслов как регуляторов поведения и деятельности, сознания и мышления, эмоций и переживаний, чувств и волевых актов.

Необходимость рефлексии возникает в проблемно-конфликтных ситуациях разрыва в ценностно-смысловом поле сознания Я. Поскольку при этом обнаруживается исчерпанность или несостоятельность актуальных смыслов, то требуется не только их коррекция, но и перестройка или даже генерация новых смыслов путем замыкания презентующих их элементов сознания человека на более высокие (т.е. значимые, перспективные, масштабные) экзистенциальные ценности — прогресс науки, развитие культуры, эволюция жизни, бытие космоса, эманация духа, промысел Бога.

В современной философии проблематике смысла придается большое значение (Семенов, 2014а, б). В рефлексивно-психологическом аспекте смысл трактуется нами как рефлексивное достраивание Я до целостности своего существования в окружающем мире путем актуальной или потенциальной интеграции Я в систему социокультурных и индивидуально-экзистенциальных ценностей бытия в обществе. Именно в процессе этой интеграции человека в социум возникает производная от потребностей его Я мотивация как канал настройки активности смыслового поля Я на самореализацию посредством поведения и деятельности в мире.

Социокультурным фоном для этой самореализации является адаптация человека к социуму и функционирование в нем личности посредством социализации как процесса усвоения норм социальной жизнедеятельности и следования им на основе ее конвенционально-общественной (вспомним «общественный договор» Ж.-Ж. Руссо) нормировки и этико-правового (по Г. Гегелю) регулирования. В конкретно-исторических условиях подобной системодейственност-

ной нормировки (она обстоятельно изучена в системодетельностной методологии; см.: Щедровицкий, 1996; Семенов, 2014б), образующей социокультурные контексты внешнего бытия человека, внутренней доминантой его развития является, с нашей точки зрения, эманация активности *Я* в процессе жизнедеятельности. Эта эманация *Я* осуществляется в широком биосоциальном и культурно-духовном диапазоне: от изначального для организма физического и биологического роста через его физиологическое и психофизиологическое развитие к нормативно-деятельностной адаптации к социуму и функционально-ролевой интеграции в социальные системы. Эти системы образуют социокультурный контекст, в пространстве которого происходят профессионально-деятельностная самореализация *Я*, его рефлексивно-личностное саморазвитие как уникальной индивидуальности (Семенов, 2009) и экзистенциально-духовное самоосуществление как микрокосма бытия, включенного природно в поток жизни и рефлексивно в творческую эволюцию духа.

С этих позиций способы социализации человека, определяя социально нормированные деятельностью содержания его сознания, служат лишь условиями развития личности, а ее индивидуализация является продуктом рефлексивно-экзистенциального саморазвития *Я*, инициируемого эманацией его активности и опосредуемого самонаблюдением (Кравков, 1922) в актах самоощущения, самовосприятия, самопознания, самоактуализации, самодеятельности (Рубинштейн, 1986), самосознания, самореализации (Ковшуро, Семенов, 2005), самоопределения (Савенкова, Семенов, 2005).

2. Логика развития психологии восприятия: от перцепции объектности через интроспекцию субъектности к рефлексии *Я*

Парадоксальность психологической проблемы рефлексивности самовосприятия состоит в том, что изначально восприятие (отражение, перцепция) и рефлексия (самовосприятие, самонаблюдение) являли собой две стороны одной медали, а именно созерцание (восприятие) как внешнего, так и внутреннего мира человека. Отмечающаяся в современной психологии важность роли рефлексии в продуктивности восприятия (А.И. Миракян..., 2010; Гусев, 2007; Зинченко, 2010; и др.) создает предпосылки для конструктивного изучения их взаимодействия при самовосприятии индивидуальности *Я* человека.

Фундаментальность классической психологии (в том числе в изучении восприятия и рефлексии) определяется ее изначальной связью не только с естествознанием, но и с философией, онтологи-

ческое и методологическое влияние которой ныне порой утрачивается и редко дотягивает до гносеологической завершенности в виде философски значимых теоретических обобщений. Проведенный нами методологический анализ эксплицирует общую логику развития психологии восприятия и ее связи с изучением рефлексии. Так, в классической российской психологии восприятия начала XX в. учитывалось разделение «познания на форму и материю, которое мы находим у Канта: именно все, что дается нам ощущением, есть материя; все, что в познании не есть материя, есть форма, привносимая нашим сознанием к ощущению» (Челпанов, 2011, с. 64). При этом отмечалось, что еще Герbart «поставил в зависимость порядок воспроизведения представлений от способа их воздействия на сознание» (там же, с. 77), а «Фолькельт считает доказанным только то, что мы в себе воспринимаем непосредственно, путем чистого самонаблюдения» (там же, с. 122). Тем самым в классической психологии восприятия XIX в. все еще учитывалась его гносеологическая связь с рефлексией. Она была утрачена в XX в., но в XXI в. ее все же следует учитывать ввиду сложности изучения феноменологии самовосприятия. Для исследования этой феноменологии явно недостаточно одного лишь классического различения физиологической автохтонности и поведенческой стимульности восприятия как сенсорно-познавательного процесса.

Поскольку отмеченная Кантом «привносимость формы» во многом обеспечивается рефлексией как активностью сознания (Семенов, 2012а), то важной методологической проблемой является изучение взаимодействия ощущения, восприятия и рефлексии (сознания) как соответственно элементарных, базовых и производных, интегративных познавательных процессов. Онтогенетическое развитие (опосредованное природно-эволюционной и культурно-исторической детерминацией) этих процессов приводит к их системной перестройке и интеграции в структуру целостного самосознания личности как индивидуального *Я*. Поэтому актуальным становится философско-психологическое изучение фундаментальной проблемы взаимосвязи самовосприятия и рефлексии, поскольку эта связь во многом определяет индивидуальность и целостность *Я* человека.

Предпосылки для постановки этой проблемы имеются как в психологии рефлексии, восходящей к различению Дж. Локка внешней перцепции и внутреннего восприятия посредством самонаблюдения (т.е. собственно рефлексии), так и в логике развития самой психологии восприятия, восходящей к гносеологически-онтологической трактовке И. Кантом трансцендентальности пространства и времени как форм созерцания чистого разума. Здесь важно подчеркнуть методологическую необходимость общепсихо-

логического подхода к изучению восприятия с учетом достижений психологии внимания, мышления и сознания (напомним, что активностью сознания является рефлексия).

Классическая психология трактует восприятие как психическое отражение целостности объектов окружающей среды посредством познавательных процессов, использующих в основном данные зрения. В психологии познание восприятия внешнего мира объектов преобладает над изучением восприятия человеком себя и своего внутреннего мира. Так, в экспериментальной психологии восприятия доминирует исследование перцепции внешних объектов и изучение психологических механизмов построения образа окружающего субъекта предметного мира, что важно для адекватной ориентировки и эффективного поведения в нем.

Однако в истории философско-психологической мысли Нового времени познание внешнего и внутреннего восприятия первоначально считалось равновеликими по значимости гносеологическими проблемами постижения бытия посредством сознания его целостности во всей многогранности. Онтологическим основанием для постановки этой проблемы явилось категориальное различие в XVII в. Дж. Локком внешней и внутренней перцепции как разнонаправленных процессов восприятия, ориентированных на постижение внешнего мира объектов и внутреннего мира сознания, т.е. самовосприятия человеком самого себя посредством рефлексии как интроспекции или самонаблюдения Я. При этом рефлексия трактовалась как самонаблюдение душой человека своих собственных состояний. В развитие этого философского подхода позднее в начале XX в. было обосновано различие между объяснительной, естественно-научной психологией, исследующей экспериментально «внешнее» в психике, и описательной, культурно-гуманитарной психологией, призванной обеспечить понимание феноменологии «внутреннего» в человеке (Дильтей, 1924). Взаимодействие внутреннего и внешнего в психике изучалось в различных научных школах (Чудновский, 1995). Так, полемизируя с бихевиоризмом и необихевиоризмом, С.Л. Рубинштейн сформулировал принцип детерминизма «внешние причины действуют через внутренние условия», а в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского изучались механизмы интериоризации психических действий (и определяющих их знаковых средств) как «вращения» социальных норм «извне внутрь» посредством предметной деятельности (по А.Н. Леонтьеву) и поэтапного формирования умственных действий (по П.Я. Гальперину), что сопровождается сознанием и рефлексией содеянного (Семенов, 2000).

Эта онтологическая дихотомия внешнего восприятия и внутреннего самовосприятия послужила основанием для методоло-

гической дифференциации объективных и субъективных методов психологического познания. Так, еще в XIX в. Вебер и Фехнер открыли эру экспериментального изучения внешней перцепции, а в начале XX в. Кюльпе в созданной им Вюрцбургской школе (см. о ней: Семенов, 1972—1973) предпринял конструктивную попытку объективировать внутреннюю перцепцию как самовосприятие субъектом мышления интеллектуально-познавательных процессов и состояний, открывающихся человеку посредством самонаблюдения. Действительно, феноменология восприятия весьма разнообразна и включает в себя процессы не только собственно перцептивные (отражающие внешние объекты среды), но также и личностные (смысловые, мотивационные, эмоциональные и т.п.), открывающиеся в сознании посредством самовосприятия и самонаблюдения человека. Рефлексия этих процессов углубляет самопознание и самопонимание человеком самого себя, что ведет к построению его внутреннего мира и Я-концепции.

Новый взгляд на психологию восприятия, возникший в 1960-х гг., выделил для изучения такие его аспекты, как роль установок, влияющие мотивации, потребности и ценности субъекта на когнитивные структуры зрительного образа (Брунер, 1977). Анализ герменевтики понятия образа и его изучения европейской наукой показывает (Ссорин, Семенов, 1995), что восприятие ставляет психике сенсорные данные об объектах внешнего мира, образы которых осознаются посредством речи, презентующей также самовосприятие как рефлексивно-смысловой процесс сознания личности.

Инкорпорирование рефлексивно-личностных и мотивационно-смысловых аспектов в структуру познавательных процессов мышления (Семенов, 2000) и восприятия (Зинченко, 2010) ведет к их изучению в рамках таких новых по сравнению с классической психологией парадигм психологического познания, как феноменологическая (по Э. Гуссерлю и М. Мерло-Понти), системная (по Ж. Пиаже, В.А. Барабанщикову, Д.Н. Завалишиной, Я.А. Пономареву и И.Н. Семенову), трансцендентальная (по Г.В. Акопову и А.И. Миракян). Так, Г.В. Акопов, обсуждая проблематику взаимосвязи сознания и созерцания с восприятием, подчеркивает: «Связь сознания (осознания) с восприятием, познанием, интерпретацией, коммуникацией, действием и рефлексией представляется фундирующей в сопоставлении с другими связями (отношениями)» (цит. по: А.И. Миракян..., 2010, с. 359).

С позиций культурной психологии отношений личности применительно к анализу форм ее интеллектуальной жизни справедливо говорится об «уровнях возведения восприятия субъекта к рефлексивируемому процессу и перцептивному самопознанию» (Старо-

войтенко, 2004, с. 73). При этом подчеркивается, что «Сознание может особо акцентировать роль «я» в восприятии и становиться при этом либо причиной субъективных искажений перцепции, либо условием авторских преобразований воспринимаемого. <...> Через я-присвоение перцепции сознание начинает способствовать совершенствованию личного восприятия мира, эстетизации жизни, развиваться в утонченную самоперцепцию» (там же, с. 87—88).

Если взаимодействие внешней перцепции с мотивационной сферой личности и ее сознанием уже показано современной психологией (А.И. Миракян..., 2010; Барабанщиков, Носуленко, 2002; Брунер, 1977), то связь внутреннего самовосприятия с рефлексией и самопониманием индивидуальности нуждается в специальном изучении. Его актуальность обусловлена необходимостью развития не только перцептивно-визуальной культуры (Зинченко, 2010) современного человека, но также рефлексивной культуры (Деркач и др., 1998) его самовосприятия, самопознания, самопонимания, самосознания и саморазвития (Семенов, 2000). В психологии познавательных процессов уже исследуется рефлексивный аспект восприятия: «В работах Дж. Кагана изучен когнитивный стиль, называемый импульсивность/рефлексивность, описывающий субъективную склонность принимать решения быстро или медленно. ...рефлексивные испытуемые используют более продуктивные стратегии при решении пороговых задач» (Гусев, 2007, с. 348). Отталкиваясь от этого экспериментального факта и наших данных о продуктивной роли рефлексии в творческом мышлении (Семенов, 2000), обратимся к изучению проблемы взаимодействия самовосприятия и рефлексии как важных аспектов психологии саморазвития индивидуальности и самосознания Я. Актуальность этого изучения связана с логикой развития как рефлексивной психологии (Семенов, 1990), так и современной культуры в целом, ибо: «Невнимание к человеку как таковому, к облику его и образу, к его месту в мире и роли в нем, к самоощущению, самопредставлению, самосознанию — главная причина кризиса, переживаемого в последнее время» (Вдовин, 2005, с. 10).

3. Методологические проблемы рефлексивной психологии восприятия объектов и самовосприятия субъектов

Классическая когнитивная психология включает восприятие в систему познавательных процессов наряду с ощущениями, представлениями, памятью, мышлением, вниманием, воображением (Алексеев и др., 1979). В этой традиционно рационалистической онтологии психики рефлексия обычно не выделяется среди познавательных процессов в особую и самостоятельную психическую

функцию, хотя интеллектуальная рефлексия специально изучалась в научных школах Ж. Пиаже, Н.Г. Алексева, В.В. Давыдова, Г.П. Щедровицкого. Однако в результате теоретико-экспериментального изучения рефлексии в последней трети XX в. был не только выделен ее личностный аспект, но и установлена типология, согласно которой дифференцируются такие основные виды рефлексии, как эмоциональная, интуитивная, интеллектуальная, личностная, диалогическая, коммуникативная, кооперативная, социальная, экзистенциальная и духовная (Семенов, 1992), что существенно обогатило онтологию психической жизни индивидуальности человека. В этом рефлексивном контексте целесообразно глубже рассмотреть интроспективные функции как восприятия индивида, так и самовосприятия человеческого Я.

Этимологически термин «восприятие» означает «принять в себя нечто». Иначе говоря, субъект перцепции «принимает в себя (т.е. в свое Я)» сенсорную информацию об окружающих объектах, продуцируя в своем сознании их образы для адекватной ориентировки во внешнем мире и адаптации в нем. Поскольку по данным внешнего восприятия индивид выстраивает образ окружающего мира, то при этом в гносеологическом отношении речь идет о его созерцании и познании как объективной, рационально постигаемой субъектом реальности. В этом суть гносеологической онтологии и рационалистической методологии традиционного психологического изучения внешнего восприятия как познавательного процесса, отражающего окружающий предметный мир.

В случае же интроспективного самовосприятия человеком самого себя материалом для внутренней перцепции служит самоданность самоощущений, самочувствия, самопереживаний и самопредставлений, на основе рефлексии которой субъект строит динамичный образ своего Я, социально функционирующего и индивидуально развивающегося не только в природном, но и в культурном мире. Поскольку здесь человек выступает многомерным и целостным (а не только гносеологически одномерным) субъектом жизнедеятельности в социокультурном мире, то самовосприятие им своего Я относится к персонологической онтологии психической жизни, а изучение процессов самовосприятия определяется рефлексивно-экзистенциальной методологией, которая присуща современной инновационной рефлексивно-гуманитарной психологии, акмеологии, персонологии и педагогике (Семенов, 2013б). Прежде чем обратиться к анализу интроспективной специфики феноменов самовосприятия, необходимо эксплицировать онтологию бытия психики и методологически выяснить в ее рамках концептуальное соотношение понятий личности и индивидуальности с позиций рефлексивно-гуманитарной психологии (Семенов, 1992).

Онтологическую основу многосложного соотношения этих понятий составляет то, что личность представляет собой биосоциальное единство организма и психики человека с доминированием обращенности его сознания к общественным взаимодействиям и отчужденно-остраненным отношениям, реализующимся деятельностно-ролевым образом. Напротив, индивидуальность являет собой психофизиологическое, эмоционально-волевое, темпераментно-деятельностное и экзистенциально-смысловое единство целостного человека как уникального субъекта, рефлексивно углубленного в себя, свое Я и непосредственно обращенного в процессе общения к другому конкретному человеку как к «ближнему» и одновременно рефлексивно-диалогическому ресурсу самоактуализации, самовосприятия, самопознания, самопонимания, саморазвития, самореализации и самосовершенствования.

В рассмотренных трактовках личность понимается как социально обусловленный субъект, носитель различных социальных норм, ролей, представлений, установок и т.п. Тем самым личность выступает социокультурным полюсом в человеке, тогда как индивидуальность презентует его обособление (в пределе — отчуждение) от социальной общности посредством полагания себя как самости, реализующей свое собственное Я. Отсюда следует, что Я генерирует индивидуальность, которая осуществляется в своей собственной рефлексивно-смысловой субстанции, не сводимой ни к социальному (личностно-ролевому) плану бытия, ни к его биологическому (организмически-рефлекторному) плану. Хотя, безусловно, индивидуальность взаимодействует с обоими планами как в онтогенезе (Шмальгаузен, 1942) своего формирования и развития, так и в актуалгенезе ситуативного поведения в общении и целеустремленной деятельности в процессе социально значимой самореализации и экономически эффективного труда.

Рефлексивно-психологическая трактовка индивидуальности как смыслового поля Я человека (Семенов, 2009) ориентирует на субстанциональную стратегию ее изучения в отличие от параметрической стратегии, восходящей к Ф. Гальтону, Б.М. Теплову, В.Д. Небылицыну и др. Реализация новой стратегии предполагает теоретико-методологическую разработку концептуальных моделей и методических средств исследования индивидуальности, производных от ее онтологического определения как специфической психологической реальности, существующей в виде рефлексивно-смыслового содержания Я-концепции субъекта жизнедеятельности. Необходимой методологической предпосылкой разработки этих моделей и средств является концептуальная проработка самой онтологии индивидуальности как психологической реальности с позиций рефлексивно-гуманитарной психологии.

4. Рефлексивная онтология индивидуальности Я человека

Отношение Я к своему внутреннему миру как к самовоспринимаемой, переживаемой, понимаемой самоданности и к ощущаемому собственному организму (т.е. телу) осуществляется в субстанции психики и выражается в виде интроспективного самопереживания и интуитивного самопонимания человеком своего бытия. Субстанция психики есть единство двух модусов индивидуального бытия и сознания человека, а именно его реального пребывания во внешнем мире (в теле, в среде) и его трансцендентно-деятельностного взаимодействия с этим миром посредством движения, действия на основе информационно-смыслового обмена с окружающей средой в процессе восприятия, отражения и осмысления, рефлексии.

В связи с этим возникает ряд феноменологических, гносеологических и онтологических проблем: что же обеспечивает единство двух базовых субстанций — психики и сознания — индивидуального бытия человека; что задает его самовосприятие, самопознание, целостность; что определяет неделимость и непрерывность потока сознания; в чем, собственно, проявляется и как характеризуется рефлексивность самосознания и уникальность индивидуальности? С позиций развиваемой нами рефлексивно-гуманитарной психологии (Семенов, 1992) неделимость индивидуальности определяется самоданностью самовоспринимаемого и самопостигаемого в интроспекции человеческого Я. При этом целостность индивидуальности задается самопониманием, самосознанием, образом, концепцией этого Я, которая формируется у человека в процессе его жизнедеятельности и развивается посредством самоопределения относительно культурных норм и самореализации в соотношении с ними. Причем онтогенез Я-концепции осуществляется как осознанно, произвольно, так и спонтанно, неосознанно. Единство рационального и неосознанного аспектов бытия субъекта обеспечивает рефлексия как системообразующий фактор индивидуальности человека, проявляющийся в интенсивной активности его сознания.

Поскольку рефлексия — это прежде всего процесс переосмысления субъектом содержания своего сознания и переживания данностей своих психических состояний, то субстанциальным единством индивидуальности человека является смысловое поле его индивидуального существования. Это смысловое поле Я является источником самовосприятия и отношения человека к внешнему миру (природе, социуму) и выражения себя в нем в актах реагирования (т.е. в ощущениях, эмоциях) и активности (перцепции, внимания), поведения (движениях, поступках) и деятельности (действиях, кооперациях), общения (коммуникации, взаимодействия) и труда (выполнения технологий, применения знаний), сознания

(переживаний, мыслей) и творчества (субъектных инноваций и их реализации в культуре).

Психологическое бытие человека далеко не исчерпывается ни его природным психогенетическим и психофизиологическим базисом, ни даже его социально-психологической и информационно-ноосферной надстройкой с реализующими их видами или подсистемами индивидуальности. Ведь они образуют лишь естественные (природные) и искусственные (социальные) рамки бытия человека как самовоспринимаемой, переживаемой, рефлексивной и осуществляемой им в конкретно-значимом для него жизненном пространстве экзистенции. С течением транспонируемого в сознании внутреннего времени человека происходят значимые для него события и актуализируются, развиваются присущие ему процессы и характерные для его индивидуальности состояния и отношения сознания как рефлексивные компоненты его «личностного знания» (Полани, 1985).

Субстанцией мира внутренних состояний и переживаний человека является его сознание, а движущей силой происходящих в нем изменений — рефлексия. Ее роль состоит в переосмыслении и трансформации содержаний сознания, изменение которых определяется взаимодействием субъектного и объектного мира внутренней жизни человека, детерминированной в свою очередь его взаимодействием с воспринимаемым им окружением — с природой и социумом. В совокупности природа и социум выступают той средой, в которой человек самореализуется как индивидуальность посредством спонтанных движений и произвольных действий, а главное — целенаправленных поступков, активной деятельности, социально значимых деяний.

Внешний объектно-воспринимаемый мир интроспективно представлен в сознании субъекта индивидуальным строением его внутреннего пространственно-временного континуума, который, как и все психические образования, формируется в онтогенезе и трансформируется в течение всей жизни человека.

Наличие этих отношений в сознании субъекта фиксируется посредством актуализации и развития смыслов и их сопряженности с Я как центром внутреннего смыслового пространства индивидуальности человека. При этом внешние воспринимаемые объекты благодаря рефлексии ранжируются субъектом по степени их актуальной значимости и по мере необходимости рефлексивного соотношения с ними посредством чувства, переживания, мысли, поступка, деяния. Рефлексия является активностью сознания, обеспечивая переосмысление и трансформацию содержаний сознания (от их перестройки до продуцирования) в зависимости от воспринимаемых индивидом объектов и обстоятельств, от происходящих

с субъектом и рефлексивно переживаемых и осмысляемых событий, а также от совершаемых и осознаваемых им поступков и деяний.

Рефлексия, регулируя динамику экзистенциальной индивидуальности человека, представляет собой ее системообразующий фактор, обеспечивающий в конечном счете ее единство и целостность в динамике внутренней жизни сознания человека. Эпицентром экзистенциальной индивидуальности является спонтанное переживание и рефлексивное осознание человеком состояния и развития своего Я как источника индивидуальности во всей ее неповторимой, уникальной и неделимой целостности. Эта целостность достигается посредством рефлексивной экспликации значимости какого-либо события или поступка, определения своего пристрастного отношения к нему, замыкания возникающих в связи с этим своих переживаний на собственное Я и их переосмысление с точки зрения степени и характера удовлетворенности в этом контексте потребностей, желаний, склонностей, интересов, запросов и т.п. субъекта.

Актуализируемая в сознании и эксплицируемая рефлексией самоданность Я обладает в качестве своей психофизиологической основы «чувственной тканью» (термин А.Н. Леонтьева) индивидуальности как эмоционально мобильным переживанием субъектом своего самоощущения и самочувствия, которые имеют свои формально-динамические корреляты, измеряемые традиционными психофизиологическими методами. Вместе с тем Я (интроспективно чувствующее свои состояния и переживающее их, равно как свои деяния и происходящие с собой события) порождает благодаря рефлексии собственные образы. Динамика их содержания, выражая саморазвитие субъекта, строится и обобщается Я в процессе соотношения как с миром своей внутренней жизни, так и с внешним, объективным миром, который воспринимается индивидом и с которым он постоянно взаимодействует как субъект жизнедеятельности. Конституируя обобщенный образ Я, рефлексия представляет собой интегральную внутреннюю характеристику индивидуальности человека, источник его смыслообразования и точку отсчета для актуализации и осознания им своих отношений ко всему, что происходит с ним как в его внутреннем смысловом пространственно-временном континууме, так и во внешнем, окружающем его природно-социальном мире, который отражается в процессе его восприятия.

Возникающий в результате рефлексивного самовосприятия образ Я у каждого человека полимодален, конкретен, дифференцирован, множественен, динамичен, целостен. При этом самовоспринимаемый образ Я, с одной стороны, относительно устойчив и достаточно определен для субъекта в тех или иных ролевых

рамках самоопределения и на соответствующих фазах развития индивидуальности в онтогенезе. С другой же стороны, этот самовыстраиваемый образ Я весьма пластичен, разворачиваясь теми или иными своими гранями и ипостасями в различных ситуациях, актуализируясь и перестраиваясь в зависимости от вызывающих их обстоятельств. И если в психологии личности имеется достаточно методик, позволяющих эксплицировать стабильный образ Я конкретного человека, то необходима разработка методических средств, позволяющих характеризовать пластичность образов Я, в частности, в зависимости от различных проблемно-конфликтных ситуаций (Аникина и др., 2002; Давыдова, Семенов, 2009; Семенов, 1990) жизнедеятельности.

Одна из основных трудностей связана здесь с тем, что Я живущего человека представляет собой принципиально открытую сложно организованную систему, функционирование и саморазвитие которой происходит как синхронически (т.е. непосредственно в конкретных ситуациях и поступках «здесь и теперь»), так и диахронически (т.е. в смысловых «сетях» динамики этих ситуаций, длящихся и организованных во времени). При этом система Я динамично функционирует как в своем внутреннем рефлексивно-смысловом мире индивидуального сознания человека, так и в процессе его поведения и деятельности во внешнем объективированном мире материальных предметов, знаковой информации, произведений культуры, а также в мире других людей — партнеров по непосредственному общению или по деловой, семейной и т.п. кооперации.

Важная роль в развитии внутреннего, рефлексивно-смыслового мира индивидуальности принадлежит дискурсивному диалогу человека с самим собой. Этот рефлексивный самодialog опосредован самовосприятием и самообщением человека как индивидуальности, что приводит его в процессе саморазвития к самопознанию, самопониманию, самореализации и самосознанию.

Если в современной перцептивной психологии процессы восприятия изучаются в парадигме анализа события (Барабанщиков, Носуленко, 2002), то в рефлексивной психологии аналогом события является экзистенциально значимая для человека проблемно-конфликтная ситуация (Семенов, 1990) поведения, деятельности, развития личности. Ярким примером саморазвития креативной индивидуальности, опосредованного эволюцией самовосприятия и саморефлексии в процессе интроспективного рефледиалога в проблемно-конфликтных ситуациях экзистенциального развития творчества, является трагичная жизнедеятельность известного писателя-сатирика М.М. Зощенко.

(Окончание статьи и список литературы см. в следующем номере журнала)

THE REFLEXIVITY OF SELF-OBSERVATION AND PERSONOLOGY OF INTROSPECTION: TO ONTOLOGY AND METHODOLOGY OF REFLEXIVE PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

I. N. Semenov^{1, 2, 3}

¹ Russian Academy of Natural History, Moscow, Russia

² Institute of Reflexive Psychology of Creativity and Humanization of Education, Moscow, Russia

³ Higher School of Economics - National Research University, Moscow, Russia

Abstract. First part of the article analyzes the historical and scientific, etymological and methodological problems of psycho-reflexivity personology study self-perception and self-observation – through introspection – a man's own *Self* as an integrated personality and social personality. Considered external opposition, socio-objective determination of human mental activity and its internal, reflexive sense of life, the source of which is the individual amateur *I*. From these positions explicated logic of perceptual psychology: the study of perception through introspection objectivity to subjectivity reflection reflexive self-perpetuating *I* proposed ontology of psychological reality of the inner life, where its components are incorporated such as: self-actualization, self-perception, self-knowledge, self-understanding, self-awareness, self-determination, self-actualization personality *I*. In the context of reflexive psychology, personology considered reflexive nature of introspection problem-conflict situations in the self-identity sphere of artistic and scientific creativity.

In the second part of the article the proposed theoretical propositions are realized on empirical material reflexive psychological analysis of introspective self-life-creativity outstanding writer and thinker M.M. Zoshchenko. Given held them all his life a dramatic existential introspection M.M. Zoshchenko and corrected to reflect the semantic field of their identity, which was reflected in the development of introspective style as his artistic creativity, and social behavior of the individual. In conclusion, characterized the role of reflective dialogue as a means of enhancing introspective self-perception and self-identity I am human.

Key words: psychology, methodology, ontology, personology, personality, behavior, activity, consciousness, introspection, reflection, cognition, perception, self-perception, self-observation, sense, understanding, self-development, self-concept, personality, subjectivity, life-creativity.

К. Д. Приёмко, Дж. В. Клегг

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА САМОНАБЛЮДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРВЬЮ

В статье предлагается новый взгляд на интроспекцию, основанный на диалогических и транзакционных традициях Джеймса, Мида, Бахтина и Волошинова. Авторская теория самонаблюдения (конкретно в контексте интервью «лицом к лицу») охватывает понятия о личности и социоидеологическом сознании. В этой модели сознание (или Я), погруженное в бесконечный обмен внутренними и внешними диалогами, постоянно оценивает, согласовывает и преобразует непосредственный опыт в более устойчивые характеристики личности (*меня*). Эти аспекты *меня* характеризуются в понятии «высказывание» в трех семиотических жанрах: 1) идеологически-аффилятивном, 2) личностно-эмоциональном и 3) соционормативном. Авторы утверждают, что такие жанры пронизывают каждую стадию процесса исследования, начиная с построения вопросов исследования и кончая составлением отчета об исследовательской работе.

Ключевые слова: самонаблюдение, интроспекция, самость (*Self*), *меня* (*me*), Я (*I*), семиотические жанры коммуникации.

Самонаблюдение и его предполагаемое крушение

Взгляды многих американских психологов на историю интроспекции (или самонаблюдения) находятся под влиянием трех представлений: 1) интроспекция была первоначально основным методом психологического исследования, 2) бихевиоризм дискредитировал интроспекционизм, 3) в результате метод интроспекции стал считаться ненаучным. Однако некоторые авторы доказывают, что эти представления ошибочны. В действительности самонаблюдение никогда не было основным методом в психологии и не было полностью забыто наукой (подробнее об этом: Brock, 2013; Clegg, 2013; Costall, 2006, 2013).

Немного подумав, любой психолог сможет убедиться в том, что и сегодня интроспекция продолжает существовать в переименован-

ном и «переупакованном» виде стандартизированных самоотчетов (Costall, 2006; Young, 2013), экспериментов, структурированных интервью, fMRI-просмотров и других форм психологического исследования. Риторика о гибели интроспекции — это, по существу, попытка избежать обращения к трудным вопросам.

Эти трудные вопросы, однако, не могут быть просто проигнорированы. Дисциплина, которая принимает душу в качестве своего объекта исследования, не может функционировать без сильной традиции самонаблюдения. К сожалению, одним из принципиальных барьеров установления такой традиции является отсутствие адекватных теорий самонаблюдения (Clegg, 2013). Психология нуждается в теориях самонаблюдения, которые помогут ей отвести свой пристальный взгляд от отдельного частного ума (концепта, укорененного в дуалистической теории) и принять за единицу анализа контекстные межличностные отношения, где самоисследование приобретает значение. Сделать такое теоретическое усилие действительно трудно, но необходимо, если мы хотим в полной мере приблизиться к исследованию сознания.

Как утверждал Э. Титченер, «Курс, которому следует наблюдатель, будет детально различным в зависимости от природы наблюдаемого сознания, от цели эксперимента, от инструкции, данной экспериментатором. Интроспекция поэтому является общим обозначением для неопределенно широкой группы особых методических процедур» (Titchener, 1912, p. 485). Если это так, то вместо общей теории нам необходимы модели конкретных контекстов самонаблюдения, т.е. модели, определяющие существенные процессы, которые надо зарегистрировать и интерпретировать, чтобы получить из данных самонаблюдения значимые выводы.

Следующие части этой статьи будут сфокусированы на схемах одной такой модели, а именно модели самонаблюдения в контексте интервью «лицом к лицу». В предлагаемой структуре мы обратимся к понятиям сознания и личности, сосредоточиваясь на присущей им диалогической и транзакционной природе и таким образом избегая двойственности, которая долго досаждала исследованию самонаблюдения. Существенная часть нашей модели будет посвящена использованию языка в интервью, диалогическим и транзакционным процессам, включенным в обмен между исследователем и участником. Мы также сосредоточимся на том, как такие процессы позволяют нам получать устойчивые и значимые выводы из самоотчетов. Здесь важно отметить, что мы не обещаем представить исчерпывающую или полностью адекватную модель; такой результат никогда не может быть достигнут несколькими исследователями. Любая адекватная модель данного контекста самонаблюдения требует обширного сотрудничества и уточнения в сети

Приёмко Карина Дмитриевна — аспирант Городского университета г. Нью-Йорка (США). E-mail: kprzyiomka@gradcenter.cuny.edu

Клегг Джошуа В. — доктор философии, доцент Колледжа криминалистической юриспруденции имени Джона Джея Городского университета г. Нью-Йорка (США). E-mail: jclegg@jjay.cuny.edu

исследователей. То, что мы здесь предлагаем, должно быть понято как (мы надеемся) первый поворот к разговору, а не последнее или категорическое слово о предмете.

Предлагаемый теоретический «каркас»

(1) Самость (*Self*) и сознание в интроспекции

Так как ядро исследований по самонаблюдению составляет сознательный опыт, нам важно понять, как в пределах нашего «каркаса» («рамки») представлены сознание и личность. Пытаясь преодолеть дуалистическое понимание предмета самонаблюдения, мы, как и Губерт Херманс (Hermans, 2001), используем работы Уильяма Джеймса (и их толкование Джорджем Гербертом Мидом) и Михаила Бахтина. Мы также интегрируем наработки некоторых теоретиков феноменологии.

Для Джеймса самость (*Self*) многолика, она включает то, что он назвал *Я* (*I*) и *меня* (*me*). *Меня* символизирует часть личности, которую *Я* называет моим. *Меня* может проявляться в одежде, которую каждый носит, в предметах, которые каждому принадлежат, в словах и диалектах, которые каждый использует. Джеймс утверждал, что *меня* — результат того «факта, что определенные *вещи* направляют нас к примитивным и инстинктивным импульсам нашей природы <...>. Эти объекты наших сознательных обращений выступают как исконные элементы *меня*» (James, 1890, p. 319). *Я* представляет поток мысли, который оценивает, превосходит и объединяет физические события, связывая их друг с другом. В этом смысле *Я* — сознательное непосредственное понимание, через которое человек воспринимает каждый день жизни.

Я и *меня*, однако, не дуалистические понятия. Оба находятся в бесконечном диалоге друг с другом, составляя неделимое единство. Согласно Дж. Миду, «*меня* невообразимо без *Я*» (Mead, 1913, p. 374). Он утверждал, что *меня* в некотором смысле является продуктом опыта *Я* в социальной среде. Поскольку *Я* сталкивается с *другими*, которые в свою очередь реагируют на него, *Я* может посредством присвоения этих реакций, выраженных в различных семиотических формах, взглянуть на себя с другой стороны, таким образом становясь объектом своего собственного наблюдения. Эти обращенные внутрь процессы, продвигаемые социальным взаимодействием, позволяют *Я* составлять понимаемые характерные черты для *меня*. Например, Мид утверждал, что «ребенок может думать о своем поведении как хорошем или плохом только через то, как он реагирует на свои собственные действия в запомнившихся словах своих родителей» (ibid., p. 377). В этом смысле осведомленность личности как *меня* возникает от взаимодействий с *другими*, поскольку они

обеспечивают систему взглядов для сознания (или *Я*). Таким образом, *Я* и *меня* — это, по существу, сопоставленные и неотделимые, а не функционально отличные инстанции.

Подобно Дж. Г. Миду М.М. Бахтин представляет сознание как врожденно социальное: «Все, что принадлежит мне, включено в мое сознание, начиная от моего имени, от внешнего мира до уст других (моей матери, и т.д.) с их интонацией и эмоциональной ценностью. *Я* осознаю себя первоначально посредством других: от них я перенимаю слова, формы и тональность для формирования первоначальной идеи о себе... Так же, как тело сформировано первоначально в утробе матери (теле), так и сознание человека просыпается погруженным в чье-либо сознание» (Bakhtin, 1986, p. 138). Для Бахтина, как и для Миды, сознание, или *Я*, исследует, оценивает, усваивает и приспособливает отдельные семиотические события, создавая (замысливая) более устойчивые особенности личности как отраженные во *мне* (*me*).

В.Н. Волошинов конкретизирует это социальное и транзакционное понятие сознания путем локализации сознания в знаке: «Сознание само может возникнуть и стать жизнеспособным фактом только в материальном воплощении знаков» (Voloshinov, 1973, p. 11), и далее подчеркивает, что знаки — это не только структурные единицы сознания, но также и продукты взаимодействия внутри социальных групп и между ними: «Сознание обретает форму и находится в материале знаков, созданных организованной группой в процессе социального общения. Отдельное сознание воспитано на знаках; его рост происходит благодаря им (знакам); это отражает их логику и законы. Логика сознания — логика идеологической коммуникации, семиотического взаимодействия социальной группы» (ibid., p. 13). Согласно Волошинову, в дополнение к наличию социального фактора сознание является также идеологическим, поскольку оно не только олицетворяет отдельные знаки своей социальной группы, но и отражает идеологические ценности группы.

Эта транзакционная концепция сознания требует, чтобы мы поместили диалог в центр любого анализа сознания. Диалог, понимаемый как семиотический обмен, является необходимым условием для отдельных знаков, сформированных в идеи, для того чтобы иметь значение и таким образом составить архитектуру сознания. Согласно Волошинову, «знаки могут возникнуть только на межличностной территории» (ibid., p. 12). Для Бахтина диалогические взаимоотношения «пронизывают всю человеческую речь, все отношения и проявления человеческой жизни и в целом все, что имеет значение и важность» (Bakhtin, 1973, p. 34). Уточняя эти идеи, Дж. Сальгадо и Дж. Клегг пишут: «Для того чтобы иметь значение, каждый знак подразумевает социальную артикуляцию, по край-

ней мере, между двумя различными представителями социума» (Salgado, Clegg, 2011, p. 423). Другими словами, знаки возникают посредством общей диалогической коммуникации, а осознанные переживания приобретают смысл как созданные из, через и внутри этих знаков.

В пределах такой диалогической структуры самонаблюдения любой «допрос» сознания — это всего лишь иная семиотическая коммуникация. Дж. Мид писал, что «...механизм интроспекции дан в социальной установке, которую человек обязательно применяет по отношению к себе, и механизм мысли, даже мышления, использующего символы, которые необходимы в социальном общении, является всего лишь внутренней беседой» (Mead, 1913, p. 377). Согласно Миду, интроспекция подразумевает чье-либо сознание, общающееся с самим собой (через внутренний диалог), объединяя перспективу другого (перспективы других) с целью понимания себя. Фактически и Б. Вагонер утверждал, что «интроспекция подразумевает включение другого в личность» (Wagoner, 2013, p. 92—93), так что «акт самонаблюдения является по существу социальным процессом» (ibid., p. 84).

Если мы согласны с пониманием сознания, в котором исследуемое *Я* составляет динамическое *меня* через и из диалогической архитектуры знаков, то процесс самонаблюдения будет всегда структурироваться вокруг герменевтики непрерывно разворачивающегося диалога. Как часть контекста какого-либо интервью самонаблюдение представляет уникальное столкновение многочисленных диалогов, запущенных в ход исследователем и участником. Такие диалоги могут быть упорядочены в потенциально бесконечное множество таксономий, но мы обнаружили, что понятие Бахтина «жанры» может плодотворно упростить эту сложность. В дальнейшем мы обрисовем в общих чертах наше использование понятия «жанры», чтобы охарактеризовать диалогические репертуары, вовлеченные в интервью, и затем использовать эти «семиотические жанры» (так мы их обозначили) для изложения существенных направлений, предназначенных для получения выводов из самонаблюдения в контексте интервью.

(2) Семиотические жанры

Понятие Бахтина о *речевых жанрах* мы использовали как инструмент для многоуровневой интерпретации высказываний. Высказывание — это основная семиотическая форма в диалоге, которая выражает смысл сказанного, «отражает свой исторический и социальный контекст» (Gillespie, Cornish, 2009, p. 34) и служит воплощением социальной среды. Кроме того, высказывание сложно

и трудно достоверно интерпретировать, так как число подразумеваемых значений почти всегда превышает число явных значений. Действительно, явные лексические и синтаксические значения высказывания в целом менее интересны, чем усвоенные смыслы слов и высказываний, т.е. приобретенные благодаря опыту общения с другими. Такие значения не являются очевидными и, таким образом, высказывания нужно воспринимать как комплекс подразумеваемых значений.

Чтобы упорядочить эту невероятную сложность, мы переняли понятие Бахтина «жанр». Бахтин утверждал, что «каждое отдельное выражение, конечно, индивидуально, но каждая сфера, в которой употребляется язык, развивает свои собственные *относительно устойчивые типы выражений*» (Bakhtin, 1986, p. 60). Другими словами, поскольку люди социализируются в конкретных группах, они развивают стандартную форму коммуникации, характеризующуюся определенными выражениями. Эти жанры весьма гетерогенны (ibid.), они имеют отношение к социальным, политическим, образовательным, медицинским и другим сферам коммуникации и к жизни в целом.

Чтобы понять роль этих жанров в пределах нашего концептуального каркаса, мы предлагаем подумать о них с точки зрения описанной ранее диалогической модели личности. Поскольку *речевые жанры* представляют более устойчивые части языка или использования знака, они представляют что-то, что *Я* может назвать «моим». Таким образом, они — элементы *меня*. В этом смысле *Я* — выражение, тогда как *меня* — более устойчивая форма, из которой построено выражение. С этой точки зрения исследователь в контексте интервью изучает форму выражения *меня* участника, а не его *Я*. Опыт любого *другого* усваивается через его выражение; иными словами, чтобы быть выраженным, *Я* должно принять семиотическую форму *меня*. Дж. Мид заметил об этом: «“Я” является предположением, но никогда не презентацией сознательного опыта, так как в момент презентации оно принимает объективную форму, предполагая, что “Я” — это то, что наблюдает, но “Я” может раскрыть себя, только перестав быть субъектом, для которого “меня” является объектом наблюдения» (Mead, 1913, p. 374). Таким образом, *Я* испытывается непосредственно лишь самим участником, тогда как *меня* испытывается другими через речь и иные формы коммуникации.

Эта концепция жанров также укрепляет динамическую, но все же относительно устойчивую природу *меня*. *Меня* постоянно согласовывается с символическими действиями, но некоторые элементы *меня* остаются теми же (или только немного изменившимися). Эти относительно устойчивые формы значения, которые мы здесь на-

зывается жанрами, могут быть объяснены и поданы как основные эвристические инструменты для интерпретации значений любой коммуникации.

Понятие Бахтина о речевых жанрах позволяет нам лучше организовывать процесс анализа материалов интервью участников и выявления основных положений. Также важны жесты, тон, темп, дикция, физическая среда и другие невербальные элементы коммуникации. Поэтому мы заменили весьма специфический языковой модификатор Бахтина «речь» более общим — «семиотика». Мы используем слово «семиотика» для подтверждения того, что невербальные элементы коммуникаций в интервью так же важны для определения смысла высказываний, как и их языковая составляющая. Таким образом, мы рассматриваем интервью как взаимодействие семиотических жанров.

Семиотические жанры (в нашем понимании) — это скорее герменевтические, а не буквальные понятия, т.е. мы воспринимаем их скорее как интерпретирующие эвристики, чем как онтологически независимые сущности. Мы уделили значительное внимание видам семиотических жанров, которые характеризуют контекст интервью, и решили, что трех основных, главенствующих жанров будет достаточно, чтобы в общих чертах дать определения (хотя, конечно, не исчерпывающие значение) выражениям исследователя и участника. Эти семиотические жанры: 1) идеологически-аффилятивный; 2) личностно-эмоциональный; 3) социально-нормативный. Важно отметить, что все три жанра являются диалогическими по своей сути, каким бы ни был этот диалог — внешним (устным) или внутренним.

Идеологически-аффилятивный жанр. Идеологически-аффилятивный жанр охватывает диалоги, относящиеся к общественной сфере и социальному положению участника. Этот жанр характеризует высказывания на тему политических убеждений, религиозных верований, личных предпочтений (например, в музыке, кино или выборе книг для чтения). Он также может охватывать рассуждения, характерные для профессиональной среды человека и представленные главным образом в форме специфического жаргона. Мы могли бы классифицировать внутри этого жанра речь участника, весьма обобщенную или четко связанную с частным видом общественной беседы (например, дебаты, консилиумы, политическое красноречие и т.д.). Следовательно, идеологически-аффилятивный жанр может быть разделен на поджанры — профессиональный, политический или религиозный.

Стоит отметить, что каждый из жанров, которые мы обозначили здесь, представлен и как содержание, и как процесс использования

языка. Например, тенденция участника противоречить своему собеседнику, использовать статистические данные в разговоре или перефразировать произнесенное другими может сказать нам о его идеологически-аффилятивном репертуаре так же много, как и его язык.

Личностно-эмоциональный жанр. Лично-эмоциональный жанр представляет произнесение, связанное с обычно невысказанным эмоциональным переживанием. Такое произнесение вообще принимает форму «Я говорю» (рассказ от первого лица) и обнаруживает очень личный опыт. Произнесение в пределах этого жанра могло бы пролить свет на взаимоотношения с семьей, друзьями или другими значимыми людьми или группами, на особенные, личные и местные нормы и традиции, включенные в такой разговор. Например, много семей используют слова или фразы, значение которых известно только членам этой семьи (прозвища или значимые события). Личностно-эмоциональный жанр может включать такие поджанры, как дружеский разговор или ностальгическое воспоминание.

Социально-нормативный жанр. Социально-нормативный жанр охватывает общие коммуникационные нормы и другие социальные конвенциональные формы, более или менее устойчивые в пределах определенного общества. Например, неуместность обсуждения семейных ссор с незнакомцами, прерывания спикера посередине предложения или повествование лишь о себе. Такие конвенции, конечно, непрерывно пересматриваются, поскольку собеседники из различных обществ (социальных групп) устанавливают свои собственные отдельные жанры и нормы. Потенциальное множество семиотических действий, классифицированное в пределах этого жанра, огромно, но может включать поджанры, связанные с изменением разговора, структурированием речи, соответствующим развитием больших культурных и исторических дискурсов или голосовой интонации.

Следует прояснить, что любой из описанных жанров будет иметь некоторые социальные и нормативные компоненты (например, нормы того, как профессионалы преподносят себя на работе и как семьи ведут себя во время обеда). Но социально-нормативный жанр предназначен для охвата более общих форм речи, относящихся к разговорным нормам вообще, а не к специфическим нормам любого общественного или личного семиотического поджанра (например, разговор адвоката или частный семейный разговор). Однако важно понять, что эти жанры не предназначены быть ортодоксальными категориями. Природа этих категорий делает

их границы подвижными и никоим образом не взаимоисключающими. Таким образом, каждый жанр и его возможные поджанры следует рассматривать как многослойные элементы для более глубокого и всестороннего анализа интервью. Например, определенные разговорные формы, используемые экспертными советами организаций, могут быть лучше всего поняты как наслоение профессиональных и общих социально-нормативных жанров. Сила этой структуры — в синтезе этих жанров; иерархическое представление этих жанров учитывает более богатое представление индивидуальной «сети межсубъектных отношений» (Gillespie, Cornish, 2009, p. 38). Как точно эти жанры взаимодействуют друг с другом, мы рассмотрим далее.

(3) Диалогические направления в интервью

В предыдущих частях статьи мы описали в общих чертах главные критические аргументы и неверные представления о самонаблюдении, касающиеся валидности данного исследовательского метода. Мы обратились к этим неправильным представлениям посредством теоретической структуры, заложенной в работах У. Джеймса, М.М. Бахтина, В.Н. Волошинова и других. Ссылаясь на этих авторов, мы дали обозначение самости (личности) как воплощения знаков, некоторые из которых носят сиюминутный характер для Я, другие же становятся постоянной составляющей меня. Эти знаки, обычно проявляющиеся в речевых выражениях, служат точками взаимодействия человека с сознательными событиями других людей.

Однако выражения имеют небольшую ценность для аналитических выводов, поскольку они контекстно-зависимы и имеют многочисленные значения. Таким образом, в качестве «гида» для процесса выведения логических следствий мы приняли концепцию Бахтина о речевых жанрах, переосмысленных как семиотические жанры. Мы идентифицировали три обширных семиотических жанра, которые существуют в постоянном взаимодействии друг с другом, и в этом разделе статьи планируем рассмотреть их взаимодействие (в пределах интервью) вместе с сериями диалогических направлений (этапов): 1) формулирование исследовательского вопроса; 2) договоренность об участии; 3) начало вопросов интервью; 4) промежуточное повествование участника; 5) подготовка аналитических материалов. На каждом из этих этапов многократные диалоги — внутренние и внешние, прошлые и настоящие — развернуты и могут быть выражены с точки зрения различных семиотических жанров. Мы утверждаем, что диалогический анализ этих этапов позволяет исследователям не только охватить описание

опыта участника, но и, что еще более важно, обеспечить контекст, необходимый для получения значимых выводов из таких описаний. Этот аналитический контекст, который мы опишем ниже, намного шире того, который типичен для большинства исследовательских отчетов; сюда мы относим не только выражение участника, но и всю последующую (т.е. функционально связанную) диалогическую структуру, в пределах которой это выражение создается и интерпретируется. Мы делаем так, потому что диалогическая структура определяет характер и границы любых выводов, которые нам нужны для обрисовки исследовательских данных и должны также быть зарегистрированы.

Формулирование исследовательского вопроса. Когда исследователь формулирует исследовательский вопрос, он вовлечен и во внутренние, и во внешние диалоги. Он заказывает профессиональную литературу, разговаривает со своими коллегами, консультируется с различными информационными источниками; и все это протекает во внутренних и внешних диалогах. Все эти диалоги, главным образом классифицированные как идеологически-аффилиционные (и, возможно, в пределах «профессионального» поджанра), структурированы особыми риторическими, методологическими и структурными формами. Конечно, многие из этих форм социально-нормативные. Некоторые из этих норм (например, анализ затрат-выгод) представляют профессиональную этику; они явно прописаны в кодексах *IRB (Internal Review Board)* — внутриуниверситетская этическая комиссия) и неукоснительно внедрены в жизнь научно-исследовательскими институтами. Иные нормы, такие как коллегиальность или честность, представляют более общие социальные нормы; они являются производными общей социальной среды, к которой принадлежат и участник и исследователь.

Лично-эмоциональные формы также формируют исследовательский вопрос. Например, собственный, полученный из первых рук опыт может обеспечить наблюдение или подобающее понимание исследования. Киплинг Уильямс (Williams, 2007) описывает один такой пример. Играя во фрисби в парке с двумя друзьями, Уильямс был внезапно исключен из игры. Его раздумья об этом опыте привели к написанию программы исследования остракизма, которая определила область и породила сотни исследовательских статей. Таким образом, понятно, что развитие исследовательских вопросов в огромной степени зависит от самонаблюдения, как и любая интроспективная практика по сбору данных. Исследовательские вопросы представлены посредством коммуникации с другими, проанализированы благодаря самоотражению и воплощены в выражениях исследователя.

Договоренность (соглашение) об участии. В профессиональной исследовательской литературе договоренность об участии редко обсуждается подробно. В лучшем случае дается краткое упоминание в три предложения, заверяющее читателей, что участие было добровольным и участники получили некую компенсацию за свое потраченное время. Такие описания главным образом демонстрируют подчинение профессиональным нормам, прописанным в исследовательском отчете, и являются смешением социально-нормативного и профессионального жанров.

Конечно, существует большое количество диалогических соглашений, составляющих эту фазу исследования. Например, элемент данных договоренностей мог бы включать личные причины для участия в исследовании; участник мог бы быть лично затронут предметом исследования или мог бы желать приобрести исследовательский опыт. Эти личные побуждения могли бы, следовательно, задать тон интервью и проявиться в высказываниях участника или в его стремлении к участию. С другой стороны, участие в интервью может быть условно-добровольным (например, для студентов психологических факультетов США участие в исследованиях их профессоров является частью учебного процесса). В этом случае результаты могут отразить их (участников) незаинтересованность и нежелание участвовать.

Начало вопросов интервью. По-видимому, большинство интервью начинается с несколько неофициального взаимодействия (обычно обсуждаются форма согласия на участие или основные правила интервью). В это время исследователь и участник начинают устанавливать частный семиотический жанр (или жанры), на который влияют профессиональная подготовка исследователя, понимание обеими сторонами норм общения, а также их общие ожидания относительно исследования. В этой фазе интервью *меня*, принадлежащие исследователю и участнику, несколько неустойчивы, они адаптируются к требованиям ситуации и ожидаемым межличностным интеракциям.

Такая нестабильность предоставляет возможность исследователю и участнику реструктурировать их дискурсивную идентичность и таким образом установить совместный семиотический жанр. При первом же общении исследователь и участник становятся частями жизненного опыта друг друга. Этот факт влияет на их общение — они начинают говорить на языке, который считают адекватным для собеседника: «Каждый использует слова, которые, как он естественным образом чувствует, следует сказать, и выражает их в том стиле, который кажется ему соответственным» (Cresswell, Teucher,

2011, p. 110). Таким образом, в самом начале интервью участник и исследователь перестраивают и согласуют свои *меня*.

Как правило, этот процесс согласования воспринимается исследователями как причина недостоверности полученного материала (например, фиксированные установки участника — Clegg, 2013). Однако представленная ранее диалогическая теория рассматривает этот процесс с точки зрения получения ценных аналитических данных. В некотором смысле совместный семиотический жанр, созданный двумя участниками интервью, гарантирует более глубокую интерпретацию других жанров, так как он помогает исследователю и участнику на одном семиотическом уровне, когда они используют сопоставимые слова, фразы или другие формы общения.

Посредническое повествование участника. За начальной стадией следует переход к «сбору данных» посредством специальных вопросов и ответов. В идеале исследователь задаст подходящий вопрос, а участник предоставит обширный повествующий ответ, который, возможно, будет лучше понят благодаря дополнительным вопросам. Эта фаза интервью представляет взаимодействие всех трех семиотических жанров, которые мы определили. Эти специфические жанры для участника являются самыми существенными на данном этапе. Наиболее важные диалогические процессы, вовлеченные в эту стадию, включают осознание, описание и извлечение выводов из полученного опыта.

Одно из наиболее распространенных критических замечаний к интроспекции связано с процессом запоминания. Лимитированность человеческой памяти была научно доказана в ряде исследовательских программ (см., напр., исследование ложной памяти С. Кеннета — Kenneth, 1996). Результаты проведенных исследований убедительны, но все они основаны на презумпции существования лишь одного верного способа запомнить и описать полученный опыт. Однако в большинстве исследований, основанных на интервью, исследователь выясняет, какое значение имеет для участника полученный опыт или воспоминания. С диалогической точки зрения нет большого смысла в представлении воспоминаний как независимых и статических объектов, которые могут быть «истинными» или «ложными» представлениями такого же статического и независимого прошлого. Диалогический анализ никогда не станет рассматривать воспоминания как статические, а всегда будет относиться к ним как к динамическим, межличностным, дискурсивным процессам, лежащим в основе описания любого полученного опыта.

Наша диалогическая модель интервью представляет запоминание как дискурсивное и относительное. Запоминание состоит из

сбора части динамического, текучего сознательного опыта, временно установленного в описательном языке. Однако, как утверждал Джеймс, «знание некоторой другой части потока (сознания) — прошлой или будущей, ближайшей или отдаленной — всегда смешивается со знанием о вещах и событиях, которые есть в настоящем времени (James, 1890, p. 606). Таким образом, прошлое всегда исследуется через призму контекста, в котором оно припоминается. Такой контекст и знание в свою очередь определены и условиями окружающей среды, и социально-бытовыми условиями, такими, как время дня, осознание других подобных событий и восприятие людей, к которым прошлый опыт относится. Поэтому воспоминания — это продукты социальных сред. Они являются комбинациями вещей, непосредственно исследованных *Я* и присоединенных к *меня*. Таким образом, сообщение памяти не так уж «ненадежно», оно непрерывно пересматривается в течение долгого времени и в отношении различных контекстов запоминания.

Другой важный аспект этой стадии процесса интервью — конкретное повествование участника. На этой стадии семиотические жанры наиболее существенны. Они представлены в тоне голоса участника, в словах, которые он выбирает для описания своего опыта, в диалоговых паузах и потенциальной аудитории, к которой участник косвенно обращается. Все эти элементы его повествования, большей частью свойства *меня*, проливают свет на значение его сознательного опыта и на окружающую среду, которая их продуцирует.

Однако поскольку в контексте интервью *Я* участника вступает в контакт с исследователем, оно продолжает вести согласование этих значений, иногда изменяя их. Например, Л. Филипс (Phillips, 2000), исследовавшая сексуальный опыт женщин, подробно описывает случай, когда одна из участниц переосмыслила свой неприятный сексуальный опыт как насилие только после проведенного с ней интервью. Другими словами, как только ее личностно-эмоциональный жанр вошел в контакт с профессиональными и идеологическими жанрами, используемыми Л. Филипс (выраженными в вопросах об интервью), природа ее опыта была реструктурирована.

Подготовка аналитических материалов. Заключительный диалогический поворот в процессе интервью возникает тогда, когда исследователь начинает анализировать и интерпретировать собранные данные об интервью и описывать свои интерпретации в отчете о научно-исследовательской работе. Являясь единичным и частным, этот процесс представляет собой еще одно столкновение многочисленных диалогов и семиотических жанров. Первоначально профессиональные и личные диалоги, сформированные теорети-

ческими вопросами, направляют исследователя к анализу данных. Форма самого анализа в целом также структурирована эпистемологическими и методологическими диалогами, присущими той или иной научной дисциплине.

Однако в отличие от этапа разработки вопроса создание исследовательского описания также характеризуется распространенностью совместного семиотического жанра, образовавшегося между исследователем и участником. Этот новый жанр входит в контакт с другими жанрами и таким образом изменяет анализ. Как отмечено ранее, в течение интервью исследователь и участник устанавливают общий способ для идентификации условий и нормативных кодов поведения, которые характеризуют их совместный семиотический жанр. В этом смысле участник становится частью *меня* исследователя. Эта интернализация позволяет исследователю выявить скрытые, личностные значения выражений участника, которые остались бы скрытыми для сугубо монологичной исследовательской работы. Понятая таким образом «субъективность» процесса интервью, взаимопроникновение исследователя и мнений участников становятся обязательным основанием для интерпретации.

Заключение

Рассматривая эту теоретическую структуру как единое целое, мы утверждаем, что изучение самонаблюдения в контексте интервью выявляет столкновение многочисленных диалогов, представленных здесь с точки зрения трех широких семиотических жанров, согласованных благодаря различным стадиям (или диалогическим поворотам) процесса исследования. Взаимодействие этих жанров заполняет каждую фазу исследовательского процесса, начиная с составления вопроса и кончая созданием отчета об исследовании. Такие жанры, наложенные друг на друга в процессе анализа, позволяют учитывать детали в транзакционном анализе опыта сознания. Данная модель также подчеркивает динамическую и согласованную природу коммуникации, которая воплощена и в нашем сознании, и в знании, которое мы получаем из исследования.

Мы надеемся, что это расширенное обсуждение самонаблюдения в контексте интервью поможет исследователям усовершенствовать методы документирования и анализа, необходимые для извлечения более глубоких выводов из их интервью. Эта работа кажется нам необходимой в связи с очевидной ограниченностью позиции отвержения многих форм самонаблюдения в психологии. Однако, несмотря на распространенность искаженных представлений о самонаблюдении в истории нашей науки, этот метод остается одним из наиболее широко используемых в психологических исследова-

ниях. Его использование скрыто во многих методах самоотчета. К сожалению, обсуждая эти методы, исследователи склонны не только отрицать их интроспективный характер, но и эгоцентрически заявлять об объективности исследователя и невежестве, недобросовестности участников. Результатом такой объективистской риторики являются монологичные и часто «мертвые» (т.е. бездушные) отчеты об исследовательской работе.

Преимущество предложенной теоретической структуры в том, что она избегает дуалистических предположений, которые долго заполняли нашу дисциплину, и позволяет нам извлекать выводы из более полного транзакционного и диалогического контекста, в котором представлены данные самонаблюдения. Эта структура предпочтительнее также тем, что она предоставляет методы для упрощения огромной сложности сознания, не являясь при этом еще одной формой редукционизма. Мы попытались создать теоретические и методологические инструменты, которые выражают свой условный и эвристический характер и таким образом позволяют нам одновременно создавать и деконструировать наши собственные аналитические методы и взгляды. Такие построения и деконструкции необходимы для любого исследования самонаблюдения. Во-первых, потому что сознание слишком радикально и разнообразно, и его невозможно изучать, не имея адекватного теоретического фундамента; во-вторых, потому что наше знание и понимание друг друга не могут быть истинными, если их рассматривать как бесспорное и статическое текстовое (вербальное) представление. Такие представления должны быть разрушены прямо в момент их производства, потому что, как красноречиво утверждал Бахтин: «Сознание других (людей) не может быть рассмотрено, проанализировано и определено как объекты или вещи — мы должны относиться к ним диалогическим образом. Думать о них означает разговаривать с ними; иначе они немедленно разворачиваются к нам своей объективизированной стороной; они затихают, холодеют и прячутся за свои завершённые объективизированные изображения» (Bakhtin, 1973, p. 56). Изучение сознания другого человека возможно только в диалоге с ним. Наша модель предназначена именно для выявления реальных психологических значений, которые обитают в человеческой беседе.

Авторизованный перевод с английского А.П. Ефименко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bakhtin, M.M. (1973). Problems of Dostoevsky's Poetics. (R.W. Rotsel, Trans). Ann Arbor, Michigan: Ardis.
- Bakhtin, M.M. (1986) (trans. Vern W. McGee). In C. Emerson & M. Holquist (eds.) Speech genres and other late essays. Austin: University of Texas Press.
- Brock, A. (2013). The history of introspection revisited. In J. W. Clegg (Ed.) Self-observation in the social sciences (pp. 25-43). New Brunswick, New Jersey: Transaction.
- Clegg, J.W. (2013). Developing an adequate theory of self-observation. In J.W. Clegg (Ed.) Self-observation in the social sciences (pp. 3-21). New Brunswick, New Jersey: Transaction.
- Costall, A. (2006). 'Introspectionism' and the mythical origins of scientific psychology. *Consciousness and Cognition*, 15, 634-654.
- Costall, A. (2013). Introspection and the myth of methodological behaviorism. In J. W. Clegg (Ed.) Self-observation in the social sciences (pp. 67-80). New Brunswick, New Jersey: Transaction.
- Cresswell, J. & Teucher, U. (2011). The body and language: M. M. Bakhtin on ontogenetic development. *New Ideas in Psychology*, 29, 106-118.
- Gillespie, A. & Cornish, F. (2009). Intersubjectivity: Toward a dialogical analysis. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 40 (1), 19-46.
- Hermans, H. (2001). The dialogical self: Toward a theory of personal and cultural positioning. *Culture & Psychology*, 7 (3), 243-281. doi: 10.1177/1354067x0173001
- James, W. (1890). Principles of psychology (v.1). New York: Henry Holt.
- Kenneth, S.P. (1996). Memory, abuse, and science: Questioning claims about the false memory syndrome. *American Psychology*, 51 (9), 957-974. doi: 10.1037/0003-066x.51.9.957
- Mead, G.H. (1913). The social self. *Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*, 10, 374-380.
- Phillips, L.M. (2000). Flirting with danger: Young women's reflections on sexuality and domination. New York, New York: New York University Press.
- Salgado, J. & Clegg, J.W. (2011). Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology. *Culture & Psychology*, 17 (4), 421-440.
- Titchener, E.B. (1912). The schema of introspection. *American Journal of Psychology*, 23, 485-508.
- Voloshinov, V.N. (1973). Marxism and the philosophy of language. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wagoner, B. (2013). Language in self-observation. In J. W. Clegg (Ed.) Self-observation in the social sciences (pp. 45-65). New Brunswick, New Jersey: Transaction.
- Williams, K.D. (2007). Ostracism: The kiss of social death. *Social and Personality Psychology Compass*, 1 (1), 236-247. doi: 10.1111/j.1751-9004.2007.00004.x
- Young, J.L. (2013). A brief history of self-report in American psychology. In J.W. Clegg (Ed.) Self-observation in the social sciences (pp. 45-65). New Brunswick, New Jersey: Transaction.

Поступила в редакцию

26.02.15

Karyna Pryiomka¹, Joshua W. Clegg²

¹ MA Graduate Center, CUNY, New York, USA

² John Jay College of Criminal Justice, CUNY, New York, USA

Abstract. The current paper proposes a new theory of self-observation in the context of face-to-face interview grounded in the dialogical and transactional theories of W. James, G.H. Mead, M. Bakhtin, and V. Voloshinov. The authors have embraced their dialogical and continuous notions of self and socio-ideological consciousness. In this model, consciousness (or *I*) is submerged in an infinite interchange of internal and external dialogues, constantly evaluating, negotiating, and internalizing immediate experiences into more stable characteristics of self (the *me*). We have characterized these aspects of the *me* in terms of utterances, broadly organized into three semiotic genres: 1) ideological-affiliative, 2) personal-affective, and 3) socio-normative. The authors argue that such genres permeate every stage of the research process, beginning with research questions and culminating in the construction of a research report.

Key words: self-observation, introspection, Self (*Self*), me (*me*), I (*I*), semiotic communication genres.

ОТРЫВКИ ИЗ РАБОТЫ С.В. КРАВКОВА
«САМОНАБЛЮДЕНИЕ»

Приводятся отрывки из книги С.В. Кравкова «Самонаблюдение» (М.: Русский книжник, 1922. 176 с.). В своем исследовании С.В. Кравков излагает аргументацию в пользу необходимости интроспекции для психологической науки, ограничивает интроспекцию от рефлексии, анализирует психические процессы, обеспечивающие возможность интроспекции, обсуждает способы организации интроспективного исследования и другие теоретические и методические вопросы, возникающие в связи с интроспекцией.

Ключевые слова: самонаблюдение, интроспекция, психология, переживание, интенция, внимание, память.

От публикатора. Российская психология имеет в своем наследии научный труд, который может считаться компендиумом проблематики интроспекции как исследовательского метода психологической науки. Автор этого труда — *Сергей Васильевич Кравков* (1893—1951), советский психолог и психофизиолог, доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР.

Книга «Самонаблюдение» издана в 1922 г. Автору на тот момент было 29 лет, но за его плечами уже был почти 10-летний опыт работы в Психологическом институте на Моховой. Следует отметить, что для самого С.В. Кравкова проработка проблем интроспекции не противоречила его интересу к психофизиологии ощущений: так, в плане экспериментальных работ на 1914—1915 гг. находим название исследования Кравкова, которое совпадало с направлением исследований всей его жизни: «О взаимодействии одновременных ощущений» (Психологический институт на Моховой (исторический очерк). М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. С. 8). Более того, его психофизиологические исследования были бы невозможны без элементов хорошо контролируемой интроспекции.

Текст «Самонаблюдения» впечатляет своей скрупулезностью, сложными, но в смысловом отношении точными и конкретными языковыми построениями, полнотой перебора вопросов, возникающих к интроспекции как на общеметодологическом, так и на методическом уровне.

В предисловии к книге С.В. Кравков говорит, что, несмотря на насущную для психологии необходимость изучать переживания, в психологической литературе неизвестна работа, стремящаяся «выяснить во всей возможной полноте современное положение вопроса об интроспекции как методе научного исследования». Учитывая, что в тот период российская психология не мыслила себя вне мировой психологической науки, ясно, что автор, ставя задачу восполнить данный пробел, имеет в виду пробел в

мировой науке. Ценность данному труду также придает то, что он написан «изнутри» интроспективной психологии специалистом, который владел данным методом и был сориентирован во всех дискуссиях вокруг него, проводимых и у нас, и за рубежом.

К сожалению, судьба данного произведения сложилась не лучшим образом. Во-первых, оно написано на закате интроспекционизма, и последующая психология (и советская, и мировая) относилась и относится к нему скорее как донаучному этапу психологии. Во-вторых, текст книги написан автором, обладающим навыками интроспективной работы и, следовательно, различными необходимыми для этого психологическими качествами — тренированной устойчивостью внимания и цепкой памятью. Это позволяло С.В. Кравкову передавать свои мысли в сложно построенных фразах, последовательностях фраз, для понимания которых нужно проявить такой же уровень внимания и памяти. Это затрудняет восприятие текста, однако не снижает его содержательной ценности.

В данной публикации мы ограничимся серией отрывков, дающих представление о содержании книги, круге затрагиваемых проблем и характере аргументации автора. Обращаем внимание читателя на неразграживание С.В. Кравковым терминов «самонаблюдение» и «интроспекция».

Все приводимые далее цитаты воспроизводятся по изданию:
Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.

*М.И. Яновский, канд. психол. наук,
доцент кафедры психологии Донецкого национального университета*

Аргументация в пользу необходимости интроспекции для науки

«Содержание таких понятий, как сомнение, радость, представление, отвращение, припоминание и т.п., в их качестве необходимо дается через интроспекцию (т.е. самовосприятие или самонаблюдение). И притом лишь через интроспекцию, ибо поскольку я хочу познать, что такое гнев или хотение, я не могу достичь этого знания объективным наблюдением. Объективно я могу лишь воспринять выразительные движения, связанные с гневом и хотением. Но эти движения будут лишь движениями, но не гневом как таковым в его качественности и не хотением с присущей ему качественной характеристикой. Различение одних переживаний от других, усмотрение между ними сходств, связей и т.п. — в равной мере требует для своего осуществления приложения интроспективного метода самовосприятия. Как слепому нельзя уяснить, что такое красный цвет, так и объективными методами нельзя придти к познанию качественного мира переживаний» (С. 7—8).

«Фактически мы обладаем ведь интроспективным познанием» (С. 49).

«Совершенно очевидно далее, что в т.н. условных реакциях результат объективно данный (лишь и учитываемый объективистами) может зависеть и зависит от субъективных процессов сознания (ведь благодаря им и реакция-то называется «условной»). Так, ясно, что время моей реакции будет различно, старался ли я реагировать возможно скорей или напротив медленней, думал ли я о раздражении или совсем о постороннем, старался ли серьезно выполнить опыт или хотел сбить экспериментатора и т.д.»

«Эти факторы могут быть вскрыты лишь интроспективным анализом сознания субъекта» (С. 11).

«Но оставаясь чем-то не легализованным — {интроспективное показание} применяется не методически, без нужной осторожности и предусмотрительности» (С. 12).

«... говорить обо всем этом, как о различных классах явлений, едва ли бы было возможно, если бы мы в вышеприведенные обозначения (аффект, символ, отождествление) не вкладывали хотя бы *implicite* содержания, почерпнутого из нашего внутреннего, субъективного опыта» (С. 13).

«... лишь благодаря сведениям, почерпнутым из интроспективного анализа сознания испытуемых, объективные результаты становятся впервые *осмысленными и понятными*» (С. 17).

«... необходимость интроспективного разбора в том, какова качественная природа тех психических деятельностей, *количественное* взаимоотношение коих определяется» (С. 18).

Ограничение собственно интроспекции от похожих форм внутренней работы исследователя

«... под интроспекцией не следует понимать того, что относится собственно к рефлексии, открывающей законы и соотношения, но *лишь самый способ получения сырого материала*» (С. 21).

«Не будут ими {данными интроспекции}, очевидно, и сведения, являющиеся нашим умозаключением, выводом о собственном характере, лучшем способе заучивания наизусть и все другие такие же, являющиеся результатом нашей рефлексии, знания о себе, представляющие собой те “мнимые воспоминания” (*vermeintliche Reminiszen*), в коих и состоял “прославленный интроспективный метод философов”» (С. 22—23).

«Переживания в нашем сознании являются связанными с не-переживаниями или “смыслами”, каковые должны быть от них различаемы. Эти “смыслы” есть иначе “предметы” или “что” переживаний и положений сознания» (С. 27).

«Вот почему в то время, как переживания суть в моем сознании, — предметы, как вещи и смыслы, не находятся в моем сознании, составляя его реальную часть, но “предстоят” ему» (С. 29).

«Интроспектирующая психология имеет своим предметом переживания как таковые, берет их ради их самих, “an und für sich”, без интереса к их генетическим связям или к тому, что они вне себя, как таковых, обозначают, и для чего могут служить» (С. 30).

«... науки о “вещах” и “смыслах”, интендируемых через переживания, тем самым имеют дело не с фактически ограниченной реальностью непосредственно наличных переживаний, а с “вмышляемым”, так сказать, в них “предметом”» (С. 31).

«... мы обычно “установлены” на познании трансцендентных переживаниям предметов...» (С. 32).

«... мы обычно имеем дело с вещами — домами, кораблями, улицами и т.п. смыслами, как тем, что думаем, а не с эмоциями, волевыми импульсами и ощущениями в их “бессмысленности”» (С. 32).

Интроспекция как утверждение психологического реализма (исследовательская позиция, при которой психические феномены берутся как реальность)

«... мы становимся на точку зрения психологического реализма в том смысле, что признаем за переживаниями существование, независимое от того, сознаются они нами или же нет. И тем самым мы принимаем для психологии такое же отношение к объекту ее изучения, какое принимается во всех прочих дисциплинах, где предполагается, что познающий наблюдатель и познаваемый им предмет есть два раздельные фактора, сочетание коих и дает знание» (С. 38).

«Особенность нашего интроспективного восприятия в том, что интендируемым предметом интроспективного восприятия являются сами переживания как таковые, а не что-либо трансцендентное им. Интроспектирующий психолог мыслит как предмет своего восприятия как раз сами переживания, вне всякой зависимости от тех значений и смыслов, которые могут быть чрез них интендированы» (С. 39).

«К такой *имманентности интенции* сводится по существу, в конце концов, и та особая психологизирующая точка зрения, — интересующаяся переживаниями как таковыми, ради них самих» (С. 40).

«... интроспекция есть общий у всех эмпирических наук *метод наблюдения*, осуществляемый лишь с особой точки зрения и по отношению к особому предмету. Поэтому как к всякому наблюдению, так и к интроспективному познанию, может быть приложено одно общее основное нормативное условие для достижения наилучших результатов. Этим условием будет *внимательное восприятие и прослеживание явлений и отмечание их тем или иным образом*. Чем концентрированной будет наше внимание на наличном объекте

наблюдения и чем неразрывней будет оно сопровождать этот объект со всеми происходящими в нем изменениями — тем полней и достоверней будет наше знание» (С. 42).

Психические процессы, обеспечивающие возможность интроспекции. Психологическая «механика» интроспекции. Технологические вопросы интроспекции

«... в интроспективно описательной психологии вопрос об осуществлении апперцепирования наличных переживаний оказывается, мы сказали бы, *центральной в ее методологии*» (С. 42).

«В каком же виде интроспективное апперцепирование переживаний оказывается возможным, раз оно возможно?» (С. 50).

«Первый путь, делающий возможным и для психологии апперцепирование наличного объекта, — это *возможность распределения нашего внимания*» (С. 50).

«Когда большая по длительности и интенсивности доля внимания (идушего на определенный период времени) уделяется все же главному в субъективных переживаниях, образующему направлению внимания на предметы и смыслы, то переживания в момент обращения интенции на них, несмотря на отвлечение ее в тот момент от предметов, все же могут еще продолжать быть наличными, как бы по инерции, каковая и поддерживается быстрыми “перескоками” внимания вновь на предметы» (С. 57—58).

«... образы непосредственной памяти представляют собой как бы по инерции длящееся самое впечатление, продолжающее еще в известном смысле, как “последовательный образ”, быть наличным, и, для своего восприятия нами, не требует с нашей стороны особого активного старания “вспомнить”...» (С. 59).

«... успешность посредственного, вторичного вспоминания какого-либо объекта есть прямая функция предшествовавшего апперцепирования его» (С. 60).

«... иными словами, в случаях, когда переживания в их наличности не опознавались, мы ничего не знаем о них и в последующий период» (С. 60).

«... когда ранее не опознанные переживания вновь переживаются на основе репродуцированных опознанных элементов, мы легко можем впасть в активное так называемое “повторное представление” (*nachprobierende Vorstellen*), как реконструирование прошлого переживания через вызывание в сознании порождающих его опорных пунктов, с намерением на этот раз возможно полней опознать его» (С. 62).

«Быстрая изменяемость переживаний — их *текучесть* и почти совершенная *неповторяемость* их, при естественном течении психической жизни, создают для познавания их психологом мало

благоприятную обстановку. Тем настоятельнее здесь *необходимость нашего произвольного вмешательства* в обычные условия данности нам объекта. Это вмешательство может иметь двойное влияние. Во-первых, касаться, так сказать, объективной стороны даваемости материала: и именно мы можем делать случаи подлежащих наблюдению явлений более частыми, приобретя возможность так или иначе по произволу *вызывать* нужное явление, и следовательно повторять его. Во-вторых, с субъективной стороны, наше вмешательство может сказаться в соответствующем наилучшему восприниманию предмета» (С. 67—68).

«... осуществляется *произвольное его возобновление*, что в свою очередь возможно, однако, лишь через применение эксперимента. Поэтому утверждать возможность психологического наблюдения во внеэкспериментальной обстановке едва ли возможно ...» (С. 71).

«И именно, наиболее характерные и интересные явления психического мира — чувства, влечения, переживания мышления, словом те, которые мы назвали субъективными элементами сознания, не могут быть *наблюдаемы* в вышеприведенном, подлинном смысле этого слова, даже и при пользовании нами всеми возможностями, даваемыми экспериментальной методикой» (С. 74).

«Однако *невозможность прямого наблюдения* большей части нашего психического мира, даже и при нашем экспериментальном вмешательстве в условиях даваемости его нам, отнюдь не обозначает еще бессилия экспериментального метода по отношению к интроспективному познанию его вообще» (С. 75).

«... *возможность бессознательного* или неосознаваемого нами *осуществления интроспективного опознания*» (С. 82).

«У лиц с достаточной практикой в интроспектировании, осознание своего намерения и себя, как выполняющего это намерение, — совершенно не имеет места во время осуществления самого наблюдения.

И. Мюллер полагает, что при известном навыке подобное психологическое апперцепирование, как схватывание и отмечание переживаний нашим вниманием, может перестать быть сознательным и обратиться как бы в неосознаваемое “звучание” (Anklingen) определенных представлений, какое их наличие тем не менее способствует тому, что соответствующим переживаниям уделяется больше сознания. Последнее же способствует лучшему их запечатлению и, соответственно, большей легкости их воспроизведения для позднейшего ретроспективного анализа» (С. 82).

Способы организации интроспективного исследования

«Что же касается субъективных состояний сознания, то экспериментальный метод может здесь способствовать лишь: а) большей

планомерности и полноте отдельных быстрых апперцепирований наличных переживаний, б) большей полноте даваемого непосредственной памятью.

Главными путями к достижению этих целей следует признать:

1. *повторение* переживаний, способствующее лучшему всплыванию их в непосредственной памяти,

2. *бессознательность* (несознаваемость) деятельности опознавания переживаний, возможная, как следствие тренировки испытуемых в самонаблюдении,

3. *метод перерыва*, как средство опознавания переживаний наличными в их естественном течении,

4. *парциальный метод*, способствующий большей детальности и ясности интроспективного анализа,

5. *замедление* переживаний» (С. 97).

Условия, обеспечивающие повышение объективности интроспективных данных

«Возможность иметь интроспективные показания от многих лиц, в сочетании с экспериментальным повторением и варьированием подлежащего наблюдению переживания, впервые делает метод интроспекции методом уже не нацело субъективным. В нем нет ограниченности сферой лишь нашего единичного, личного, индивидуального психического мира, как это стараются показать часто представители объективной психологии» (С. 98).

«Содержание, а с ним и достоверность таких описаний обуславливаются, помимо свойств самого субъекта, как не трудно видеть, тремя главными моментами. Прежде всего, удачностью опознания своих переживаний самим испытуемым. Во-вторых, условиями высказывания об опознанном и в-третьих, нашей обработкой собранных высказываний» (С. 98).

«Точное интроспективное описание, достичь коего стремится самонаблюдение в качестве метода психологического исследования, и имеет в виду раскрытие в возможной детальной полноте картины *переживаний*, бывших при тех или иных условиях в сознании испытуемого. Для достижения этой цели мы создаем, с одной стороны, ряд возможно благоприятных условий опознания испытуемым его переживаний» (С. 147).

«Все намеченные выше не интроспективные аналитические и не психологические виды высказывания с особенной ясностью, на наш взгляд, указывают также, что нельзя просто самонаблюдать, без всякой предвзятости, без всяких предпосылок и точек зрения, но у наблюдателя необходимо должна быть *предвзятая установка*, определяющая, *что* из всех фактов сознания и *как* должно быть им

познаваемо. Лишь созданием такой определенной установки у испытуемых в психологических экспериментах мы получим надежное средство для избежания всех тех ошибок, которые возникают и могут возникнуть от смешения данных интроспективного описания с вульгарными пониманиями обыденной жизни и логическими рефлексиями» (С. 159).

«Благодаря возможности имманентного и объективного контроля самонаблюдений испытуемых мы получаем несомненную возможность *отличать* в собранном нами материале *более* достоверное от *менее* достоверного и, в еще большей мере, отбрасывать *вовсе ложное*.

Мы имеем основания полагать, что в будущем интроспекция станет еще в большей мере *научным* методом изучения» (С. 175).

Поступила в редакцию
11.02.15

EXCERPTS FROM THE BOOK S.V. KRAVKOV “SELF-OBSERVATION”

Abstract. Excerpts from the book S.V. Kravkov “Self-observation” (Moscow: Russkiy knizhnik, 1922. 176 p.). In his study, S.V. Kravkov presents arguments in favor of the need for introspection, psychology, introspection separates from reflection, analyzes the mental processes that provide the opportunity to introspection introspective discusses ways of organizing research and other theoretical methodological issues arising in connection with introspection.

Key words: self-observation, introspection, psychology, experience, intention, attention and memory.

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Веракса

РАЗВИТИЕ РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье представлен обзор современных исследований, направленных на изучение возможностей развития регуляторных функций дошкольников. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что регуляторные функции оказывают влияние на различные компоненты академической успешности детей. В связи с этим вопрос о взаимосвязи образовательной работы и степени развития регуляторных функций приобретает особую актуальность. Представлены примеры индивидуального и группового подхода к формированию регуляторных функций в дошкольном возрасте. Показано, что при использовании ряда стратегий работы с дошкольниками возможно значимое развитие регуляторных функций в условиях детского сада. Особое внимание уделяется компьютеризированным программам развития произвольности. Значимых взаимосвязей между качеством дошкольного образования и уровнем развития регуляторных функций не обнаружено. Гораздо большее влияние на становление произвольности оказывают культурные особенности.

Ключевые слова: регуляторные функции, дошкольный возраст, качество дошкольного образования.

Проблема произвольной регуляции была поставлена Л.С. Выготским в рамках культурно-исторического подхода. В современных работах она нашла свое выражение в самостоятельной линии исследований регуляторных функций (*executive functions*), представленной в многочисленных публикациях. В них было показано, что регуляторные функции оказывают влияние на различные компоненты академической успешности детей (см., напр.: Willoughby et al., 2012). Становится очевидной важность развития произвольных функций начиная с дошкольного возраста. Можно ожидать наличие связи между степенью их сформированности и особенностями построения образовательной работы.

Веракса Александр Николаевич — канд. психол. наук, доцент кафедры методологии психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* veraksa@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00711.

Исходя из этого мы посчитали целесообразным проанализировать результаты современных исследований, направленных на изучение возможности развития регуляторных функций.

Направленное развитие регуляторных функций

Можно выделить индивидуальный и групповой подходы к формированию регуляторных функций в дошкольном возрасте. При этом групповой подход, как правило, реализуется в логике общеобразовательных программ, не направленных специально на развитие регуляторных функций, но тем не менее существенно влияющих на их развитие. Так, например, в работе К. Вейланд и Х. Йошикавы (Weiland, Yoshikawa, 2013) изучалась успешность влияния программы дошкольного образования, внедренной в г. Бостоне. В исследовании приняли участие более 2000 детей 4—5 лет. Результаты показали, что, несмотря на то что в большей степени наблюдалось позитивное влияние на освоение речи, грамотности, счета и математических способностей, дети также повысили уровень регуляции эмоций и развития регуляторных функций. Точно так же было показано положительное, но умеренное влияние на развитие регуляторных функций в рамках программы *Head Start* (Bierman et al., 2009).

Исключением является работа М. Ротлисбергер и соавторов (Rothlisberger et al., 2012), в которой групповой подход сочетался с индивидуальным и работой в мини-группах детей (по два ребенка). В рамках исследований с детьми 5—6 лет из экспериментальной группы в составе 25 человек встречались 30 раз на протяжении 6 недель. Сравнение тестирований, проведенных до исследования и спустя 6 недель, показали значимые сдвиги по уровню развития у детей рабочей памяти, когнитивной гибкости и контроля, т.е. всех трех компонентов регуляторных функций. Причем если для детей 5 лет значимыми оказались успехи в первых двух компонентах, то для детей 6 лет они имели место в отношении последнего компонента. Таким образом, было показано, что регуляторные функции подлежат развитию в рамках смешанного подхода — группового и индивидуального, что позволяет, во-первых, существенно сэкономить время (в сравнении с индивидуальным подходом) и, во-вторых, воздействовать на все компоненты регуляторных функций.

Существуют различные объяснения механизмов развития когнитивных процессов, лежащих в основе успешности выполнения задания. Например, Ф. Зелазо и соавторы указывают на важность развития рефлексивной обработки информации, что позволяет ребенку удерживать в оперативной памяти правила более высокого порядка. Согласно теории когнитивной сложности и контроля дети, которые не справляются с заданием, имеют сложности с отражением репрезентации правила и с формулировкой иерархии

системы правил, которая бы разрешала конфликт, возникающий в случае предъявления амбивалентного стимула. Быстрое развитие рефлексии в дошкольном возрасте позволяет детям понять, что они знают два различных способа решения задания: «Если я сортирую по цвету, то красный кролик идет сюда; но если я сортирую по форме, то он идет сюда» (Zelazo et al., 2003).

Другие подходы подчеркивают важность рабочей памяти, задержки внимания, переописания (понимание того, что один стимул может быть описан с различных точек зрения). В эксперименте Д. Кло и Дж. Пернера (Kloo, Perner, 2003) на протяжении цикла занятий детей обучали задумываться над репрезентацией правил во время выполнения теста на сортировку карточек. После неправильного решения задания детям давалась правильная обратная связь и их обучали: а) отражать правильное измерение: «Это неверно. Мы больше не играем в цвет — в игру “желтое” и “зеленое”. Теперь мы играем в формы — в игру с яблоком и домом»; б) рассматривать условия: «В игре в форму, когда ты видишь яблоко...» и в) определять последствия, связанные с каждым предыдущим стимулом: «... теперь нужно показать на яблоко». Дети, которые проходили подобное обучение, показали более высокие результаты, чем дети из других групп. Более того, их результаты нашли свое подтверждение в ситуациях, направленных на изучение ложных убеждений. Таким образом, хотя программа обучения была заявлена как переописание стимулов, само обучение можно рассмотреть как повышение рефлексии.

В работе С. Эспинет и коллег (Espinete et al., 2013) проводилось аналогичное обучение: как только ребенок совершал ошибку, его просили назвать правильную игру и параметр, привести пример и заново выполнить задание. Результаты показали, что в случае обучения, направленного на повышение рефлексии, дети успешнее справлялись с заданием и лучше выполняли задания, направленные на изучение ложных убеждений. Эти исследования показывают, что обучение рефлексии позволяет детям обращать внимание на конфликт, заложенный в амбивалентных стимулах, анализировать его и формулировать правила, соответствующие иерархической структуре задания. При этом оказывается, что даже 15-минутных занятий достаточно для существенного улучшения решения задач на сортировку детьми 2—4 лет. Эти результаты подчеркивают важность не просто обратной связи в случае решения той или иной задачи ребенком, но и привлечения его внимания с целью анализа, осознания ситуации. Полученные данные подтверждают показанную ранее умеренную ценность формальной обратной связи как стратегии обучения в случае выполнения заданий на сортировку и низкий уровень переноса освоенных принципов на другие задания этого типа (Bohlmann, Fensons, 2005).

В работе Р. Руеда и коллег (Rueda et al., 2012) приняли участие 37 детей в возрасте 5—6 лет. На протяжении десяти 45-минутных занятий (два занятия в неделю) дети из экспериментальной группы индивидуально проходили обучение по специальной программе, направленной на развитие произвольных функций. Программа обучения состояла из заданий, разделенных на пять категорий: прослеживание, фокусировка внимания, разрешение конфликта, сдерживающий контроль и удержание внимания. Все задания были организованы по возрастанию уровня сложности (большинство заданий имело 7 уровней сложности).

Задания в группе прослеживания были направлены на то, чтобы дети следили за нарисованной кошкой на экране монитора с использованием мышки и одновременно отслеживали положение других нарисованных объектов на экране. Так, в одном задании кошку нужно было доставить на травку, но не попасть при этом в грязь. По мере возрастания сложности грязь занимала все больше места на экране, что повышало требования к контролю над кошкой. Упражнение с лабиринтом требует провести кошку по лабиринту. В упражнении преследования дети должны угадать, где появится утка, которая ныряет в озере и плывет по прямой линии с определенной скоростью.

Задания в группе фокусировки внимания были двух видов. Первый вид состоял из подбора совпадений — одинаковых изображений, при этом схожесть изображений возрастала. Ребенок должен был выполнять это упражнение в случае, когда изображения находились перед ним, и в случае, когда изображения закрывались, что требовало работы кратковременной памяти. В другом задании ребенку демонстрировались наложенные друг на друга формы и ставилась задача определить формы. Задание усложнялось количеством наложенных форм и сложностью фигур.

В группе разрешения конфликта детям давались игры по аналогии с эффектом Струпа на цифры.

В группе на сдерживающий контроль использовалась игра «Фермер», выполненная в парадигме *Go/No-Go*. На экране демонстрировался фермерский загон и за его пределами были нарисованы стога сена. Нажимая на стог сена, ребенок видел, кто в нем прячется — овца или волк. Овцу нужно как можно быстрее отправить в загон, нажав на нее; волка же, наоборот, нельзя пускать к овцам, поэтому нажимать на него нельзя. На более сложном уровне волк одевается как овца и только через некоторое время становится понятно, что это волк, что делает правильный ответ еще более сложным.

В группе удержания внимания детей просили помочь лягушке в ловле мух, которые с определенной частотой вылетали из бутылки на экране монитора. Ребенок должен был нажимать на кнопку как

можно быстрее, чтобы лягушка могла поймать языком муху. Перед вылетом муха жужжала. С увеличением сложности возрастал интервал появления мух.

В результате дети из экспериментальной группы показали значимое повышение уровня невербального интеллекта и готовности процессов, связанных с регуляторными функциями.

Не менее популярной является система тренажеров *CogMed*. Так, в работе Л. Торелл и ее коллег (Thorell et al., 2009) приняли участие более 60 детей в возрасте 4—5 лет. На протяжении 5 недель ежедневно в течение 15 минут дети в индивидуальном порядке играли в специально разработанные компьютерные игры. При этом одна группа детей играла в игры, направленные на развитие рабочей памяти, а другая — в игры на сдерживающий контроль. Игры на рабочую память были направлены прежде всего на развитие визуально-пространственной памяти: во всех заданиях детям представлялись стимулы на экране и ребенок должен был запомнить их место и порядок (и соответственно нажимать мышью на объекты в правильном порядке). Сложность задания увеличивалась за счет возрастания количества стимулов, которые нужно было запомнить. Задания на сдерживающий контроль были представлены в рамках парадигм *Go/No-Go* и *Stop-Signal*. Ребенка просили как можно быстрее реагировать на появление ключевого стимула (например, изображение фрукта) за исключением случаев, когда за ним следует определенный стимул (например, изображение рыбы), и др. Сложность задания увеличивалась за счет сокращения времени, отводимого для ответа. Результаты проведенного исследования показали, что тренировка рабочей памяти существенно улучшила результаты детей, направленные на ее диагностику. При этом результаты возросли по показателям не только пространственной, но и вербальной памяти. Однако тренировка рабочей памяти не сказалась на сдерживающем контроле. Тренировка сдерживающего контроля оказалась эффективной для освоения заданий, на которые она была направлена, однако переноса эффекта на другие задания не произошло. С точки зрения авторов, тому есть ряд объяснений. Во-первых, сдерживание ответа представляет собой очень короткий нейронный процесс, в то время как удержание информации основывается на активности, которая длится в десятки раз больше. В заданиях типа *Go/No-Go* и *Stop-Signal* сдерживание требуется лишь в некоторых моментах выполнения задания, в то время как рабочая память задействована постоянно. Поэтому 15-минутная тренировка сдерживающего контроля не является эквивалентной 15-минутной тренировке рабочей памяти. Во-вторых, известно, что задания должны быть адаптированы в соответствии с индивидуальным уровнем развития ребенка. В то время как подобная

адаптация возможна относительно рабочей памяти, адаптация в логике подбора уровня сдерживающего контроля известна в гораздо меньшей степени. Аналогичная эффективность тренировки рабочей памяти с применением заданий *CogMed* с более старшими испытуемыми была показана в работе Дж. Холмс и коллег (Holmes et al., 2009).

В исследовании Ю. Карбах и Ю. Крей (Karbach, Kray, 2009) приняли участие 56 детей в возрасте 8—10 лет, 56 взрослых в возрасте 18—26 лет и 56 взрослых в возрасте 62—73 лет. Все испытуемые выполнили задания, направленные на диагностику вербальной и пространственной рабочей памяти, сдерживающего контроля (задача Струпа), методики на измерение интеллекта (стандартные прогрессивные матрицы Равенна). После тестирования испытуемые были разделены на четыре подгруппы. В первой подгруппе проводились занятия по овладению одним из заданий; во второй подгруппе обучение происходило за счет освоения различных заданий, т.е. задействовалось переключение внимания, необходимое для работы сдерживающего контроля; в третьей подгруппе занятия проводились так же, как и во второй подгруппе, но в дополнение к системе занятий испытуемые вербализовали стоящие перед ними задачи; в четвертой подгруппе обучение шло так же, как и в третьей подгруппе, но в дополнение к этому испытуемым предъявлялись различные стимулы в каждой сессии. После обучения все испытуемые проходили повторное тестирование. Результаты показали, что наибольшие сдвиги в выполнении заданий наблюдались у детей и взрослых в возрасте 62—73 лет. Кроме того, оказалось, что обучение по второму типу позволило значимо повысить результат по всем методикам, т.е. имел место широкий перенос.

Качество дошкольного образования как фактор развития регуляторных функций

В настоящее время в России все больше внимания уделяется проблемам качества дошкольного образования (Битянова и др., 2009; Шиян, 2013). С теоретической точки зрения более высокое качество дошкольного образования, которое характеризуется богатыми возможностями для обучения, позитивными связями с ровесниками, позитивными отношениями со взрослыми, адекватными материалами и безопасной средой, должно способствовать позитивному развитию детей, включая развитие речи и регуляторных функций. Так, в одном исследовании было показано, что высокий уровень организации класса положительно связан с когнитивным контролем детей, а высокий уровень инструктивной поддержки характеризуется негативной связью с когнитивным контролем (Rimm-Kaufman et al., 2009).

Однако линейная зависимость между качеством дошкольного образования и развитием у детей регуляторных функций не подтверждается. В исследовании К. Вейланд и коллег (Weiland et al., 2013) приняли участие 414 детей из 46 учреждений, которые были продиагностированы на уровень развития регуляторных функций, словарного запаса, в то время как качество дошкольного образования было измерено с помощью шкалы *ECERS-R*. Результаты показали, что качество дошкольного образования не имеет связи с результатами развития детей. Другими словами, линейные взаимосвязи между выделенными переменными не обнаружены. Полученные данные, согласно авторам, указывают в первую очередь на возможную слабость инструментария, направленного на изучение качества дошкольного образования.

В работе Ч. Льюиса и коллег (Lewis et al., 2009) изучались особенности развития регуляторных функций у корейских детей и детей из западных стран. Поскольку корейская система дошкольного образования основана на занятиях, в ходе которых дети сидят за партами и на протяжении часа взаимодействуют с педагогом по определенной теме, авторы высказали предположение, что регуляторные функции корейских детей в сравнении с их западными сверстниками могут быть выше в силу специфики организации деятельности в детском саду. В исследовании приняли участие 76 корейских и 64 английских дошкольников в возрасте 3—5 лет. Результаты показали, что уже в 3 года корейские дошкольники более чем в 2 раза превышают результаты своих английских сверстников. Например, результаты корейских детей по заданию «День-Ночь» приближаются к 100% уже в 3 года и незначительно увеличиваются к 5 годам. В то время как английские дети в 5 лет достигают лишь уровня правильного выполнения задания, равного 80%. С точки зрения авторов, исследования показывают комплексное влияние культуры на развитие психики ребенка, которое проявляется как в дошкольной практике, так и в особенностях взаимодействия детей и взрослых в семье (см., напр.: Веракса, 2013).

Таким образом, можно говорить о том, что качество дошкольного образования не оказывает прямого влияния на развитие регуляторных функций. Вместе с тем показано, что особое положение занимает культура, в которой находится ребенок. Возникает вопрос о возможности влияния специально организованного образовательного процесса на отдельные компоненты регуляторных функций.

* * *

Представленные в обзоре исследования убедительно показывают существование возможностей влияния на развитие отдельных компонентов регуляторных функций. Эти возможности связаны

как с узконаправленными парциальными воздействиями, так и с организацией системной общеобразовательной работы. Вместе с тем качество образования не связано напрямую с развитием регуляторных функций. На их становление оказывает существенное влияние широкий социальный контекст (культура), образовательная система в целом (детский сад или семья).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Битянова М.Р., Бурлакова И.А., Веракса Н.Е. и др. Формирование системы независимых измерений оценки качества дошкольного образования и публичной доступности его результатов / Отв. ред. Л.Е. Курнешова. М.: МЦКО, 2009.

Веракса А. Дошкольное образование в трех культурах // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2013. Т. 38. № 6. С. 58—63.

Шиян О.А. Новые представления о качестве дошкольного образования и механизмы его поддержки: международный контекст // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2013. Т. 38. № 5. С. 68—78.

Bierman K.L., Torres M.M., Domitrovich C.E. et al. Behavioral and cognitive readiness for school: Cross-domain associations for children attending Head Start // Social Development. 2009. Vol. 18 (2). P. 305—323.

Bohlmann N.L., Fenson L. The effects of feedback on perseverative errors in preschool aged children // Journal of Cognition and Development. 2005. Vol. 6. P. 119—131.

Espinet S., Anderson J., Zelazo P. Reflection training improves executive function in preschool-age children: Behavioral and neural effects // Developmental Cognitive Neuroscience. 2013. Vol. 4. P. 3—15.

Holmes J., Gathercole S., Place M. et al. Working memory deficits can be overcome: Impact of training and medication on working memory in children with ADHD // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 24 (6). P. 827—836.

Karbach J., Kray J. How useful is executive control training? Age differences in near and far transfer of task-switching training // Developmental Science. 2009. Vol. 12. P. 978—990.

Kloo D., Perner J. Training transfer between card sorting and false belief understanding: helping children apply conflicting descriptions // Child Development. 2003. Vol. 74. P. 1823—1839.

Lewis C., Koyasu M., Oh S. et al. Culture, executive function, and social understanding // New Directions for Child and Adolescent Development. 2009. Vol. 123. P. 69—85.

Rimm-Kaufman S., Curby T., Grimm K. et al. The contribution of children's self-regulation and classroom quality to children's adaptive behaviors in the kindergarten classroom // Developmental Psychology. 2009. Vol. 45 (4). P. 958—973.

Rothlisberger M., Neuenschwander R., Cimeli P. et al. Improving executive functions in 5- and 6-year-olds: Evaluation of a small group intervention in pre-kindergarten and kindergarten children // Infant and Child Development. 2012. Vol. 21. P. 411—429.

Rueda R., Checa P., Combit L. Enhanced efficiency of the executive attention network after training in preschool children: Immediate changes and effects after two months // Developmental Cognitive Neuroscience. 2012. Vol. 25. P. 192—204.

Thorell L., Lindqvist S., Bergman Nutley S. et al. Training and transfer effects of executive functions in preschool children // Developmental Science. 2009. Vol. 12. P. 106—113.

Weiland C., Yoshikawa H. Impacts of a prekindergarten program on children's mathematics, language, literacy, executive function and emotional skills // Child Development. 2013. Vol. 6. P. 2112—2130.

Weiland C., Ulvestad K., Sachs J., Yoshikawa H. Associations between classroom quality and children's vocabulary and executive functions skills in an urban public prekindergarten program // Early Childhood Research Quarterly. 2013. Vol. 28. P. 199—209.

Willoughby M., Kupersmidt J., Voegler-Lee M. Is preschool executive function causally related to academic achievement? // Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence. 2012. Vol. 18 (1). P. 79—91.

Zelazo P.D., Muller U., Frye D., Marcovitch S. The development of executive function in early childhood // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2003. Vol. 68. Serial N. 274. P. 1—137.

Поступила в редакцию
11.05.15

THE DEVELOPMENT OF THE EXECUTIVE FUNCTIONS OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE EDUCATIONAL PROCESS

A. N. Veraksa¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, Russia

Abstract. The article presents an overview of current research aimed at exploring the development of the executive functions of preschool children. The results of numerous studies indicate that executive functions influence different components of the academic success of children. In this regard, the question of the relationship between education and degree of development of the regulatory functions is of particular relevance. The article presents examples of individual and group approaches to the formation of executive functions in preschool age. It is shown that using a variety of strategies to work with preschool children possibly significant development of executive functions in the kindergarten. Special attention is paid to computerized programs of development of arbitrariness. Significant relationships between the quality of preschool education and the development of the executive functions were not found. Cultural characteristics have a much greater influence on the formation of arbitrariness.

Key words: executive functions, preschool age, quality of preschool education.

И. В. Соленов, О. В. Гордеева

МИСТИКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ В ИСИХАЗМЕ: ВЛИЯНИЕ НА ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦЕЛЕЙ И ТЕХНИК РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ

На основе психологического анализа христианских текстов традиции исихазма выявляются виды измененных состояний сознания (ИСС), возникающие в данной религиозной практике (благодатные и состояния прелести), и характерные для них изменения психики и появление соответствующих феноменов. В работе рассматриваются возможности культурно-деятельностного подхода в выявлении влияния культурных и социальных факторов на ИСС (в том числе и возникающие в религиозной практике) и в изучении механизмов данного влияния. Мистико-религиозное состояние рассматривается как функциональный орган, обеспечивающий реализацию целей и задач религиозной деятельности аскета. Доказывается, что религиозная картина мира, а также цели религиозной практики и существующие в этой практике техники индукции мистико-религиозных состояний сознания определяют характеристики данных состояний и их феноменологию.

Ключевые слова: культурно-деятельностный подход, измененные состояния сознания (ИСС), исихазм, молитва, благодатное состояние, способы индукции ИСС, феноменология ИСС.

Мистико-религиозные состояния сознания (МРСС) уже более века привлекают внимание психологов начиная с У. Джеймса («Многообразие религиозного опыта») и Р.М. Бёкка («Космическое сознание»). *Религию* мы определяем как особую форму познания мира, которая основывается на вере в сверхъестественное, включает в себя комплекс верований и представлений (религиозную картину мира), а также предполагает определенную религиозную практику (поведение, обряды, культовые действия), следование определенным нормам и объединение людей в организации. Религия выполняет множество функций — мировоззренческую, психотерапевтическую, коммуникативную и т.п., среди которых объектом нашего исследо-

Соленов Игорь Владимирович — инженер кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* thesouldoctor@mail.ru

Гордеева Ольга Владимировна — канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* olagordeeva@mail.ru

вания стала *функция духовного роста и личностной трансформации адепта* сообразно концепции духовно-нравственного совершенствования, существующей практически в каждой религии.

В *религиозную картину (концепцию, образ) мира* (РКМ) входят представления о Боге, об устройстве Вселенной и месте человека в ней, о должном в отношении человека (концепция его духовно-нравственного совершенствования), о целях религиозной практики и способах их достижения. Функции религии реализуются в *религиозной практике* — целенаправленной деятельности, осуществляемой верующими как индивидуально, так и коллективно для достижения целей, определяемых РКМ. Религиозная практика включает в себя комплекс конкретных техник, приемов, направленных на овладение собственной психикой. Средствами достижения этой цели могут выступать *измененные состояния сознания* (ИСС).

Под ИСС понимаются психические состояния, индуцированные различными физиологическими, психологическими или фармакологическими способами или препаратами. Эти состояния могут быть идентифицированы субъективно (т.е. самим индивидом) или объективно как достаточное отклонение в субъективном переживании или психическом функционировании по параметрам изменения 1) внимания, 2) восприятия, 3) мышления, 4) речи (внешней и внутренней), 5) памяти, 6) восприятия времени, 7) самосознания, 8) самоконтроля, 9) образа тела, 10) уровня активации, 11) переживания и выражения эмоций, 12) системы мотивов и смыслов, 13) образности [35]. Перечисленные изменения считаются признаками ИСС. Это определение задает параметры, по которым можно анализировать состояния, возникающие в процессе конкретной религиозной практики.

МРСС мы будем рассматривать как ИСС, индуцированные для реализации целей религиозной практики с помощью принятых в этой практике техник. В области изучения МРСС одной из базовых стала проблема универсалий религиозного опыта: есть ли какие-либо сходные черты (характеристики) религиозных состояний у представителей различных конфессий или у разных людей одной конфессии и что определяет эту общность черт?

В психологии ИСС было признано влияние культурных и социальных факторов на данные состояния — на их характеристики, содержание, функции, способы индукции [34]. Значительный вклад в изучение проблемы культурно-исторической обусловленности МРСС внесли историки и философы религии (Р.С. Зенер, Р. Отто, Н. Сартр, У.Т. Стейс, Е.А. Торчинов, М. Элиаде) и антропологи (Э. Бургиньон, В. Жилек, П. Фурст). При этом конкретные механизмы данного влияния исследованы недостаточно, и изучить их, на

наш взгляд, позволяет применение к проблематике МРСС теории деятельности, в частности представления А.Н. Леонтьева о психике как «функциональном органе» деятельности [44]. Хотя некоторые теологи считают некорректным применение категории деятельности к анализу религиозной практики [47, 147], мы, напротив, считаем целесообразным рассматривать эту практику как особую деятельность, внутреннюю, полимотивированную, в частности, мотивами морального совершенствования, личностного развития и постижения истины. Мотивы побуждают к постановке целей, одним из условий достижения которых могут выступать изменения состояния сознания. Явные или имплицитные представления об этих состояниях, их свойствах, техниках и целях их индукции существуют во многих религиозных практиках и присваиваются человеком как составляющая его РКМ. Мы предполагаем, что поскольку МРСС возникают как некие функциональные органы в религиозной деятельности и служат реализации ее целей и задач с помощью определенных техник, **характеристики данных состояний определяются прежде всего целями и техниками религиозной практики.**

Мы будем проверять данное предположение, исследуя практику исихазма¹. Материалом для анализа послужил корпус текстов «Добротолюбие», составленный в конце XVIII в. Макарием Нотарой и Никодимом Святогорцем. В этих текстах зафиксирован опыт многовековой исихастской практики: монахами и отшельниками описаны пережитые ими состояния, препятствия на пути к ним, способы преодоления этих трудностей. Конечно, метод самонаблюдения (особенно ретроспективного, как в данном случае) имеет ряд ограничений, также в этих описаниях не всегда можно отделить сам опыт от интерпретации, данной ему респондентом, а впоследствии переводчиком (многие тексты переводились сначала на греческий, потом все тексты — с греческого на церковнославянский, а с него — на русский). В нашей работе предпринята попытка психологической интерпретации описаний исихастских МРСС, т.е. перевода с языка богословского на психологический. Мы думаем, это возможно, поскольку рассматриваемые авторы следовали аристотелевской традиции классификации психических процессов, и области значений используемых ими психологических терминов (образ, внимание и т.д.) в значительной степени пересекаются с современными.

¹ Применение в этой области термина «ИСС» часто критикуется православными психологами и богословами, считающими, что возникающие в практике духовные состояния следует отличать от психических [37, 388]; [41].

1. Исихазм: учение, цели, конкретные практики

Исихазм (от греч. *hēsychía* — молчание, одна из главных добродетелей в исихазме) — восточно-христианская аскетическая мистическая (т.е. сакральная, предполагающая непосредственное общение с Богом в экстатическом акте откровения [40] и имеющая поэтому индивидуальный характер) практика (ставшая основой православия), ядром которой является непрерывное творение в уме («умное делание») Иисусовой молитвы (которая и приводит человека к общению с Богом, когда человек созерцает божественный свет), а главной целью — *обожение*. Обожение («спасение» в восточно-христианской традиции) означает единение человека с Богом (при сохранности границ между ними), причастность человека Богу, уподобление души человека Богу и потому приобретение ею ряда Его атрибутов (безграничность, бессмертие). Обожение может быть осуществлено лишь по Божией *благодати* (особой силе, энергии Бога), которую можно обрести лишь в практике. Считалось, что обожению подвергаются и тело, и душа как психофизическое единство, т.е. ставилась задача не угнетения тела, а его воспитания и преобразования [40].

В текстах исихастов чаще всего упоминаются следующие цели практики:

1. Духовно-нравственное совершенствование (мотивация нравственного и личностного развития), прежде всего избавление от страстей и неприемлемых побуждений: «бесстрастие» [1, 13]; [22, 519], «удаление от дел греховных» [7, 635], «чистота сердца» [11, 7].

2. Общение с Богом и единение с ним (мотивы коммуникации с божественным): «вознестись к своему Владыке и беседовать с Ним без всякаго посредника» [27, 207], «неудержимое жаждание пребывать с единым Господом» [8, 366].

3. Познание Бога и Его атрибутов (познавательные мотивы): «пребывать в божественных созерцаниях» [5, 26], «сознательно и опытно царствие небесное сущим внутри вас познать и приять» [26, 239].

Достижение указанных целей осуществляется исихастом (как синонимы мы используем термины «аскет», «подвижник», «монах») через принятие определенного образа жизни (предполагавшего следование христианским добродетелям, отказ от мирского общения, чтение священных книг, отшельничество, ограничения в удовлетворении органических потребностей) и выполнение конкретных практик (техник), направленных на контроль и управление собственной психикой [1, 27, 148]; [14, 427—428]; [11, 8]; [15, 181]; [8, 453].

Одной из основных является практика «*хранения ума в сердце*». Функциями «ума» считаются познание (мышление) и самоконтроль,

«сердце» связывается с мотивами и эмоциями. Обычным вместилищем, органом «ума» признается мозг, а должным — сердце [3, 292]. Данная техника предполагает (наряду со «сведением ума в ум» — освобождением разума от греховных мыслей) пребывание «ума» в «сердце», без чего оттуда могут исходить греховные желания — «помышления злыя» [30, 464—465], т.е. постоянное осознание мотивов и контроль над их реализацией.

В мотивационной иерархии адепта ведущее место должны занимать мотивы религиозного содержания, поэтому все мотивы, препятствующие реализации религиозных мотивов, становятся предметом специальной вводной практики, называемой «борьба со страстями», или «**духовная брань**». Помогает в борьбе со страстями и «**памятование о смерти**» [15, 192]; [12, 523], означающее необходимость постоянно (даже во время сна) удерживать в сознании мысли о смерти, Страшном суде, воздаянии за грехи. Эти техники сами не вызывают желательные ИСС, но, оказывая сильное эмоциональное воздействие, создают условия, облегчающие их индукцию.

На появление желательных ИСС в ходе практики есть многочисленные указания в текстах исихастов, обозначающих данные состояния как «*молитвенное состояние*» [19, 257—258], «*молитвенное возвышеннейшее некое состояние*» [11, 134], «*блаженное состояние души*» [15, 182], «*восхищение ума*» [27, 229], «*состояние молитвенного созерцания*» [10, 435], «*опьянение умиления*» [24, 122], «*изступление в духе*» [4, 190]. Иногда молитвенное состояние сравнивалось с алкогольным опьянением [19, 256]; [10, 436], но они противопоставлялись с точки зрения нравственной ценности как «*доброе изступление*» [20, 265] и «*злое изступление*» соответственно. При этом МРСС, возникающие в ходе практики, исихасты делили на желательные — *благодатные* состояния (т.е. связанные с благодатью и добродетелями, ведущие к спасению; об их характеристиках см. п. 3) и крайне нежелательные, опасные для души верующего — состояния *прелести* (см. п. 4).

2. Техники индукции ИСС и факторы, ей способствующие

2.1. Непрерывная молитва

Ключевой практикой в исихазме выступает **непрерывная** короткая (т.н. односложная) «Иисусова **молитва**» («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного»), которая должна всегда присутствовать в сознании [46, 27]. Ее повторение не должно прерываться, какую бы деятельность ни выполнял исихаст, продолжаясь даже во сне [16, 359]. Содержанием молитвы является *покаяние*, когда подвижник скорбит о допущенных им проявлениях страстей, стремясь к достижению бесстрастия (полного прекраще-

ния их действия). Через покаяние достигается соединение с Богом, преобразование человека [48, 43—44].

Постоянное произвольное произнесение молитвы со временем автоматизируется («навыкновение без нуждения себя молиться истинно» [16, 376]), становясь постпроизвольным, т.е. происходит переход от проговаривания слов (во внутренней и внешней речи) к постоянной актуализации слов молитвы в сознании [13, 671]. При этом содержание молитвы не теряется, оно свертывается в некую точку и доступно осознанию [47, 39]. В практике непрерывной молитвы автоматизируется не речевое сообщение, а мысленное действие по установлению связи с Богом, обращение к Нему, превращаясь в интенцию, в целевую установку (поэтому молитва сохраняет свою диалогическую функцию и не утрачивает семантической, как бывает при многократном повторении фразы).

Эта молитва «собирает ум» (т.е. фокусирует внимание) [36, 62—63], также ее постоянное проговаривание помогает поддерживать состояние бодрствования: «Господь упразднит дремание молитвою» [2, 590]. Кроме того, такая молитва сама по себе является средством подавления «страстных помыслов» (в первую очередь как замещающий их объект). Непрерывная молитва является в исихастской практике основной техникой индукции и удержания благодатного *молитвенного состояния* (МС), во время которого продолжается богопознание, но это не рациональное познание, не категориальное мышление, а переживание, работа в сфере мотивов и смыслов. Таким образом, непрерывная молитва обеспечивает появление новых смыслов, подавление нежелательной мотивации, концентрацию внимания, индукцию и поддержание определенного состояния сознания.

Метод непрерывной молитвы обычно включает вспомогательный прием **регуляции дыхания** [15, 178]. Произвольное сопряжение проговаривания молитвы с дыханием со временем автоматизируется, и сформированная устойчивая их связь помогает удерживать молитву в сознании, ритмически ее организуя (т.е. при отвлечении внимания дыхание само по себе начинает напоминать о молитве), что облегчает вхождение в ИСС. Пример рекомендации: произносить первую часть Иисусовой молитвы («Господи Иисусе Христе») на вдохе, а вторую («помилуй мя») — на выдохе [42, 63].

2.2. Прерывание связи с чувственным миром

Органы чувств в исихазме традиционно воспринимаются как открытые для страстей «двери души» [1, 78]; [14, 458]. Поэтому чувственный опыт, в частности «мятущееся движение образов» восприятия, воображения и памяти [1, 141]; [7, 619]; [27, 214] под- лежит отсечению, элиминации.

2.2.1. *Безобразность ума*

Одним из способов редукции чувственного опыта стало достижение безобразности ума: требуется сохранять ум «безцветным, безобразным, безвидным, безформенным, безкачественным, безколичественным, внимающим одним словам молитвы» [16, 388], таким образом, мышление лишается чувственной основы. Внимание адепта в этой практике крайне избирательно (в его поле практически не входят данные чувственного опыта, непосредственные ощущения) и направлено на оценку и строгий отбор возникающих содержаний — образов, мыслей, побуждений.

2.2.2. *Аскеза*

Сутью практики аскезы является установка на редукцию связи с чувственно данным миром: предполагаются изоляция от каких-либо источников внешней и внутренней стимуляции, ведущей к появлению ощущений, и ограничение в удовлетворении органических потребностей. В основе аскетической практики лежат два из указанных А. Людвигом [39] пяти механизмов действия конкретных техник индукции ИСС — редукция экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности (т.е. сенсорная депривация) и изменения в химии или нейрофизиологии тела. Для **сенсорной депривации** рекомендуется приостанавливать «всякия восприятия чувственные и всякое вообще движение тела, в нашей власти состоящее» [3, 295]. Так, адепт должен совершать молитвы в тихом темном помещении [19, 196]; [16, 338] и, приняв определенную позу (сидя на коленях, корпус тела наклонен вперед, голова прижата к груди, взгляд зафиксирован на какой-либо точке груди или живота [48, 81—82], сохранять неподвижность [3, 295], что позволяет ограничить поток зрительных, слуховых, кинестетических и тактильных ощущений. Многие адепты избирали отшельничество, т.е. практически полную **социальную депривацию**.

Изменения в биохимии или нейрофизиологии тела обуславливаются соблюдением следующих правил поведения и требований к образу жизни: 1) депривация сна: у монахов имели место частые бдения или сознательное воздержание от сна, сон в неудобных условиях, например на голой земле [15, 181, 274]; 2) использование такого периода циркадного ритма, как ночь (и соответствующего естественного нейрофизиологического состояния) не для сна, а для вхождения в ИСС: «ночью... ум обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога» [33, 415]; 3) голодание, приводящее к гипогликемии, которая провоцирует наступление ИСС: монахи соблюдали посты или «воздержание от пищи» [27, 274]; 4) утомление — «воздержание от телеснаго покоя» [27, 274].

Действия монахов в соответствии с данными правилами не выступали в исихазме как самостоятельные техники индукции ИСС, но являлись факторами, облегчающими вхождение в ИСС. Большое внимание при вхождении в МС уделялось созданию соответствующего эмоционального фона — например умиления, которое проявляется в слезах, выраженном чувстве печали и, реже, радости (факторами индукции таких эмоций могут служить пение монахов, духовные собеседования, сообщения о гибели подвижников) [11, 137].

3. **Феноменология молитвенного состояния**

Анализ (по схеме, заданной в определении ИСС) приводимых в текстах описаний МС позволил выделить следующие его характеристики.

3.1. *Изменения внимания*

Высокая концентрация внимания и сужение его объема на значимом объекте (Боге) с исключением из фокуса внимания мыслей и желаний, не связанных с божественным, намеренно достигаются адептом: «внимание наше должно быть всегда устремлено на то одно, — чтоб живо возвращать к памятованию о Боге помыслы от их блуждания и круговращения» [11, 100]; «ум во время молитвы ... ничему уже внимать не может, кроме Бога» [17, 425]. По ходу практики такое внимание приобретает постпроизвольный характер. Субъективно переживая данное снижение усилий по концентрации внимания, адепт приписывает происходящее помощи Бога: «Благодать... собирает ум его и делает его внимательным и смиренным» [9, 476]. Работе со вниманием в исихазме придается огромное значение, поскольку без этого невозможно достичь благодати: «Кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога» [30, 469].

3.2. *Изменения в сенсорно-перцептивной сфере*

Самый распространенный феномен — это видение *фотизмов*, ярких беспредметных световых образов: «свет, осиявающий... ум» [7, 634, 638], «световидные помыслы», «множество солнцевидных помышлений» [15, 179, 201], «весь покроеся божественным облаком и светом» [28, 48], «света созерцание духовное» [4, 207], «снегосиятельно светлое осияние» [16, 420] и т.д.

Для самого адепта вхождение в МС означает начало непосредственного общения с Богом, когда человек видит божественный свет (согласно Григорию Паламе, в Святом Писании «Светом» назван сам Бог), поэтому данные галлюцинации полностью соответствуют целям практики и РКМ адепта в целом.

3.3. *Изменения мышления*

— *Безобразность мышления* (см. п. 2.3): «быв в Боге бывает совершенно безобразен и безвиден» [20, 212], «ум видится безвидным и ни себя, ни другого чего не представляющим даже на мгновение» [4, 206].

— *Ощущение остановки мышления* (см. п. 3.5): «неподвижное пребывание ума в Боге» [24, 134], остановка абсолютно всех «движений ума», «абсолютный покой», «молчание ума» [38, 232], «помыслы не преследуют подвижника» [14, 370].

— *Декалогоризация мышления*: «ум прекращает мыслить в раздельных понятиях» [45, 47]; [47, 39].

— *Изменение объекта познания*: вместо чувственного (тварного) мира человек познает Бога: «когда дух человека невидимо будет видеть только Бога; тогда забывает он мир» [45, 47].

— *Переход от аналитического* (по характеру протекания) *типа мышления к интуитивному* (с характерной для данного типа быстрой и неосознаваемостью протекания и отсутствием членения на этапы): «Ум в особом акте синтеза мыслит все сразу» [45, 47].

3.4. *Изменения речи*

— *Трудности вербализации опыта*: «в неизреченной мудрости», «невозможно изглаголовать языком и устами» [19, 256], «созерцания, которые ... превышают словесное описание» [13, 695], «невозможно не вкусившим объяснить» [16, 392].

— *Остановка внутренней речи* (а именно проговаривания молитвы): «к... неизреченной молитве, которая ... не звуком голоса, не движением языка, и произнесением каких либо слов, обозначается» [11, 137], «часто молитва идет без слов» [45, 47].

3.5. *Изменения восприятия времени*

— *Ощущение остановки психических процессов, т.е. течения внутреннего времени*: «состояние сжатия чувств и мыслей» [13, 673];

— *Ощущение остановки, «свертывания» внешнего времени* («в этот кратчайший момент времени» [11, 136—137]), что предполагает появление феномена остановки мышления и утрату категориального мышления [43, 32].

3.6. *Изменения самосознания*

— *Чувство единения с божественным* включает появление у человека ощущений соединения с Богом, приобщения, причастности, обнаружения Его в своей душе (без полного отождествления), перенесение на себя части божественных атрибутов: «сопребывание и общение с Божеством» [1, 71], «единение и срастворение с

Духом» [19, 257], «душа и Господь делаются единый дух» [19, 267], «прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух» [24, 134], «казалось, что и сам он стал светом» [29, 455]. Это предполагает размывание прежних границ *Я, появление новой идентичности — человека, причастного Богу, соединенного с ним*. При этом *исчезает прежняя идентичность*: достигнув благодати, монах «самого себя ... совсем не чувствует» [21, 165], «становится совсем не знающим себя самого» [28, 48].

— *Покаяние и восприятие себя в соединении с Богом* (как следствие сопоставление себя с Ним) приводит человека к устойчивым (т.е. сохраняющимся и по выходе из данного состояния) *изменениям в отношении к себе, а именно снижению собственной значимости* (возможно, без снижения самооценки): «Почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия» [24, 122].

— Наблюдается феномен «*выхода из ситуации*», т.е. утрата осознания внешнего мира и себя в ситуации, прекращение ориентировки в ней: «не знал даже, попирает ли он землю ногами своими» [29, 455], «сопребывание с Ангелами и всеми Святыми всеблаженное» [31, 356], «не ощущает он движения возбуждаемого предметами» [13, 734], «ничего из сущаго совсем не чувствует» [21, 165].

3.7. *Изменения самоконтроля*

Хотя исихастская практика предполагала рефлексивную, контроль и регуляцию человеком своего внимания, образной сферы, содержаний мышления, мотивов, эмоций, некоторых физиологических процессов, речи внешней и внутренней, ощущений и восприятия, данная регуляция со временем становилась постпроизвольной, поэтому у адепта в МС возникало характерное для ИСС *ощущение утраты контроля* за своей психической деятельностью и поведением (при его достаточной сохранности): «хотя и делает что, но совершенно того не чувствует» [13, 734].

3.8. *Изменения образа тела*

— *Снижение чувствительности к ощущениям, сигнализирующим о необходимости удовлетворения физиологических потребностей*: «тело лишается своих пожеланий» [13, 748];

— *снижение болевой чувствительности*: «тело не чувствует скорбей, хотя и немощно» [13, 751];

— *актуализация резервных возможностей организма*: «бывает в силах подъять сугубую тяготу, не являя оскудения в силах» [13, 751];

— *ощущение легкости, невесомости*: «находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность» [19, 256].

Указанные изменения являются психологическим выражением идеи обожения тела — оно утрачивает присущие человеку потребности, свойства, ограниченные возможности и приобретает новые.

3.9. Изменения в эмоциональной сфере

В описаниях встречаются характерные для всех ИСС два типа изменений — интенсификация эмоциональных реакций (состояние молитвенного экстаза) или их «уплощение», т.е. соответственно повышение или понижение эмоциональной чувствительности, лабильности, силы эмоций. К первому типу относятся следующие феномены:

— *Сильная любовь (к Богу или к человечеству)*: «духовною любовью к Богу воспламеняется» [19, 215], «плачут, воспламеняемые духовною любовью к человечеству» [19, 256], «горение любовью Божественною во время молитвы» [8, 366].

— *Интенсивная радость (веселье, восторг)*, приобретающая устойчивый характер: «радуются радостию и веселием неизглаголанным» [19, 256], «радование неописанное, веселие ненасытимое» [31, 356], «пребывание радости Господней» [1, 46].

— *Чувство интеллектуального удовольствия*, радостного изумления, возникающее от приобщения к созерцанию и познанию Бога: «упоение Божественными духовными тайнами», «помыслы пленены Божественным, небесным, безпредельным, непостижимым, и чем-то чудным» [19, 256—257].

Эти эмоции имеют положительную валентность (вплоть до переживания экстаза). В ходе молитвы происходит работа с эмоциями: в МС происходит избавление от чувств печали, скорби и/или их превращение в противоположные по знаку: «Кто так скорбит и молится, тот после молитвы в состоянии будет водворить в душе своей великую отрадность» [8, 477]; «страх и стыд отступают» [13, 734]. Поэтому некоторые аскеты намеренно вызывали у себя перед молитвой отрицательные эмоции (например, переживание греховности), которые в МС становились материалом для трансформации. Некоторые эмоции трансформируются не по знаку, а по содержанию, приобретая самостоятельную ценность: таково, например, превращение страха перед муками в страх потерять связь с Богом [6, 609].

Примечательно, что при общей установке на элиминацию чувственного опыта в описаниях МС часто встречаются экстатические переживания контакта с божественным (где ярко выражена эмоциональная составляющая), представленные в терминах ощущений. Поскольку в исихазме редукции подлежат в первую очередь зрительные и слуховые ощущения, в описаниях фигури-

руют ощущения тех систем, на функционирование которых накладывается меньше ограничений, соответственно дано меньше рекомендаций по работе с ними (это — филогенетически более древние системы). Мы имеем в виду обонятельные, вкусовые и температурные ощущения:

— *чувство сладостности*: «ощущение великой благодатной сладости» [19, 260], «обогащается он сладостным Божественным ведением» [15, 176], «<сердце> исполняется сладости в чувстве услаждения Божественным неким радованием» [15, 183], «он, вкусив сладости пребывания с Богом, боится отпасть» [6, 609], «небесная сладость» [13, 730], «сладостное вкушение Бога» [5, 7], «вкусить... истекающую сладчайшую струю созерцания» [24, 134];

— *чувство благоухания*: «веет благоуханием приятнейшим, сладчайшим и неизъяснимым для языка человеческого» [1, 50], «благоухания созерцания» [27, 230], «чувствовать благоухания премирных благ» [5, 18], «без труда издаются сердцем его благоухания и въздыхания молитвенныя» [16, 359].

— *«сердечная теплота»*: «теплота соделается постоянною» [2, 584], «в сердце отрешагося от мира западает Божия теплота» [13, 747], «Духом... Святым подаемая сердцу боголюбивая теплота» [5, 49], «чувство некое неизреченное и горячее» [23, 366], «от напряженного делания рождается безмерная горячность, распалается в сердце горячими помышлениями» [16, 376]. Крайнее выражение данного феномена — переживание монахом «невещественного огня, который попалит все находящиеся в нем страсти и совершенно очистит ум его» [1, 30]. При этом подчеркивается несоматический характер этого переживания: «благодатная теплота... в теле не производит заметных изменений, и свидетельствуется тонким сладким чувством» [46, 29], «сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот» [18, 433]. Наряду с «благодатной» выделяется и «естественная» теплота, акцентировать внимание на которой строго не рекомендуется (чтобы не войти в состояние прелести) [46, 231].

Хотя предписание «хранить чувства» в исихазме распространяется на все пять чувств, феномены сладостности, благоухания, сердечной теплоты зачастую считаются не греховными, а имеющими божественное происхождение. В данном случае на языке чувственных впечатлений (тех модальностей, на которые накладывается меньший запрет) описываются эмоциональные переживания, имеющие повышенную значимость. Метафоры переводят на язык ощущений (мирской) нечто духовное, непознаваемое, божественное.

В качестве некоторых причин выбора именно такого «языка» можно предположить его согласованность с идеей достигаемого

в МС обожения тела, наличие выраженной эмоциональной составляющей (а любая эмоция имеет телесную представленность) в переживаемом феномене, акцентирование происходящего в МС непосредственного (следовательно, отражаемого в чувствах) восприятия Бога — «божественного привлечения» [32, 353], а также попытку выразить понятие божественной энергии, перевести на мирской язык нечто духовное, непознаваемое, божественное.

Ко второму типу относится переживание *глубокого спокойствия, невозмутимости и внутреннего покоя* [11, 94]: «душа упокоивается в некоем великом безмолвии, тишине и мире» [19, 256].

3.10. *Изменения системы мотивов и смыслов*

В МС наибольшей силы достигают *мотивы познания Бога и единения с ним* (соответственно подавляются все остальные мотивы), которые развиваются и усиливаются по мере их удовлетворения: «наслаждение Богом ненасыσιμο, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим» [19, 232]. В исихастских текстах эта мотивация обозначается как «желание Бога» [21, 186], «печаль при разлучении с горним» [28, 33], «пламенное устремление ума к Богу» [11, 141] и т.д. Соответственно этому формируется (актуализируется) *постоянная готовность и желание заниматься религиозной практикой* [1, 46, 133]. Отмечается *полная вовлеченность* в осуществляемую деятельность: «на это время происходит в помыслах забвение о земном мудрствовании» [19, 257]; человек в это время «ничего уже из земного вообразить не может, но во всем видит единого Бога» [28, 58—59].

Снижается значимость (вероятно, из-за этого и сила) *органических потребностей* (см. п. 3.8): «не желаешь даже и пищи, от сладости новых, пламенеющих помыслов» [13, 717], «ни во что вменяет все внешнее яства, пития, одеяния тела» [24, 122].

Данными перестройками в мотивационной иерархии (и, в частности, снижением потребности в самосохранении) обуславливается *изменение в отношении к смерти*: в этом состоянии аскет «страшную смерть почитает радостью» [13, 733].

Богопознание и единение с Богом приводит не к новым рациональным знаниям, а к *появлению новых смыслов, связанных с божественным*: возникают *переживание присутствия Бога в своей душе, соединения* (см. п. 3.6) *и общения с ним, причастности Богу, познания Бога (истины)*; *переживание сакрального*. Так, Симеон Новый Богослов описывал, что видение им света сопровождалось сильным страхом, ощущением внутреннего жара и постоянным течением слез [28, 25, 31].

В МС предметное содержание (представления о божественном) получает *смысловое обогащение* (происходит переход только знако-

го в актуально действующее, по А.Н. Леонтьеву, и соответственно реально переживаемое): так, знание о месте человека в мире (о его малости и ничтожности по сравнению с Богом) воплощается в определенном переживании (см. п. 3.6). Поэтому феномены отражают синтез когнитивной и смысловой составляющей: «созерцание естеств чувственных и сверхчувственных и самой Святой Троицы» [13, 698], «видеть умными очами Бога и бездну славы Его» [28, 47], «созерцает красоты уготованных святым благ» [24, 133].

4. Состояния прелести

В исихазме определенные ИСС считаются крайне нежелательными (в них душа человека удаляется от Бога) и называются состояниями прелести. К таким состояниям относят: 1) видение галлюцинаций негативного/позитивного содержания; 2) сновидения, 3) внетелесный опыт.

Галлюцинации (и беспредметные, и осмысленные) могут иметь разную эмоциональную окраску: «приятные представления» [27, 216, 265], «странные и страшные образы» [25, 108], «окрашивание света» [17, 427], «свет ... огневидный, дымоватый, подобный чувственному огню» [16, 382].

Процесс сна с присущей ему неподконтрольностью содержаний сновидений (и даже период засыпания) представляется исихастам открытым для проникновения демонических образов [7, 619—620] и влияния «прелестей лукавого» [5, 23]. Сны, которые сбываются, также относили к нежелательным феноменам [1, 48]. Однако сновидения опытного подвижника могут, наоборот, иметь благодатный характер: он «сновидит истинное и поучается откровениями» [28, 56—57], в его сне могут присутствовать феномены благодатных ИСС (чувство сладостности, переживание божественного и др.) [5, 24].

Внетелесный опыт Григорий Палама однозначно связывал с «наущением бесов», поскольку считал, что сосредоточение ума на самом себе и избавление его от чувственных содержаний невозможно без опыта телесного [3, 293—294].

Наряду с галлюцинациями был выделен и целый ряд феноменов, характерных для состояний прелести: переживания мистических откровений, чувство легкости и невесомости и другие нарушения схемы тела, деперсонализация, сенестопатии и т.п. [37, 394—397].

Мы видим, что граница между благодатными и так называемыми прелестными состояниями выглядит достаточно расплывчатой, и непросто определить, чем нежелательные «огневые образования» отличаются от благодатного «света созерцания духовного», сон, посланный лукавым, — от благодатного сновидения и т.п. Вопрос, к чему отнести возникший у адепта феномен — к прелести или к

благодати, — в исихазме решается обращением к более опытным подвижникам, старцам, духовным наставникам [16, 382].

Очевидно, что состояния прелести и благодати имеют одни и те же психологические механизмы, лежащие в основе исихастских техник индукции ИСС. Возникает вопрос о причинах появления состояний прелести. Хотя возникновение этих состояний не входит в цели религиозной практики, оно обусловлено исихастской РКМ, предполагавшей и макро-, и микрокосм (т.е. душу человека) ареной борьбы сил Света и Тьмы, поэтому нелогичным было бы допущение существования состояний души, свободных от данной борьбы, в которых душа человека не подвергалась бы искушениям.

5. Овладение индукцией мистико-религиозных состояний в исихазме

Хотя в исихазме значительный вклад в появлении МС приписывается не самому адепту, а внешней силе — Богу, подчеркивается и роль самого субъекта — его усилий («собственное произволение и искреннейшее желание» [12, 507] и его опытности. Признается, что способность входить в благодатные состояния развивается постепенно по ходу практики [19, 227]; [28, 47] и обычно в общении с более опытным подвижником. Были выявлены такие показатели опытности подвижника (и, в частности, опыта вхождения в ИСС), как сформированность навыка молитвы, непроизвольность возникающих психических феноменов (внезапные остановки мышления или внешней речи во время проведения службы), непроизвольное течение слез, «погружение внутрь себя» [13, 674—675], частое появление характерных для МС феноменов (см. п. 3) и/или рост их интенсивности (растущее чувство сердечной теплоты, все большее пренебрежение обыденными потребностями, постоянное появление в душе «пламенеющих помыслов» [13, 717]), рост интенсивности световых феноменов [15, 194; 12, 508]. Способность входить в МС зависит также от степени духовного совершенства аскета, и наличие данной способности является признаком «сердечной чистоты», свободы от чувственных помыслов и желаний [28, 54], высокого самоконтроля [1, 140], а также ослабления органических потребностей и мотивов [2, 568]. Таким образом, в исихастской практике способность к вхождению в МС является желательной и направленно формируемой.

Выводы

Такая техника исихастской практики, как достижение безобразности ума, непосредственно вызывает редукцию образного мышления и изменение направленности познания (вместо чувственного мира человек познает Бога), а непрерывная молитва при-

водит к повышению концентрации внимания, сужению его объема на значимом объекте и к полной вовлеченности в осуществляемую деятельность. Предполагаемые этими техниками автоматизация и переход психических процессов от произвольных к постпроизвольным приводят к ощущению утраты контроля (при этом данный контроль возлагается на Бога), что соответствует представлениям, фиксированным в РКМ.

Реализация целей религиозной практики (духовно-нравственного совершенствования, единения с Богом и богопознания) в контексте основной цели — достижения обожения — определяет направление изменений психической деятельности в религиозном ИСС, задавая характеристики данного состояния и его феноменологию. Так, указанные цели практики исихазма обуславливают изменения идентичности (исчезновение прежней и появление новой), отношения к себе, иерархии мотивов (где место ведущих начинают занимать мотивы религиозной практики, а значимость и сила органических потребностей снижается), отношения к смерти, постоянную готовность и желание заниматься религиозной практикой, а также появление новых смыслов, связанных с божественным (переживания сакрального, присутствия Бога в своей душе, связи с Ним, познания Бога, истины).

При реализации цели богопознания возникают такие характерные для ИСС феномены, как видение фотизмов, декатегоризация мышления, трудности вербализации опыта, ощущение остановки времени, «выход из ситуации», ощущение остановки мышления, переход от аналитического мышления к интуитивному. Данные феномены по содержанию полностью соответствуют фиксированным в РКМ представлениям о познаваемом объекте — Боге, его иной, сверхчувственной природе (и поэтому его недоступности познанию рациональному и категориальному), его вневременном и внепространственном характере, неизреченности (т.е. недостаточности для описания Бога земного, мирского, человеческого языка), его энергии (Божественном свете). Изменения образа тела (снижение чувствительности к ощущениям, сигнализирующим о физиологических потребностях, снижение болевой чувствительности, актуализация резервных возможностей организма, ощущение легкости, невесомости) и появление значимых эмоциональных феноменов (чувства сладостности, благоухания, сердечной теплоты), описанных на языке чувственных впечатлений, но с акцентированием их несоматического характера, реализуют цель обожения тела, а ощущение утраты телом веса при этом соответствует существующему в РКМ образу вознесения души на небеса.

Наблюдаемая в МС интенсификация позитивных эмоций (любви к Богу или к человечеству, радость, интеллектуальное

удовольствие) является адекватной (согласно РКМ в исихазме) эмоциональной реакцией на достижение цели приобщения к Богу. Ослабление эмоций и состояние покоя — следствие чувства уже осуществившегося единения с Богом и обретения некоторых божественных атрибутов.

Таким образом, мы видим, что характеристики и феномены измененных состояний сознания, возникающих в исихастской практике, не случайны. Как показал анализ исихастских текстов, данные характеристики и феномены определяются целями и техниками этой религиозной практики, а также содержанием религиозной картины мира в целом. Примечательно, что РКМ в исихазме предполагает появление не только благодатных, но и нежелательных ИСС — состояний прелести.

Изучение зависимости характеристик мистико-религиозных состояний от целей и способов религиозной деятельности, в которой они возникают, является разработкой психологической теории деятельности, которая предоставляет широкие возможности изучения причин, природы и механизмов сознания и его измененных состояний (в том числе и возникающих в религиозной практике).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авторы 5-томного издания «Добротолюбие» (Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992):

1. *Антоний Великий*. Наставления. Т. 1. С. 17—152.
2. *Варсанофий Великий и Иоанн Пророк*. Подвижнические наставления. Т. 2. С. 559—598.
3. *Григорий Палама*. О священно-безмолвствующих. Т. 5. С. 289—299.
4. *Григорий Синаит*. Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, еще же о помыслах, страстях и добродетелях, и еще о безмолвии и молитве. Т. 5. С. 180—215.
5. *Диадокх Фотикийский*. Подвижническое слово. Т. 3. С. 8—74.
6. *Дорофей, авва*. Подвижнические наставления. Т. 2. С. 601—642.
7. *Евагрий, авва*. Наставления о подвижничестве. Т. 1. С. 563—638.
8. *Ефрем Сирий*. Подвижнические наставления. Т. 2. С. 311—488.
9. Из жития Максима Капсокаливита. Т. 5. С. 473—476.
10. *Илия Екдик*. Цветособрание. Т. 3. С. 423—440.
11. *Иоанн Кассиан*. Обзорение духовной брани. Т. 2. С. 7—154.
12. *Иоанн Лествичник*. Подвижнические уроки. Т. 2. С. 491—554.
13. *Исаак Сирий*. Подвижнические наставления. Т. 2. С. 645—760.
14. *Исайя, авва*. Слова. Т. 1. С. 277—466.
15. *Исихий Синайский*. К Феодулу душеполезное слово о трезвении и молитве. Т. 2. С. 155—202.
16. *Каллист и Игнатий Ксанфопулы*. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Т. 5. С. 305—424.
17. *Каллист Ксанфопул*. Главы о молитве. Т. 5. С. 425—428.

18. *Каллист Тиликуд*. О безмолвнической жизни. Т. 5. С. 429—435.
19. *Макарий Великий*. Наставления св. Макария Великого, выбранные из его бесед. Т. 1. С. 153—276.
20. *Максим Исповедник*. Умозрительные и деятельные главы, выбранные из семисот глав Греческого Добротолюбия. Т. 3. С. 229—288.
21. *Максим Исповедник*. Четыреста глав о любви. Т. 3. С. 163—228.
22. *Марк Подвижник*. Наставления св. Марка подвижника о духовной жизни. Т. 1. С. 467—652.
23. Многополезное сказание об авве Филимоне. Т. 3. С. 360—375.
24. *Никита Стифат*. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума. Т. 5. С. 111—143.
25. *Никита Стифат*. Деятельных глав сотница первая. Т. 5. С. 82—110.
26. *Никифор Уединенник*. Слово о трезвении и хранении сердца многополезное. Т. 5. С. 239—240.
27. *Нил Синайский*. Аскетические наставления. Т. 2. С. 205—306.
28. *Симеон Новый Богослов*. Деятельные и богословские главы. Т. 3. С. 7—60.
29. *Симеон Новый Богослов*. Слово о вере. Т. 5. С. 452—461.
30. *Симеон Новый Богослов*. Слово о трех образах молитвы. Т. 5. С. 462—472.
31. *Феодор Студит*. Подвижнические монахам наставления. Т. 4. С. 1—672.
32. *Феодор Эдесский*. Сто душеполезнейших глав. Т. 3. С. 318—345.
33. *Филофей Синайский*. 40 глав о трезвении. Т. 3. С. 401—421.

Другие источники

34. *Гордеева О.В.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания // Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия / Под ред. О.В. Гордеевой. СПб.: Питер, 2009. С. 62—78.
35. *Гордеева О.В., Четверткова Е.В.* Теория деятельности А.Н. Леонтьева как основа изучения измененных состояний сознания // Культурно-историческая психология. 2007. № 2. С. 75—82.
36. *Григорий Палама*. Триады в защиту священно-безмолвствующих. СПб.: Наука, 2007.
37. *Зенько Ю.М.* Психология религии. СПб.: Речь, 2009.
38. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991. С. 95—259.
39. *Людвиг А.* Измененные состояния сознания // Измененные состояния сознания: природа, механизмы, функции, характеристики. Хрестоматия / Под ред. О.В. Гордеевой. М.: Когито-Центр, 2012. С. 36—50.
40. *Можейко М.А.* Мистика // Новейший Философский Словарь / Под ред. А.А. Грицанова. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 630—634.
41. *Моргун А.Н.* Решение психофизической проблемы в святоотеческом учении о душе // Мат-лы Междунар. конф. по истории психологии «IV московские встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. С. 409—412.

42. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М.: ДАРЪ, 2006.
43. *Сержантов П.Б.* Исихастская антропология о временном и вечном. М.: Православный паломник-М, 2010.
44. *Соколова Е.Е.* К проблеме «метапонимания» психической реальности с позиций культурно-деятельностной психологии // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 85—96.
45. *Софроний (Сахаров), иеросх.* Преп. старец Силуан Афонский. М.: Локид-Пресс, 2007.
46. Умно́е делание. О молитве Иисусовой: Сб. поучений святых отцов и опытных ее делателей; сост. игумен Харитон. Минск: Лучи Софии, 2009.
47. *Хоружий С.С.* Дискурсы внешнего и внутреннего в поисках себя // Моск. психотерапевт. журн. 2003. № 3 (38). С. 5—25.
48. *Хоружий С.С.* Исследования по исихастской традиции: В 2 т. Т. 1. К феноменологии аскезы. СПб.: Изд-во Русск. христ. гум. академии, 2012.

Поступила в редакцию
08.02.15

MYSTICAL RELIGIOUS STATES OF CONSCIOUSNESS IN HESYCHASM: EFFECT OF GOALS AND TECHNIQUES OF THE RELIGIOUS PRACTICE ON THE STATES CHARACTERISTICS

I. V. Solenov¹, O. V. Gordeeva¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract. Based on the psychological analysis of Christian Hesychasm texts the paper educes specific for these religious practice types of altered states of consciousness (states of grace and states of prelest), psychic changes and emergence of appropriate phenomena. The paper explores the possibilities of cultural-activity approach using in revealing the influence of cultural and social factors that determines altered states of consciousness (including specific for religious practice states) and the possibilities of studying this effect mechanisms. Mystical religious state is considered as functional organ of ascetic's religious activity which provides its goals and tasks implementation. The paper proves that religious world view as well as goals of religious practice and appropriate techniques of mystical religious states induction determines the characteristics and phenomenology of these states.

Key words: cultural-activity approach, altered states of consciousness (ASC), hesychasm, prayer, state of Grace, ASC induction techniques, phenomenology of ASC.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Матюшкина

УРОВНИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНОГО ЗАДАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЛУБИНЫ МЫШЛЕНИЯ

В статье представлено эмпирическое исследование глубины мышления как характеристики, отражающей процесс понимания творческой проблемы; объект — решение проблемных заданий художественного содержания, актуализирующих продуктивное мышление; цель — выявление уровней решения проблемного задания в соотношении с его успешностью. Теоретическую основу составили идеи гештальтпсихологии и теории проблемных ситуаций о понимании продуктивного мышления и оценке его успешности. В исследовании показано, что глубина мышления отражается как уровни понимания смысла художественных произведений — от непонимания до четкого и ясного понимания смысла в соответствии с авторским замыслом, которые выступают основанием для оценки успешности решения проблемных заданий. Со стороны объекта глубина решения определяется жанром произведения: наибольшей глубины анализа требует драматический жанр. Обнаружена положительная корреляция успешности выполнения двух типов заданий художественного содержания (понимание смысла фильма и рассказа по фрагментам) в отношении драматического и комедийного содержания, отрицательная корреляция характеризует успешность решения заданий эмоционально противоположных жанров — комического и драматического.

Ключевые слова: глубина мышления, проблемная ситуация, продуктивное мышление, понимание смысла, уровни решения.

Успешность решения проблемных заданий и процессы понимания

Вопрос оценки успешности решения проблемных заданий неоднозначен в психологии, так как затрагивает фундаментальные проблемы продуктивности мышления. Если в отношении репродуктивных форм успешность решения может быть оценена по окон-

Матюшкина Анна Алексеевна — канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* aam_msu@mail.ru

чательному результату (решил или не решил, ответ соответствует эталонному или нет), то в отношении продуктивного творческого мышления такая однозначная оценка затруднительна. Результат решения является окончанием мыслительного процесса, поэтому большинство авторов, изучающих продуктивное, творческое мышление, предлагают оценивать успешность не только по результату в соответствии с эталонным ответом, но и по степени его новизны для субъекта или объективной новизны и значимости, по характеристикам процесса решения (Брушлинский, 1979; Вертгеймер, 1987; Дернер, 1997; Дункер, 1981; Клакстон, 2015; Матюшкин, 2003; Матюшкина, 2008; Пономарев, 1960; Рубинштейн, 2000; Психологические исследования..., 1975; Чиксентмихайи, 2011).

В гештальтпсихологии (Вертгеймер, 1987; Дункер, 1981), впервые сделавшей такое мышление самостоятельным предметом изучения, успешным считается решение, субъективно новое, достигнутое через инсайт в соответствии со структурой проблемной ситуации. Мышление рассматривается как процесс, «который посредством инсайта (понимания) проблемной ситуации приводит к адекватным ответным действиям» (Дункер, 1981, с. 44). Продуктивное мышление связывается с особыми «инсайтными» процессами понимания.

Именно в данном направлении впервые была предпринята попытка оценивать успешность решения по степени его приближенности к пониманию сути проблемы. Методический прием состоял в построении «родословного дерева решений задачи» (там же, с. 262), репрезентирующего функциональные решения. Содержательно «дерево» отражает процесс решения как развитие проблемы, приближающий испытуемого к пониманию основного принципа, того, «в чем заключается суть дела» (там же). Таким образом, связанная с процессом мышления оценка успешности творческого результата отражает путь решения — меру приближения к пониманию сути проблемы. Нам представляется возможным интерпретировать с позиций гештальтпсихологии успешность решения как уровневый процесс понимания: от непонимания к наиболее полному и адекватному пониманию сути проблемы и принципа решения, отражающего глубину мышления субъекта.

В теории проблемных ситуаций (Матюшкин, 2009), разделяющей в целом гештальтистское понимание продуктивности (Матюшкина, 2008), проблемное задание, лежащее в основе мышления, требует обнаружения новых отношений, не заданных в условиях. Такое задание порождает проблемную ситуацию мышления — особую форму мыслительного взаимодействия субъекта и объекта, включающую познавательную потребность в открытии нового знания, неизвестное открываемое звено решения, интеллектуальные

возможности субъекта, в том числе прошлый опыт и творческие способности.

Общие условия, как обеспечивающие «...порождение проблемы, так и определяющие в некоторой степени успешность последующего инсайта, составляющего интуитивное решение, характеризуются тем внутренним “семантическим” потенциалом, который ...выражается как понимание смысла решаемой ситуации» (Матюшкин, 2003, с. 214). Решение проблемной ситуации, творческой проблемы выступает для субъекта как поиск смысла, предполагающего разную степень приближения к пониманию ее сути. Успешность решения проблемы определяется со стороны субъекта глубиной мышления (возможной для него глубиной анализа проблемы), со стороны объекта — необходимой для решения глубиной анализа материала.

Эмпирическое исследование решения проблемных заданий художественного содержания

В связи с заявленной проблемой проведено эмпирическое исследование на материале изучения условий актуализации интуиции в творческом решении (Матюшкина, Жуковская, 2014). Цель исследования — выявление уровней решения проблемного задания в соотношении с его успешностью; объект — решение проблемных заданий художественного содержания; предмет — глубина мышления, отражающая уровни понимания смысла проблемы. Теоретической основой исследования выступили идеи гештальтпсихологии и теории проблемных ситуаций о понимании продуктивного мышления и оценке его успешности. Задачи исследования таковы: выявление качественных и количественных характеристик уровней решения проблемного задания; соотношение успешности решения разных видов проблемных заданий; выявление характеристик проблемного задания, определяющих необходимую для решения глубину анализа.

Процедура и обоснование заданий исследования

114 студентам 3-го курса физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова предлагалось выполнить два проблемных задания художественного содержания, связанных с необходимостью построения целостного семантического гештальта, в том числе через инсайт (интуитивное звено). В первом задании им было предложено догадаться о завершении сюжета художественного кинофильма по короткому фрагменту (давалось 4 кинофрагмента разных жанров —

драма, комедия, мелодрама, мультфильм) с помощью разных типов подсказок: подсказка 1 (содержательная) — указание на ключевые сцены фрагмента (аналогия с ключевыми фразами рассказа); подсказка 2 (жанровая) связана с указанием жанра фильма — необходимо предложить наиболее типичную жанровую развязку; подсказка 3 (оригинальная) связана с предложением придумать наиболее оригинальное завершение сюжета; подсказка 4 (реальная) предлагает испытуемому завершить сюжет, как он мог бы завершиться в реальной жизни.

Во *втором* задании испытуемым предлагалось понять смысл художественного литературного произведения (рассказа) по фрагменту текста. При этом испытуемым также могли быть использованы подсказки — в предъявляемом фрагменте текста содержалась ключевая для понимания его смысла фраза; название рассказа также выполняло роль семантической подсказки. После самостоятельного прочтения в компьютерной форме каждого отрывка испытуемый письменно выполнял три задания, заполнив соответствующее компьютерное поле. Задания формулировались так: 1. Опишите своими словами кратко, как Вы поняли смысл прочитанного отрывка. 2. Постарайтесь объяснить название рассказа, опираясь на смысл отрывка. 3. В тексте имеется ключевая для понимания смысла и названия всего рассказа фраза; постарайтесь ее найти; вставьте ее в поле для ответа и объясните, почему Вы выбрали именно ее.

Данное экспериментально-диагностическое задание «Понимание смысла художественного отрывка текста» было создано на материале отрывков из рассказов А.П. Чехова (1995) «Толстый и тонкий», «Крыжовник», «Пересолил», «Злоумышленник». Выбор данного материала определялся необходимостью оценить глубину понимания испытуемыми явного и скрытого смысла, степень абстракции мышления, а также близостью к типу проблемных заданий, использованных нами при исследовании условий актуализации интуиции в творческом решении (Матюшкина, Жуковская, 2014). Психологическая структура видеофрагментов и отрывков рассказов похожа — все фрагменты диалогичны, содержат несколько точек зрения на одну ситуацию, требуют анализа эмоционального контекста, содержат в себе скрытые подсказки — как сюжетные, так и семантические (название, ключевые фразы).

Приведем использованные фрагменты рассказов (жирным шрифтом выделены ключевые фразы, ведущие к пониманию эмоционального содержания и смысла текста).

«Толстый и тонкий»

— Ну, как живешь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— **Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.**

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съеживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

«Крыжовник»

— Я знаю народ и умею с ним обращаться, — говорил он. — Меня народ любит. Стоит мне только пальцем шевельнуть, и для меня народ сделает все, что захочу.

И все это, заметьте, говорилось с умной, доброю улыбкой. Он раз двадцать повторил: «мы дворяне», «я как дворянин»; очевидно, уже не помнил, что дед наш был мужик, а отец — солдат. Даже наша фамилия Чимша-Гималайский в сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной.

Но дело не в нем, а во мне самом. Я хочу вам рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы, пока я был в его усадьбе. Вечером, когда мы пили чай, кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. Это был не купленный, а свой собственный крыжовник, собранный в первый раз с тех пор, как были посажены кусты. **Николай Иваныч засмеялся и минуту глядел на крыжовник молча, со слезами, — он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребенка, который наконец получил свою любимую игрушку, и сказал:**

— **Как вкусно!**

И он с жадностью ел и все повторял:

— **Ах, как вкусно! Ты попробуй!**

Было жестко и кисло, но, как сказал Пушкин, «тмы истин нам дороже нас возвышающий обман». Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своей судьбой, самим собой.

«Пересолил»

— Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?

— Я её не гоню. Сама разбежалась... Уж как разбежится, так никаким средством её не остановишь.. И сама она не рада, что у неё ноги такие.

— Врёшь, брат! Вижу, что врёшь! Только я тебе не советую так быстро ехать. Попрдержжи-ка лошадь... Слышишь? Попрдержжи!

— Зачем?

— А затем... затем, что за мной со станции должны выехать четыре товарища. Надо, чтоб они нас догнали... Они обещали догнать меня в этом лесу... С ними веселей будет ехать... Народ здоровый, коренастый... у каждого по пистолету... Что это ты всё оглядываешься и движешься, как на иголках? а? Я, брат, тово... брат... На меня нечего оглядываться... интересного во мне ничего нет... Разве вот револьверы только... Изволь, если хочешь, я их выну, покажу... Изволь...

Землемер сделал вид, что роется в карманах, и в это время случилось то, чего он не мог ожидать при всей своей трусости. Клим вдруг вывалился из телеги и на четвереньках побежал к чаще.

— **Караул! — заголосил он. — Караул! Бери, окаянный, и лошадь и телегу, только не губи ты моей души! Караул!**

Послышались скорые, удаляющиеся шаги, треск хвороста — и всё смолкло... Землемер, не ожидавший такого реприманда, первым делом остановил лошадь, потом уселся поудобней на телеге и стал думать.

«Злоумышленник»

— Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из неё грузило?

— А то что же? Не в бабки ж играть!

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

— Свинец на дороге не найдёшь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не найти... И тяжёлая, и дыра есть.

— Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведёт это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

— Избави Господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нешто мы некрещёные или злодеи какие? Слава те Господи, господин хороший, век свой

прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было... Спаси и помилуй, царица небесная... Что вы-с!

— **А отчего, по-твоему, происходят крушения поездов? Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение!**

Денис усмехается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

— **Ну! Уж сколько лет всей деревянной гайки отвинчиваем, и хранил Господь, а тут крушение... людей убил...** Ежели б я рельсу унёс или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! гайка!

— Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к шпалам!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...

Таким образом, проблемность заданий соответствовала гештальт-модели проблемной ситуации, в которой главным условием, вызывающим проблему, выступает «деструктурированность условий и предмета мышления», способом решения — понимание (Матюшкин, 2009, с. 83). Выбор художественного материала для проблемных заданий также определялся целью исследования. Так, по мнению А.Р. Лурия, именно художественный текст требует для понимания наибольшей глубины анализа. «Понимание описательного, повествовательного, объяснительного и художественного (психологического) текста ставит воспринимающего перед совершенно различными задачами и требует совершенно иной глубины анализа: для восприятия описательной речи вполне достаточно понимания наглядного значения фраз <...>; в повествовательной речи усвоение общего контекста несравненно важнее; в объяснительном (научном) тексте понимание общего контекста является только начальным этапом, который должен перейти ...в декодирование общей мысли <...> Наконец, понимание художественного текста <...> предполагает наиболее сложный процесс декодирования с последовательным переходом от текста к подтексту, от внешнего содержания и общей мысли к глубокому анализу смысла и мотивов, которые иногда должны опираться не на простой процесс логического декодирования, но и на факторы эмоциональной расшифровки, называемые “интуитивным” познанием» (Лурия, 1975, с. 75).

Задание на понимание смысла и завершение кинофрагментов: обработка и результаты выполнения

В исследовании условий актуализации интуиции в творческом мышлении (Матюшкина, Жуковская, 2014) для оценки успешности решения проблемного задания на понимание смысла и завершение кинофрагментов было выделено несколько уровней решения, от-

ражающих глубину понимания ситуации. Успешность оценивалась в баллах в соответствии с уровнем решения. 1-й уровень (1 балл) — непонимание смысла ситуации, невозможность достроить сюжет фильма по фрагменту; 2-й уровень (2 балла): в ответе испытуемого имеются тенденции к правильному усмотрению сюжета (некоторые фразы, предположения, угадывание деталей), но он не останавливается на них; 3-й уровень (3 балла): испытуемый угадывает общий принцип развития сюжета или некоторые существенные детали; 4-й уровень (4 балла): ответ испытуемого в деталях совпадает с реальным развитием сюжета.

Первый уровень, свидетельствующий о непонимании смысла ситуации, не был зафиксирован в результатах исследования данной выборки. Вероятно, это связано с высокими интеллектуальными показателями испытуемых, которые решали предложенные задания: среди них не оказалось испытуемых, не понявших смысла задания и не достигших решения. Однако данный уровень целесообразно сохранить и включить в анализ результатов в исследовании на другой выборке.

Результаты выполнения этого задания показали, что наиболее трудным для решения оказался драматический кинофрагмент — на самом высоком (4-м) уровне успешности его решили только 8% испытуемых; далее следовал комедийный фрагмент — с ним справились 30% испытуемых, затем — фрагмент мелодрамы (48% испытуемых); наиболее легким оказался фрагмент мультфильма — 59% испытуемых решили его на 4-м уровне успешности. Трудность фрагмента с драматическим сюжетом определяется необходимостью личностных предпосылок для успешного решения. В данном случае особенно важную роль играют семантический потенциал личности и глубина мышления.

Экспериментально-диагностическое задание «Понимание смысла отрывка художественного текста» (ПСОХТ): обработка и результаты выполнения

Ответы респондентов оценивались по аналогии с оценкой результатов задания на понимание смысла и завершение кинофрагментов: 1-й уровень (1 балл): непонимание смысла рассказа; 2-й уровень (2 балла): буквальное понимание смысла — установление последовательности событий без понимания скрытого смысла, иронии; на данном уровне респондент не всегда соотносит название рассказа с содержанием фрагмента текста; 3-й уровень (3 балла): конкретное понимание заложенного смысла, конкретная интерпретация названия без учета идеи автора; 4-й уровень (4 балла): точное понимание идеи, заложенной автором, способность выразить, в

чем она заключается; на данном уровне становится возможным выявление глобальной мысли автора по отношению к смыслу произведения в целом, респондент соотносит смысл названия с содержанием текста.

Приведем примеры ответов по каждому рассказу (цифрами обозначены уровни понимания).

«Крыжовник»:

2 «Сегодня крыжовник растет на каждой даче, а когда-то не каждый мог его попробовать. Крыжовник отличается особенным вкусом, зрелый крыжовник совсем не кислый, а даже сладкий. Крыжовник — символ неизвестного и желанного»; «Крыжовник — это фактически цель, которой добился персонаж»; «Крыжовник — символ положения в обществе, он был доступен только очень состоятельным людям»; «Крыжовник является олицетворением, доказательством счастья, достигнутого человеком, который приобрел усадьбу».

3 «Человеку даже кислый крыжовник кажется вкусным, если он сам его вырастил»; «Крыжовник — это как плод нелегкого труда на достижение мечты. И не важно, какой он на вкус, главное, что он есть, и человеку, который этот плод вырастил, он будет сладок»; «Крыжовник символизирует мечту»; «Крыжовник выступает как заветная мечта, одновременно подчеркивает то, что эта мечта достаточно жалкая и недостойная, на самом деле, никакого упоминания».

4 «Крыжовник — символ несовершенства, на которое человек закрывает глаза, лишь бы убедить себя в том, что он добился всего, чего хотел»; «Крыжовник олицетворяет горькую реальность, из которой отчаянно жаждет вырваться персонаж и которую четко воспринимает главный герой»; «Антон Павлович сравнивает Николая Ивановича с крыжовником. Николай Иванович считает себя классным, при этом ничего особенного из себя не представляя. Как тот крыжовник»; «Николай Иванович — типаж, он как крыжовник, ничем особо не привлекателен, не так красив, не так вкусен, но всё же считает себя ягодой, причём вкуснейшей, хочет быть такой вишенкой. Он обманывает себя, но ему так нравится больше».

«Злоумышленник»:

2 «Не знаю. Может все просто, рассказ о Денисе, а Денис — злоумышленник»; «Для представителя закона он злоумышленник»; «Человека, который совершил “зло”, пытаются судить».

3 «Злоумышленник в переносном смысле, он ведь не догадывается, что зло делает»; «Ирония, связанная с тем, что злоумышленник даже не понимает, что плохого он сделал»; «Мужик мог спровоцировать крушение поезда, но он не хотел. “Злоумышленник” в ироничном смысле».

4 «Смысл рассказа в том, что для того чтобы наломать дров, необязательно иметь плохие мотивы, достаточно не иметь мозгов»; «Даже

маленький промах маленького человека может быть большим злом в масштабах общества»; «Злоумышленник — человек, имеющий злые помыслы. Наш герой и есть зло, которое не думает о последствиях своих деяний»; «Простота хуже воровства»; «Злоумышленник — гиперболизация образа человека, который “не ведает, что творит”. Не понимая значимость действий и резонанс, которые они имеют, он по-прежнему продолжает делать по-своему».

«Толстый и тонкий»:

2 «Толстый — тонкий, богатый — бедный»; «Толстый — богатый “вельможа”, тонкий — нищий человек»; «В названии указываются отличительные признаки каждого из друзей. В отрывке они так и называются “Толстый и тонкий”, а не по именам».

3 «Толстый и тонкий — это простые, яркие характеристики персонажей, ясно отображающие классовое неравенство»; «Толстый символизирует успешность, благополучие; тонкий — жалость, относительную бедность»; «В данном тексте толстый соотносится с человеком, находящимся на более высокой социальной ступени, лоснящимся от хорошей жизни, а тонкий — с человеком слабым, дрожащим перед человеком, находящимся выше его в социальной иерархии».

4 «Толстый и тонкий, возможно, подразумевает у первого широкий и щедрый дух, а у второго скупость и отсутствие хороших качеств»; «У тонкого ломкий, слабый характер. Этот человек не имеет чувства собственного достоинства. Толстый же наоборот, несмотря на повышение, продолжал общаться с тонким как обычно, что свидетельствует о его добропорядочности»; «Толстый — то есть душа у него широкая. А Тонкий — тщедушная душонка, стремящаяся к раболепию и чинопочтению и деланию всего исподтишка»; «Толстый и тонкий — это богатый и бедный. Это контраст общественных слоев. Их взаимоотношения. Отношения чиновников и подданных»; «Рассказ о большом и маленьком человеке».

«Пересолил»:

2 «Пассажира случайно выронил фразу, напугав Клима. Пересолил — сделал больше, чем нужно»; «Клим явно перегнул палку, когда ездил быстро, словно повар пересолил суп. Иными словами, все испортил».

3 «В попытке казаться важнее землемер переусердствовал, “пересолил”»; «Переборщил с осторожностью»; «Пересолил, то есть перегнул палку с шуткой».

4 «Землемер слишком далеко завёл свою шутку, не рассчитывая на легковёрный и трусливый нрав извозчика»; «Герой переборщил. Своей трусостью испугал честного человека, ничего не замышляющего»; «Землемер запугал своим враньем извозчика так, что тот убежал в лес»; «Рассказ повествует о нравах и поведении определенных людей, которые пытаются казаться более значимыми или важными, чем они есть на самом деле».

Связь успешности выполнения методики ПСОХТ и решения проблемных заданий на материале кинофрагментов

Качественный анализ результатов выполнения методики ПСОХТ свидетельствует о том, что испытуемые, наиболее успешно решившие задания данной методики и продемонстрировавшие способность к глубокому пониманию скрытого смысла, лучше остальных справились и с заданиями на завершение кинофрагментов. Яркой демонстрацией этой взаимосвязи являются догадки испытуемых, успешно завершивших продолжение самого трудного для решения видеофрагмента художественного фильма-драмы «Простые вещи» (реж. А. Попогребский). В данной группе методика ПСОХТ была выполнена на 4 балла по каждому отрывку.

Проанализируем корреляции между успешностью завершения кинофрагментов и решением заданий методики ПСОХТ. Использована линейная корреляция Пирсона, распределение по выборке тяготеет к нормальному. Критические значения: при $n=100$ $r=0.1638$ ($p \leq 0.05$), $r=0.2540$ ($p \leq 0.01$). Если полученное значение выше либо равно критическому, связь между признаками статистически значима. Понимание разных отрывков требует различной глубины анализа их эмоционального содержания. Об этом свидетельствует наличие положительной корреляционной связи ($r=0.1866$, $p \leq 0.05$) между успешностью решения драматического сюжета фильма «Простые вещи» при жанровой подсказке и глубиной понимания смысла фрагмента драматического рассказа «Крыжовник»: чем лучше респондент понимает смысл рассказа, тем лучше он решает проблемное задание по завершению фрагмента фильма (по анализу средних значений).

Интересна отрицательная корреляция между успешностью решения того же драматического кинофрагмента при содержательной подсказке и успешностью понимания смысла фрагмента рассказа «Пересолил» ($r=-0.2562$, $p \leq 0.01$). Следует заметить, что данный рассказ является несложным для понимания, но в анализе эмоционального содержания требует понимания комизма с элементом иронии. Анализ средних значений показывает, что связь носит следующий характер: чем лучше респондент понимает смысл данного рассказа, тем хуже он справляется с решением драматического кинофрагмента. Вероятно, анализ эмоционального содержания разного типа — драматического и комического — требует различной глубины мышления. Отрицательная корреляция получена также между пониманием смысла рассказа «Пересолил» и решением фрагмента мультфильма «Чуча» (реж. Г. Бардин) при содержательной подсказке ($r=-0.2235$, $p \leq 0.05$). Особенность этого мультфильма состоит в том,

что в нем герои не разговаривают, и эмоциональное содержание передается только музыкой (Ж. Бизе — Р. Шедрин, «Кармен-сюита») и действиями героев. Сюжет отличается драматичностью, что редко встречается в мультипликационном жанре — сказке: история мальчика, который от одиночества придумывает себе няню; когда же она приносит в дом щенка, он выгоняет его из чувства детской ревности. Понимание драмы требует более глубокого и особого анализа эмоционального контекста, нежели понимание комедии. Это также подтверждается наличием положительной корреляции между успешностью решения фрагмента комедии «Игра в недотрогу» (реж. Т. Балок) именно при жанровой подсказке и пониманием смысла отрывка комичного рассказа «Пересолил» ($r=0.2049$, $p\leq 0.05$). В случае решения того же кинофрагмента при подсказке, указывающей на возможность развития данного сюжета в реальной жизни, наблюдается положительная корреляция с пониманием смысла комично-ироничного рассказа «Злоумышленник» ($r=0.1649$, $p\leq 0.05$).

Положительная корреляция между успешностью решения мелодраматического сюжета фрагмента фильма «Правда» (реж. Т. Тыквер) и пониманием смысла отрывка из рассказа «Пересолил» при содержательной подсказке ($r=0.1876$, $p\leq 0.05$) может определяться выраженностью у субъекта творческого мышления, понимаемого как способность достроить по фрагменту (при подсказке ключевого момента) целостное содержание — гештальт: завершение как фрагмента фильма, так и фрагмента рассказа строится с опорой на понимание одной ключевой идеи, достаточно ее понять — и решение находится.

Связи между успешностью решения проблемных заданий исследования и пониманием фрагмента рассказа «Толстый и тонкий» не получено. Вероятно, это обусловлено очевидным эмоциональным содержанием данного рассказа, в то время как другие рассказы требуют выявления скрытого содержания, или же знанием эталонной оценки данного произведения из школьной программы. Влияние прошлого опыта на решение актуализирует репродуктивное мышление в отличие от продуктивного, необходимого для решения исследовательских проблемных заданий, приводя к воспроизведению шаблонного ответа.

Заключение

Исследование посвящено изучению особой характеристики продуктивного мышления — глубины. Продуктивное мышление рассматривается как особая форма субъект-объектного взаимодействия, объектом которого выступает проблемная ситуация,

возникшая на основе проблемного задания. Глубина продуктивного мышления определяется со стороны субъекта возможной для него глубиной анализа проблемы, со стороны объекта — необходимой для решения глубиной анализа материала.

Решение выступает для субъекта как поиск смысла проблемной ситуации, выражающийся в разных уровнях приближения к пониманию ее сути, — от непонимания до четкого и ясного понимания смысла. Эти уровни выступают основанием для оценки успешности решения проблемных заданий.

В исследовании на материале проблемных заданий художественного содержания показано, что со стороны объекта глубина определяется жанром произведения. Наибольшей глубины анализа требует драматический жанр, который является самым трудным для понимания и разрешения проблемных ситуаций.

На материале проблемных заданий художественного содержания двух типов — на понимание смысла художественного фильма и рассказа по фрагментам — установлена связь успешности их решения респондентами. Она носит неоднозначный характер и связана с жанром. Существует положительная корреляция успешности выполнения двух типов заданий в отношении драматического и комедийного содержания, отрицательная корреляция характеризует успешность решения заданий эмоционально противоположных жанров — комического и драматического.

Респонденты, успешно решившие задание на понимание смысла драматического рассказа, также успешно выполнили задание, связанное с завершением драматического сюжета; сходные результаты получены в отношении понимания смысла комедии и комического рассказа. Однако чем лучше респонденты понимают смысл комического рассказа, тем хуже понимают смысл драматического сюжета фильма.

В определенном смысле полученные результаты исследования созвучны идеям Л.С. Выготского о психологическом базисе искусства как обусловленном преодолением формой конкретного содержания художественного произведения, особенно в отношении драмы, которая «...представляет из себя наиболее трудный для понимания вид искусства... всякая драма... есть не законченное художественное произведение, а только материал» (Выготский, 1965, с. 297). В данном исследовании показано, что жанр как художественная форма определяет необходимую для понимания смысла произведения глубину анализа, где лишь начальные его уровни связаны с установлением конкретного содержания. Для понимания замысла, глобальной идеи автора необходимо абстрагироваться от конкретного содержания на более высоких уровнях решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1965.
- Дернер Д.* Логика неудачи. М.: Смысл, 1997.
- Дункер К.* Структура и динамика процессов решения задач (о процессах решения практических проблем) // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 258—269.
- Клакстон Г.* Развитие интуиции. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
- Лурия А.Р.* Речь и мышление. Материалы к курсу лекций по общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
- Матюшкин А.М.* Мышление, обучение, творчество. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
- Матюшкин А.М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учеб. пособие / Под ред. А.А. Матюшкиной. М.: КДУ, 2009.
- Матюшкина А.А.* Творческое мышление как предмет исследования в отечественной психологии: научные школы О.К. Тихомирова, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 102—113.
- Матюшкина А.А., Жуковская Е.К.* Условия актуализации интуиции в творческом решении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 31—46.
- Психологические исследования творческой деятельности / Отв. ред. О.К. Тихомиров.* М.: Наука, 1975.
- Пономарев Я.А.* Психология творческого мышления. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Чехов А.П.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Рассказы 1880—1886. М.: Лексика, 1995.
- Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011.

Поступила в редакцию
22.03.15

LEVELS OF PROBLEM SOLVING AS A REFLECTION OF THE DEPTH OF THINKING

*A. A. Matyushkina*¹

¹*Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow, Russia*

Abstract. The article presents an empirical study of the depth of thinking - personal characteristics reflecting the process of understanding of the problem; object - the solution of problem situation with artistic content, actualizing productive thinking; goal - to identify the level of problem solving in correlation with its success. The theoretical basis - the ideas of Gestalt theory and the Matyushkin's theory of problem situations about productive thinking and evaluation its success. The study shows that the depth of thinking reflects the levels of understanding of the sense of artistic works - from a misunderstanding to clear and explicit understanding of the sense of the work in accordance with the author's intention. The levels are the basis for evaluating the success of problem solving. From the object of thinking the depth is determined by artistic genre: the greatest depth of thinking requires dramatic genre. There is the positive correlation of the success of the solutions for two types of problem situation with artistic content - understanding of the sense of the film and the story by fragments - with the dramatic and comedic content. There is negative correlation for the success of the solutions of problem situations of emotionally opposite genres - comic and dramatic - for two types of problem situations.

Key words: depth of thinking, problem situation, productive thinking, understanding of senses, the levels of solutions.

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

Ю. С. Шойгу, М. В. Филиппова

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

В статье приведены и содержательно раскрыты этические принципы, которыми должен руководствоваться психолог в работе с пострадавшими в чрезвычайной ситуации (ЧС), в частности с представителями разных культур. Проведено сравнение основных положений этического кодекса Российского психологического общества и этического кодекса Европейской Федерации психологических ассоциаций. Сделаны выводы: 1. Психолог, оказывающий помощь людям в зоне ЧС, должен иметь высокую квалификацию и специальную подготовку. 2. Знание и соблюдение этических принципов в работе с людьми в зоне ЧС не менее важны и обязательны для психолога, чем профессиональные знания и навыки. 3. Учет всех специфических условий работы в зоне ЧС способствует эффективности оказываемой помощи и сохраняет профессиональное здоровье самого специалиста.

Ключевые слова: экстренная психологическая помощь, чрезвычайная ситуация, этические принципы работы, пострадавшие, представители разных культур.

Оказание экстренной психологической помощи пострадавшим в *чрезвычайных ситуациях* (ЧС) давно и прочно зарекомендовало себя как неотъемлемая часть системы аварийно-спасательных и других неотложных работ в ходе спасательных операций на территории Российской Федерации. Задача организации и оказания экстренной психологической помощи пострадавшим в ЧС и при пожарах возложена на МЧС России указом Президента РФ 17 декабря 2010 г.,

Шойгу Юлия Сергеевна — канд. психол. наук, доцент, директор Центра экстренной психологической помощи (ЦЭПП) МЧС России (Москва). *E-mail:* 6263896@mail.ru

Филиппова Мария Валерьевна — зам. директора Центра экстренной психологической помощи (ЦЭПП) МЧС России (Москва), соискатель Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А.М. Никифорова МЧС России (Санкт-Петербург). *E-mail:* filippova_serp@mail.ru

внесена в положение о Министерстве в качестве одной из основных функций (Шойгу, 2012). Дальнейшее развитие этого направления требует анализа российского опыта работы наряду с изучением и учетом в работе опыта зарубежных коллег.

Этический кодекс психолога не определяет различий между работой с людьми, которые нуждаются в помощи в ЧС. Как правило, всех людей, которым требуется помощь в ЧС, специалисты объединяют единым понятием «пострадавшие» (Психология..., 2007). Между тем нуждающиеся в помощи всегда имеют ряд характеристик, включающих гендерные, возрастные, социальные, культурно-этнические аспекты.

ЧС, как правило, характеризуется внезапностью, стремительным развитием, невозможностью точного прогноза, большой долей неопределенности ситуации.

Экстренная психологическая помощь не предусматривает глубинной психотерапии психологической травмы. У нее две главные задачи: 1) регуляция актуального психофизиологического состояния пострадавших, работа с острыми реакциями на стресс (страх, нарушение сна, изменения настроения и др.); 2) профилактика отсроченных последствий травматического стресса (посттравматическое стрессовое расстройство) (Экстренная психологическая помощь, 2012).

Проявление того или иного стиля реагирования в стрессовой ситуации у конкретного человека зависит в равной мере от особенностей ситуации (силы и продолжительности воздействия травмирующего фактора), от индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей, от уровня стрессоустойчивости и наличия положительного опыта адекватного реагирования в стрессовых ситуациях (Психология..., 2007). Помимо этого специалисты в области психологии экстремальных ситуаций указывают на важную роль в регуляции поведения пострадавших культурно-этнических факторов (Филиппова, 2015б; Шойгу, Павлова, 2010; Шойгу, Пыжьянова, 2011).

В этой связи применение каких-то одних, универсальных профессиональных психологических методов работы ко всем пострадавшим невозможно. Также малопродуктивна в условиях ЧС работа с отдельными пострадавшими без работы с группой, в которую они включены. Основными значимыми группами для пострадавших в условиях ЧС являются семья и этнос. Так, например, работа с ребенком малоэффективна без работы с его родителями, семьей, близкими взрослыми. Проблемы с поведением и самочувствием, симптомы острой реакции на стресс, которые демонстрируют дети, присутствуют и у взрослых, только, как правило, в более глубокой форме. Как правило, внимания психологов требуют все члены семьи

обратившегося за помощью. Одним из них достаточно получить психологическую поддержку при разовом посещении специалиста, другие нуждаются в более длительном общении, проведении специальных психологических мероприятий.

Со всем этим многообразием специфических условий одновременно встречаются психологи, оказывающие экстренную психологическую помощь пострадавшим в зоне ЧС. В этих условиях особую актуальность приобретают этические принципы работы психологов.

Оказывая экстренную психологическую помощь пострадавшим, психологи руководствуются этическим кодексом, принятым Российским психологическим обществом (РПО). Однако при работе с пострадавшими в ЧС общие этические принципы работы психологов наполняются особым содержанием и требуют конкретизации в ситуациях работы с представителями разных культур. Рассмотрим некоторые из них.

Принцип профессиональной компетентности. Этот принцип включает в себя в первую очередь наличие соответствующей профессиональной квалификации психолога, основанной на полученном образовании, опыте работы в ЧС и знании принципов профессиональной этики.

Психолог должен помнить о границах профессиональной компетентности и ограничениях в применении психологических средств. Психолог не должен браться за помощь в вопросах, которые находятся вне зоны его компетенции. В этой связи психолог не имеет права работать с пострадавшими, демонстрирующими психотическую симптоматику. В этих случаях психологи работают в тесном взаимодействии с врачами (Психология..., 2007). Отношения психолога и пострадавшего не должны выходить за рамки профессионального общения.

Принцип «не навреди». Работа в ЧС с представителями разных культур накладывает ряд серьезных ограничений, которые связаны с необходимостью использования хорошо проверенных методик, как правило, общего функционального воздействия. Также специалисту важно помнить о краткосрочности оказания помощи, т.е. помощь должна быть направлена на коррекцию актуального состояния пострадавшего, вызванного данной ситуацией. Психолог должен спланировать мероприятия по оказанию помощи, учитывая состояние пострадавшего и время своего пребывания в зоне ЧС. Этап психологической помощи должен быть психологически завершенным по окончании каждой психокоррекционной сессии, в случаях краткосрочных курсов психологических мероприятий к моменту отъезда специалиста (Филиппова, Елисева, 2015).

Даже в условиях ЧС психологи, как правило, способны устанавливать контакт, вызывающий у пострадавших доверие, чувство симпатии и удовлетворения от общения со специалистом-психологом. Несмотря на это, категорически нельзя в условиях ЧС работать с психологическими проблемами (психологическая травма, внутриличностные конфликты, семейные кризисы и пр.), возникшими до ЧС. Это может отрицательно сказаться на состоянии пострадавшего, возможен риск вторичной травматизации. В ситуации работы с представителями других культур очень сложно уловить весь культурно-этнический контекст личной ситуации, риск профессиональной ошибки очень велик.

Психолог должен воздержаться от выполнения своих профессиональных обязанностей в случае, когда его способности или суждения находятся под неблагоприятным воздействием культурного шока или переутомления. В этой связи психологу важно следить за своим физическим и психоэмоциональным состоянием, рационально организовать свой режим труда и отдыха, уметь быстро восстанавливать высокий уровень работоспособности, используя профессиональные навыки. Также психолог должен быть осведомлен об особенностях культурных традиций, основной религии или поликонфессиональной среде региона ЧС. Необходимо проявлять безоценочное, не критичное отношение к культурным особенностям пострадавших.

Это положение тесно связано с *принципом ответственности*, который включает осознание специфики взаимодействия с пострадавшими и вытекающей из этого ответственности. Например, за возникновение ситуативных конфликтов, связанных с культурно-этническими особенностями пострадавших. Здесь мы имеем в виду не только работу с представителями разных культур на территории Российской Федерации, где цена профессиональной ошибки специалистов высока, но есть возможность оперативно уточнять значимые культурно-этнические аспекты работы, но также опыт участия в международных гуманитарных операциях на территориях других стран. Нужно помнить о том, что профессиональные ошибки наносят урон имиджу организации и профессии в целом.

Принцип честности включает знание психологом своих профессиональных задач и соответствующих этим задачам функций, осознание ограниченности возможностей как своих собственных, так и своей профессии. Заключение «психотерапевтического договора» в условиях ЧС подразумевает бесплатное оказание экстренной психологической помощи.

Принцип осведомленности и добровольного согласия. Перед началом работы специалисту необходимо деликатно уточнить, действительно ли человек согласен на психологическую помощь,

и получить подтверждение. Важно разговаривать с людьми, объяснять на доступном языке, что собираются делать специалисты, отвечать на их вопросы. И даже не зная о некоторых особенностях культурных традиций региона, специалист может узнать о них в процессе разговора.

Пострадавший должен быть уведомлен о цели работы, о применяемых методах, предполагаемой динамике его состояния. Специалист должен доступно объяснить, что он собирается делать, что будет происходить в результате этих действий и получить подтверждение, что человек понял объяснение и согласен. Несогласие пострадавшего может быть связано с недоверием к специалисту либо с психологическим сопротивлением работе предложенными методами и стать причиной низкой эффективности психологических мероприятий или ухудшения его самочувствия.

Вербальное общение психолога с пострадавшим может иметь побуждающий, успокаивающий либо суггестивный характер в форме простых вопросов и предложений. Поэтому динамику изменения психоэмоционального состояния пострадавшего, даже относящегося к совершенно чужой культуре, можно заметить в процессе наблюдения и интервью (Филиппова, Елисеева, 2015).

Принцип конфиденциальности сохраняет свою актуальность в работе с представителями разных культур, но может быть нарушен, если действия пострадавшего могут быть опасны для него самого или для окружающих либо препятствовать стабилизации психоэмоционального состояния.

В работе психологов с представителями разных культур может возникнуть языковой барьер. В этих случаях желательно все же наличие специалиста со знанием языка пострадавшего. В некоторых случаях для выяснения жалоб, изменения самочувствия, эффекта от психологических мероприятий допустимо использование услуг переводчика.

Учитывая особое состояние пострадавших в ЧС, которое укладывается в клиническую картину, описанную в МКБ-10 (F43.0 Расстройства адаптации, Острая реакция на стресс), общение специалистов с пострадавшими имеет свою специфику. Психологи в ЧС больше используют невербальные методы психологической интервенции. Например, в арсенале психологов должна быть специальная «детская укладка», включающая альбомы для рисования, цветные карандаши, фломастеры, игрушки, развивающие игры, конструкторы, головоломки, краски, пластилин, книжки-раскраски, мячики, воздушные шары. Это необходимо для проведения индивидуальных и групповых занятий, направленных на снижение уровня тревоги, работу со страхами, социальную адаптацию и интеграцию ребенка. Данные методы подходят для

детей всех культур дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, так как являются универсальными средствами детского самовыражения, не затрагивая их еще не сформировавшегося мировоззрения, религиозных и других социальных чувств (Гуревич и др., 2007). Ограничения в работе с детьми возникают при наличии психотической симптоматики.

Если же у ребенка погиб один из родителей или оба, к психологам могут обратиться с просьбой сообщить ребенку о случившемся и посоветовать, как с ним себя вести далее. В этом случае следует учитывать культурные традиции обращающихся. Надо уточнить, как в данной культурной среде принято проводить траурные мероприятия и периоды траура, и с учетом полученной информации формировать стратегию работы с ребенком и рекомендации для его близких.

Для продолжительной работы с представителями других культур в зоне ЧС психологи нуждаются в особых условиях, которые должны быть продуманы и своевременно организованы (Шойгу, 2012).

Пожалуй, самый важный этический принцип, помогающий в работе самим психологам, — это *принцип уважения*. Уважение специалистом личности пострадавшего, его переживаний, актуальной жизненной ситуации, прав и достоинств, национальности, расы, религии обеспечивает экологичность мероприятий для самого специалиста, служит превенции его эмоционального выгорания. Соблюдение этических принципов работы в целом способствует сохранению психического здоровья специалиста в условиях ЧС (Шойгу, 2015).

Принцип уважения связан с *принципом защиты интересов клиента*. Этот принцип включает профессиональную позицию по отношению к оказанию помощи. В период работы в зоне ЧС специалист стремится сделать максимально возможное для каждого пострадавшего, с которым он работает. При этом учитывает культурные особенности клиента, постоянно соотносит методы своей работы с правилами культурной среды клиента.

Беспристрастность в отношении к представителям других культур не допускает возможного предвзятого отношения, связанного с социальным положением, религиозно-этнической принадлежностью. Субъективное впечатление, которое может возникнуть у психолога при общении с пострадавшим, а также социальное положение не должны оказывать никакого влияния на выводы и профессиональные действия специалиста.

Модель Кодекса этики европейского психологического сообщества (www.efpa.eu/ethics/ethical-codes) включает четыре основополагающих принципа: уважение личных прав и достоинства;

профессиональная компетентность; ответственность; профессиональная честность.

На сегодняшний день оказание психологической помощи пострадавшим в ЧС широко распространено по всему миру. Ряд общественных международных организаций специализируются на оказании первой психологической помощи пострадавшим в разных странах (Филиппова, 2015а). Первая психологическая помощь является альтернативой психологическому дебрифингу. Принцип оказания первой психологической помощи рекомендован Всемирной организацией здравоохранения, международными и национальными экспертными группами. Разработан международный стандарт ее оказания (Первая..., 2014). Однако в пояснении к указанному стандарту сказано, что он предназначен для «использования в странах с низким и средним уровнем дохода». Подобные пояснения невозможно встретить ни в практическом пособии по экстренной допсихологической помощи (Экстренная допсихологическая помощь, 2012), ни в этическом кодексе РПО. Напротив, в этическом кодексе РПО прямо написано «психолог избегает деятельности, которая может привести к дискриминации клиента по любым основаниям».

Тема нравственных ориентиров, этических принципов работы психологов в ЧС с представителями разных культур остается актуальной для дискуссий в рамках заседаний Комитета психологии кризисов и катастроф Европейской Федерации психологических ассоциаций (Филиппова, 2015а). Обсуждается необходимость наряду с соблюдением этического кодекса Европейской Федерации психологических ассоциаций иметь национальные этические кодексы работы психологов, которые учитывали бы все многообразие культурных, национальных, религиозных и политических особенностей каждой из стран; о необходимости составления этических принципов для отдельных ситуаций.

Ничуть не умаляя гуманных побуждений и уровня нравственной культуры зарубежных коллег, мы лишь сделали попытку выделить особенность профессиональной позиции психологического сообщества России, определенной рамками этического кодекса.

В заключение еще раз подчеркнем следующее:

— психолог, работающий с пострадавшими в зоне ЧС, должен иметь высокую квалификацию и специальную подготовку;

— знание и соблюдение этических принципов в работе с людьми в зоне ЧС не менее важны и обязательны для психолога, чем профессиональные знания и навыки;

— учет всех специфических условий работы в зоне ЧС способствует эффективности оказываемой помощи и сохраняет профессиональное здоровье самого специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуревич К.Г., Тищенко П.Д., Фабрикант Е.Г., Юдин Б.Д. Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2007.

Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах. Всемирная организация здравоохранения, 2014.

Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007.

Филиппова М.В. Зарубежный опыт организации и оказания психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях // Технология гражданской безопасности. 2015а. Т. 12. № 1 (43). С. 74—78.

Филиппова М.В. Культурно-этническая принадлежность как фактор регуляции поведения пострадавших в чрезвычайных ситуациях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2015б. № 2. С. 128—133.

Филиппова М.В., Елисеева И.Н. Опыт оказания экстренной психологической помощи в полевых условиях в составе мобильного госпиталя пострадавшим в результате землетрясения в Республике Гаити в 2010 г. // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Психологические последствия радиационных аварий и других чрезвычайных ситуаций» (Москва, 21 мая 2015 г.). М.: Тип. «Квадратон», 2015. С. 88—91. URL: <http://www.psi.mchs.gov.ru>

Шойгу Ю.С. Организация деятельности психологической службы МЧС России // Национальный психол. журн. 2012. № 1 (7). С. 131—133.

Шойгу Ю.С. Система сохранения психического здоровья в чрезвычайной ситуации // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Психологические последствия радиационных аварий и других чрезвычайных ситуаций» (Москва, 21 мая 2015 г.). М.: Тип. «Квадратон», 2015. С. 96—101. URL: <http://www.psi.mchs.gov.ru>

Шойгу Ю.С., Павлова М.В. Культурно-специфические и культурно-неспецифические реакции пострадавших в чрезвычайных ситуациях // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 300—306.

Шойгу Ю.С., Пыжьянова Л.Г. Прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время чрезвычайной ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 76—83.

Экстренная допсихологическая помощь. М.: Объед. ред. МЧС России, 2012.

Экстренная психологическая помощь / Под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Объед. ред. МЧС России, 2012 (Настольная книга психолога МЧС России.)

Поступила в редакцию
17.04.15

Ju. S. Shoigu¹, M. V. Filippova¹

¹ *Emergency Psychological Aid Center (CEPA) EMERCOM of Russia, Moscow, Russia*

Abstract. In the article there are the ethical principles that should guide the psychologist in working with different cultures, victims in an emergency situation. There is an attempt of comparative analysis of the main provisions of the ethical code of the Russian psychological society and the ethical code of the European Federation of psychological associations. Conclusions: 1. Psychologist helping people in the emergency area should have high qualification and special training. 2. A record of all specific duties in the emergency area contributes to aid effectiveness and maintains the occupational health specialist. 3. Knowledge of and adherence to ethical principles in working with people in the emergency area is not less important and mandatory for the psychologist than professional knowledge and skills.

Key words: emergency psychological aid, emergency, ethical principles, victims, representatives of different cultures.

ЮБИЛЕИ

К 70-ЛЕТИЮ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЖУКОВА

5 июля 2015 г. исполняется 70 лет доктору психологических наук, профессору кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова **Юрию Михайловичу Жукову** — одному из ведущих специалистов в области практической социальной психологии. Он не только стоял у истоков концептуальной и методологической разработки данного направления, но и сегодня активно реализует его в своей деятельности в области социально-психологического тренинга, развития коммуникативной компетентности, технологий командообразования и консультирования организационного развития.

Начало пути Ю.М. Жукова в психологию сам юбиляр связывает со службой в армии, где во время трехлетнего боевого дежурства за Полярным кругом он внимательно изучал полковую библиотеку и искал собственные ответы на вопросы о возможном профессиональном развитии после армии. Именно тогда ему встретились психологические работы Дэвида Коупленда «Психология и солдат», Бориса Федоровича Ломова «Человек и техника» и сборник переводных статей «Современная буржуазная военная психология». Старшего радиотелеграфиста Жукова очень заинтересовали разработки военных ученых-психологов, что и подтолкнуло его к принятию решения о продолжении своего образования в области психологии, поэтому в 1968 г. он поступил на факультет психологии МГУ.

Обращение Юрия Михайловича именно к социальной психологии тоже имеет свою историю. На третьем курсе в качестве темы курсовой работы он выбрал анализ проблем групповой динамики в школе Курта Левина и, подготовив краткий план-конспект, показал его своему научному руководителю Блюме Вульфовне Зейгарник. Она быстро просмотрела предъявленную ей страничку текста и сказала: «Ну, Френчи, Дойчи и Фестингеры меня не интересуют — и так знаю, — а вот о сдвиге риска, пожалуйста, поподробнее». Эта фраза дала студенту путевку в социально-психологическую жизнь. Помимо Блюмы Вульфовны к своим учителям в области научной психологии и профессиональной деятельности Юрий Михайлович относит Вадима Борисовича Ольшанского, Якова Александровича Пономарева, Галину Михайловну Андрееву и Владимира Петровича Зинченко.

После завершения обучения на факультете в 1973 г. Ю.М. Жуков работал научным сотрудником сектора социальной психологии Института психологии АН СССР. А в 1977 г. по приглашению Г.М. Андреевой он приступил к работе на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ — сначала в должности младшего научного сотрудника, со временем перейдя на должность доцента, а с 2004 г. и по сей день занимает должность профессора этой кафедры.

За время работы на кафедре социальной психологии в преподавательской должности Ю.М. Жуковым были разработаны и прочитаны авторские спецкурсы: «Анализ данных социально-психологического исследования», «Введение в практическую социальную психологию», «Консультирование организационного развития», «Методы практической социальной психологии», «Диагностика и развитие коммуникативной компетентности», «Социально-психологический тренинг». Он принимал активное участие в организации и проведении спецпрактикумов «Социально-психологический эксперимент», «Техника публичного выступления», «Методы командообразования». Батарея учебных курсов, разработанных Ю.М. Жуковым, постоянно расширяется. Так, с 2011 г. он читает спецкурс «Технологии командообразования», а с 2013 г. — спецкурс «Экспериментальная социальная психология».

Основные направления научной деятельности Юрия Михайловича — исследования в области методологии социальной психологии, коммуникативной компетентности, социального интеллекта, командообразования и методов работы с большими группами. Кандидатская диссертация, которую Ю.М. Жуков защитил в 1981 г., была связана с проблемами точности и дифференцированности межличностного восприятия; его докторская диссертация 2003 г. посвящена проблеме тренинга как метода совершенствования коммуникативной компетентности. Безусловно, научные интересы Юрия Михайловича представлены и в различных публикациях, которых на данный момент более 100. Большая часть из них представляет собой оригинальные научные и научно-методические разработки в области фундаментальных и прикладных исследований.

Кроме того, Ю.М. Жуков активно участвует в работе над учебными пособиями, которые позволяют передать багаж знаний следующему поколению ученых и практиков. Так, он является автором учебного пособия «Диагностика и развитие компетентности в общении», автором и редактором учебного пособия «Введение в практическую социальную психологию». Под его редакцией и при его авторском участии подготовлено и издано в 2004 г. учебное пособие «Методы практической социальной психологии», а в 2008 г. — два

новых учебных пособия «Социальные коммуникации» и «Технологии командообразования». В 2015 г. ожидается выход из печати подготовленной им монографии «Психология коммуникаций».

Юрий Михайлович Жуков хорошо известен в тренингово-консультационном сообществе как профессионал высокого класса и руководитель практико-ориентированных проектов в области командообразования и организационного развития. В свое время он был одним из основателей Института профессионального развития, формировал команду профессионалов для психологической поддержки первого в России референдума, осуществлял социально-психологическое сопровождение работы Конституционного совещания. Также работал старшим научным сотрудником Всесоюзного центра исследований человека при Президиуме АН СССР. С 1995 г. Ю.М. Жуков сконцентрировал свое внимание на преподавании и консультировании как государственных, так и частных организаций разного масштаба.

Так, несколько лет по приглашению В.П. Зинченко Юрий Михайлович работал на кафедре эргономики факультета кибернетики МИРЭА, в разные годы преподавал в МВТУ имени Баумана, Международном университете, Высшей школе международного бизнеса АНХ при правительстве РФ, Школе международного бизнеса при МГИМО, Институте повышения квалификации РАГС при президенте РФ, Академии практической психологии при Российском психологическом обществе. С 2005 г. является партнером и директором Центра развития организаций и команд Консалтинговой группы «Арбор».

Ю.М. Жуков много и плодотворно работает со студентами и аспирантами кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ и как научный руководитель. Под его научным руководством подготовлены и успешно защищены 10 кандидатских диссертаций и более 120 дипломных работ. Студенты и аспиранты с большим интересом обсуждают научные проблемы с Юрием Михайловичем, и залог этого интереса — его острый ум, неожиданный взгляд на ситуацию, креативный подход, чувство юмора, неизменная готовность поделиться своими размышлениями и идеями, состояние активного научного поиска, в котором он постоянно пребывает.

По словам Юрия Михайловича, все его «зигзаги» между различными практическими и теоретическими областями, такими, как командообразование и коммуникативная компетентность, экспериментальная психология и методология социальной психологии, во многом случайны, но не хаотичны. Все они связаны одной темой, точнее концептом, который он прорабатывает в последние несколько лет. Суть этого воззрения в том, что *человеческая жизнь*

соткана из событий, и наше сознание неотделимо от них. «Вся наша сознательная жизнь как раз и заключается в том, что мы подготавливаем события для других и реагируем на те события, которые подготовили нам люди или природа, а некоторые из нас еще и ухитряются выкраивать время на переживания событий, уже прошедших», — так Юрий Михайлович обозначает контуры своей концепции.

Говоря о дальнейших планах, профессор Жуков, конечно же, шутит о том, что собирается выйти на пенсию и писать мемуары. Но в действительных его жизненных проектах — продолжение работы на ниве просвещения, завершение серии очерков об истории практической социальной психологии и воплощение в виде монографии концепта «эвентуальности» (событийности) человеческого бытия и сознания.

Коллеги, друзья и ученики поздравляют Юрия Михайловича Жукова с юбилеем и желают ему здоровья, счастья и реализации всех его планов!